

Психическіе рудименты у человѣка.

I.

Отвѣтъ критикамъ, которые отрицають происхожденіе человѣка отъ обезьяны.— Несомнѣнное существованіе рудиментарныхъ органовъ.—Вырожденіе у человѣка органовъ чувствъ.—Атрофія органа Якобсона и Гардеровской железы у человѣка.

Нѣсколько критиковъ нашихъ «Этюдоевъ о природѣ человѣка» востали противъ теоріи происхожденія человѣка отъ обезьяны. Одни изъ нихъ нашли нашу аргументацію недостаточной и недоказательной. Другіе возражали особенно противъ возможности быстрого превращенія челоѣкообразнаго предка въ первобытное челоѣческое существо.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ настоящее время, когда мы ничего не знаемъ объ ископаемыхъ остаткахъ странъ, палеонтологія которыхъ еще совершенно не разработана, вопросъ о происхожденіи челоѣка не можетъ быть изучаеъ безъ помощи гипотезъ. Но я думалъ, что научныя открытія послѣдняго времени, столь блестящимъ образомъ подтверждающія теорію происхожденія челоѣка отъ обезьяны, способны повліять на самыхъ упорныхъ противниковъ. Я рассчитывалъ особенно на доказательства, представляемыя исторіей развитія челоѣкообразныхъ обезьянъ и изученіемъ ихъ кровяной жидкости. Несмотря на это, немалое количество авторовъ продолжактъ упорствовать въ своемъ противодѣйствіи этой теоріи. Одинъ изъ моихъ критиковъ, докторъ *Жуссэ* ¹⁾, перечисляетъ нѣкоторыя отличія въ устройствѣ скелета челоѣка и челоѣкообразныхъ обезьянъ и заключаетъ, что они «самымъ рѣзкимъ образомъ отдѣляютъ челоѣка отъ обезьяны». Разумѣется, никто никогда не сомнѣвался въ томъ, что челоѣкъ не тождественъ съ челоѣкообразными обезьянами и что онъ отличается отъ нихъ многими особенностями скелета и другихъ органовъ. Но эти отличія не настолько существенны, чтобы основать на нихъ рѣзкое

¹⁾ La nature humaine et la philosophie optimiste. Paris, 1904 г.

отдѣленіе человѣка отъ обезьянъ. Значительная длина предплечій, на которой особенно настаиваетъ мой критикъ, находится въ соотношеніи съ образомъ жизни человѣкообразныхъ, которые ползаютъ по деревьямъ и ходятъ на четверенькахъ. Разница въ длинѣ предплечій человѣкообразныхъ обезьянъ и европейца дѣйствительно очень значительна. Но у нѣкоторыхъ низшихъ расъ, напримѣръ, у веддаховъ, она гораздо меньше. У акковъ центральной Африки переднія конечности столь длинны, что руки доходятъ почти до коленъ. Зародышъ европейской расы отличается также чрезмѣрной длиной предплечій, что указываетъ на преемственный характеръ этого признака. Только послѣ появленія на свѣтъ предплечіе представляется относительно болѣе короткимъ.

Всѣ другіе отличительные признаки между человѣкомъ и человѣкообразными обезьянами также имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Но подобно тому, какъ различные роды и виды послѣднихъ отличаются между собою, такъ и различныя человѣческія расы представляютъ отличія, нерѣдко очень значительныя. Въ сравнительномъ изслѣдованіи мускульной системы обезьянъ *Михаэлис* ¹⁾ сообщаетъ много подробностей о строеніи мускуловъ у orang-утанга и шимпанзе, изъ которыхъ слѣдуетъ, что, рядомъ съ отличіями между этими двумя человѣкообразными, ихъ мускулы обнаруживаютъ большое сходство съ мышечной системой человѣка.

Столь многочисленныя мускульныя аномаліи у человѣка указываютъ на связь съ мускулами человѣкообразныхъ. То же относится и къ нѣкоторымъ другимъ аномаліямъ. Иногда послѣднія приближаютъ даже человѣка къ млекопитающимъ болѣе низкимъ, чѣмъ обезьяны. Таковы придаточные сосцы, встрѣчающіеся иногда у человѣка симметрично по обѣимъ сторонамъ груди. Такая же аномалія наблюдается иногда и у обезьянъ, что объясняется всего проще предположеніемъ, что, подобно человѣку, и обезьяны произошли отъ млекопитающихъ, имѣвшихъ нѣсколько паръ грудныхъ железъ.

Значительное количество аномалій и рудиментарныхъ органовъ у человѣка представляетъ драгоценныя указанія въ пользу животнаго происхожденія человѣка. Правда, что нѣкоторые авторы еще и теперь оспариваютъ этотъ выводъ и даже отрицаютъ вообще существованіе рудиментарныхъ органовъ. Изъ числа нашихъ критиковъ слѣдуетъ особенно отмѣтить г. *Бретта* ²⁾, который собралъ много данныхъ по этому вопросу съ цѣлью доказать, что всѣ такіе органы выполняютъ какое-нибудь необходимое для организма отправление. По его

¹⁾ Archiv f. Anat. u. Physiol. Anatom. Abtheil. 1903 г., стр. 205.

²⁾ L'Univers et la vie, стр. 592.

мнѣнію, органы, признаваемые нами за рудиментарные, служатъ лишь указаніемъ на общій планъ организаціи человѣка и животныхъ. При этомъ *Бреттъ* ограничивается общими соображеніями, настаивая особенно на законѣ «подчиненія органовъ», но не доказывая вовсе выполненія отправленій рудиментарными органами. Въ нашихъ «Этюдахъ о природѣ человѣка» мы настаивали между прочимъ на бесполезности зубовъ мудрости, которые очень долго остаются скрытыми и вовсе не служатъ для жеванія пищи. Много людей остаются всю жизнь съ непрорѣзанными зубами мудрости, что не представляетъ для нихъ ни малѣйшаго неудобства. Мы видимъ здѣсь типическій примѣръ рудиментарнаго органа. Желая оспорить это положеніе, нужно доказать, что эти зубы выполняютъ какую-нибудь необходимую роль и что ихъ отсутствіе причиняетъ организму вредъ. Но именно этого-то никогда и не доказали мои критики.

Молочныя железы самцовъ представляютъ другой примѣръ рудиментарныхъ органовъ. Ихъ отправленіе хорошо извѣстно у женщинъ и самокъ и, кромѣ того, извѣстно, что у самцовъ эти органы лишь въ исключительныхъ случаяхъ выдѣляютъ молоко.

Особенно богаты рудиментарными частями органы чувствъ. Животныя, живущія въ подземныхъ пещерахъ, лишенныхъ свѣта, не могутъ отличать предметовъ при помощи зрѣнія. Ихъ глаза находятся въ рудиментарномъ состояніи. Въ виду всѣхъ приведенныхъ фактовъ невозможно отрицать существованія рудиментарныхъ органовъ. Послѣдніе являются вѣхами, указывающими намъ прошлое человѣческаго рода. Поэтому сравнительное изученіе органовъ, рудиментарныхъ у человѣка, но совершающихъ отправленіе у животныхъ, представляетъ капитальное значеніе для вопроса о нашемъ происхожденіи.

Уже высшія, или человѣкообразныя, обезьяны потеряли нѣкоторыя части своихъ органовъ чувствъ. Такимъ образомъ, органы обонянія у нихъ развиты гораздо менѣе, чѣмъ у многихъ другихъ млекопитающихъ. Человѣкъ унаслѣдовалъ несовершенство этого органа. И въ самомъ дѣлѣ, обоняніе у него развито значительно менѣе, чѣмъ у млекопитающихъ, стоящихъ гораздо ниже его на лѣстницѣ существъ.

Но, благодаря своему уму, человѣкъ сумѣлъ приручить домашнихъ животныхъ, какъ собакъ, хорьковъ и свиней; онъ пользуется ихъ тонкимъ обоняніемъ для разыскиванія дичи и съѣдобныхъ растений.

Въ другихъ случаяхъ несовершенство обонянія у человѣка съ успѣхомъ замѣняется собственными умственными способностями.

Нѣтъ надобности въ томъ, чтобы обоняніе извѣщало его издали о приближеніи непріятеля, для того чтобы успѣть бѣжать. Онъ обладаетъ средствами защиты, далеко превышающими ихъ у животныхъ. При этихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что органъ обонянія у человѣка значительно упрощенъ сравнительно съ тѣмъ, что мы видимъ у низшихъ млекопитающихъ.

Уже носовая область головы гораздо меньше у обезьянъ и человѣка, чѣмъ у ихъ предковъ—низшихъ млекопитающихъ. Внутреннія части представляютъ соотвѣтствующія различія. Такъ, большинство млекопитающихъ и особенно собаки имѣютъ 4 носовыя раковины, служащія для увеличенія поверхности носовой слизистой оболочки; у человѣка же ихъ всего 3, изъ которыхъ одна притомъ въ зачаточномъ состояніи.

Въ составъ органа обонянія большинства млекопитающихъ входитъ хорошо развитая часть, извѣстная подъ именемъ «органа Якобсона». Роль ея, по всей вѣроятности, заключается въ обоняніи веществъ, попавшихъ въ ротовую полость.

У человѣка органъ этотъ рудиментаренъ; онъ неспособенъ выполнять этой функціи, потому что не снабженъ соотвѣтствующимъ нервомъ.

Остатокъ этотъ, сдѣлавшійся ненужнымъ, однако, даетъ намъ указанія на развитіе органа обонянія у человѣка, подобно тому, какъ условный знакъ *accent circonflexe* указываетъ намъ на исчезновеніе согласной во французскихъ словахъ.

У человѣческаго зародыша органъ Якобсона не только гораздо болѣе развитъ, чѣмъ у взрослого человѣка, но онъ еще снабженъ сильно развитымъ нервнымъ стволомъ, исчезающимъ въ концѣ эмбриональнаго существованія. Кромѣ того, у человѣческаго зародыша 5 носовыхъ раковинъ; впослѣдствіи онѣ сводятся въ 3, изъ которыхъ только 2 достигаютъ достаточнаго развитія.

Исторія развитія органа обонянія, основанная на сравнительно-анатомическихъ и эмбриологическихъ данныхъ, указываетъ на связь между этимъ аппаратомъ у человѣка и у млекопитающихъ. Связь эту можно прослѣдить благодаря остаткамъ, служащимъ звеньями при научномъ изслѣдованіи.

Слухъ также понизился у человѣка, какъ и нѣкоторыя части органа, служащаго для него.

Животныя въ борьбѣ за существованіе должны были пользоваться своимъ сильно развитымъ слухомъ гораздо больше, чѣмъ человѣкъ и наиболѣе смышленные млекопитающія.

Всѣ мы видѣли, какъ лошадь при малѣйшемъ внѣшнемъ впечатлѣніи наостряетъ уши, чтобы лучше слышать. Обезьяны и че-

ловѣкъ потеряли эту способность, и послѣдній иногда замѣняетъ ее искусственными средствами.

Когда лекторъ читаетъ не довольно громко, мы видимъ, какъ нѣкоторые слушатели приставляютъ руку къ уху, какъ слуховой рожокъ, облегчающій слухъ. Человѣкъ имѣетъ ушные мускулы, но въ большинствѣ случаевъ они слишкомъ слабы для того, чтобы двигать ухо.

Только въ видѣ исключенія могутъ нѣкоторые люди двигать ушами; мускулы ушной раковины—это лишь остатки гораздо болѣе развитыхъ ушныхъ мускуловъ, которые были у нашихъ низшихъ предковъ.

Въ нашемъ органѣ зрѣнія особенный интересъ представляетъ маленькая перепонка внутреннего угла глаза, извѣстная подъ именемъ полулунной складки. Эта перепонка — не что иное, какъ ненужный остатокъ органа, гораздо болѣе развитого у низшихъ млекопитающихъ. У собаки онъ является въ видѣ 3-яго маленькаго вѣка; оно поддерживается отдѣльнымъ хрящикомъ и снабжено выдѣлительной железой, извѣстной подъ именемъ Гардеровской железы. Соответственные органы гораздо болѣе развиты у птицъ, пресмыкающихся и лягушекъ.

Всѣ видѣли, какъ тонкая оболочка, отходящая отъ внутреннего угла глаза, покрываетъ все глазное яблоко курицы или иной птицы. У этихъ животныхъ глазъ защищенъ 3-имъ вѣкомъ, снабженнымъ собственными мускулами; у насъ же роль его выполняется двумя вполне развитыми вѣками. Третье вѣко птицъ и вообще низшихъ позвоночныхъ связано, какъ и у собаки, съ объемистой Гардеровской железой, выдѣляющей жидкость, подобную слезамъ.

У обезьянъ весь этотъ аппаратъ уже очень сокращенъ. Многія изъ нихъ имѣютъ еще маленькую Гардеровскую железу и слабо развитое 3-е вѣко. У человѣка, какъ было уже сказано, сохранились лишь остатки этихъ органовъ. Гардеровская железа болѣе или менѣе атрофирована, а 3-е вѣко является въ видѣ незначительной полулунной складочки. У низшихъ расъ послѣдняя часто еще снабжена маленькимъ хрящомъ. Такъ, *Джакомини* нашелъ его у двѣнадцати негровъ изъ 16, изслѣдованныхъ имъ; между тѣмъ какъ изъ 548 бѣлыхъ хрящикъ оказался только у троихъ.

Объясненіе этихъ фактовъ совершенно ясно: у человѣка полулунная складка — послѣдній остатокъ органа, бывшаго полезнымъ только для нашихъ отдаленныхъ предковъ.

Человѣческіе органы воспроизведенія представляютъ множество подобныхъ рудиментовъ. Существуетъ даже остатокъ гермафродитизма, т. е. очень низкой организациі, весьма древняго происхо-

ждения. Разсматривая чрезвычайно частыя аномаліи этихъ органовъ, можно найти въ нихъ слѣды цѣлаго ряда измѣненій, происшедшихъ въ длинный періодъ развитія человѣчества. Такъ, у нѣкоторыхъ женщинъ встрѣчаются матки, соотвѣтствующія по своему строенію этому органу у низшихъ млекопитающихъ, вплоть до сумчатыхъ съ ихъ двойной маткой.

Въ эволюціи человѣка преобладаетъ сильное развитіе мозга и умственныхъ способностей. Вотъ почему человѣкъ потерялъ множество органовъ и функцій, служившихъ его болѣе или менѣе отдаленнымъ предкамъ.

II.

Психическія особенности человѣкообразныхъ обезьянъ. Ихъ мышечная сила.—Проявленіе страха.—Пробужденіе у человѣка скрытыхъ инстинктовъ подъ влияніемъ страха.

Вышеизложенные факты были приведены для того, чтобы убѣдиться, что всякое развитіе оставляетъ слѣды въ видѣ рудиментовъ, указывающихъ на послѣдовательныя ступени, пройденныя во время развитія.

Весьма вѣроятно поэтому, что психическія и психофизиологическія дочеловѣческія отправления, имѣющія такую длинную исторію, тоже должны были оставить болѣе или менѣе уловимые слѣды. Только найти ихъ гораздо труднѣе, чѣмъ рудименты органовъ, которые могутъ быть обнаружены вскрытіемъ.

Постараюсь выполнить эту задачу, хотя попытка моя будетъ едва намѣченнымъ и, быть можетъ, только временнымъ наброскомъ.

Сначала бѣгло взглянемъ на животныхъ, наиболѣе близкихъ къ человѣку.

Несомнѣнно, что современные антропоморфныя обезьяны представляютъ большое родство съ человѣкомъ и что связь ихъ съ нашими животными предками была еще болѣе сильной.

Человѣкообразныя обезьяны нашего времени живутъ, главнымъ образомъ, въ дѣвственныхъ лѣсахъ. Онѣ питаются преимущественно плодами и почками, но не пренебрегаютъ яйцами и даже маленькими птичками. Для этого онѣ взлѣзаютъ на деревья, легко достигая ихъ вершинъ. Орангъ-утанги и шимпанзе карабкаются медленно и очень осторожно; гиббоны же дѣлаютъ это съ большой живостью и необыкновеннымъ искусствомъ. Наблюдали, что они съ замѣчательною вѣрностью перескакиваютъ съ вѣтки на вѣтку на разстояніи до 40 футовъ. Они порхаютъ по вершинамъ высочайшихъ деревьевъ, не задевая до вѣтвей, среди которыхъ вскарабкиваются, и

въ теченіе цѣлыхъ часовъ съ величайшей легкостью перескакиваютъ черезъ пространство отъ 12-ти до 18-ти футовъ.

Чтобы дать понятіе о ловкости и живости гиббоновъ, *Мартинъ* приводитъ примѣръ одной самки, которую онъ наблюдалъ въ неволѣ.

«Однажды она съ жерди бросилась въ окну черезъ пространство, по крайней мѣрѣ, въ 12 футовъ. Казалось бы, что она неизбѣжно должна была разбить стекло. Къ великому удивленію зрителей, ничуть не бывало: она руками ухватилась за узкую перекладину рамы между стеклами и черезъ мгновеніе кинулась въ обратномъ направленіи, въ покинутую клѣтку. Это требовало не только большой силы, но и величайшей вѣрности движеній».

Большая мускульная сила, упомянутая въ этомъ разсказѣ, свойственна всѣмъ человѣкообразнымъ обезьянамъ. Англійскій матросъ *Бэттель*, давшій первое описаніе гориллы въ началѣ XVII вѣка, утверждаетъ, будто животное это такъ сильно, что десять человѣкъ не могутъ одолѣть его во взросломъ возрастѣ.

Другія человѣкообразныя обезьяны хотя и уступаютъ въ этомъ отношеніи гориллѣ, тѣмъ не менѣе проявляютъ удивительную силу.

Молодой самецъ шимпанзе, *Эдуардъ*, наблюдавшійся нами въ Пастеровскомъ институтѣ, такъ отбивался при малѣйшемъ прикосновеніи, что приходилось держать его 4 человѣкамъ. Пришлось не выпускать его на свободу, потому что никоимъ образомъ нельзя было водворить его обратно въ клѣтку.

Даже совсѣмъ молоденькія шимпанзе, самки, еле достигшія двухъ лѣтъ, не легко даютъ себя трогать. Несмотря на свою кротость, онѣ изъ всѣхъ силъ сопротивляются всякій разъ, когда на ночь водворяютъ ихъ въ клѣтку. Этому съ трудомъ можно достигнуть вдвоемъ.

И однако, несмотря на свою поразительную мускульную силу человѣкообразныя обезьяны очень трусливы. На давая себѣ отчета въ своемъ преимуществѣ, онѣ бѣгутъ отъ малѣйшей воображаемой опасности.

Наши шимпанзе, зубы и мускулы которыхъ очень сильны, обезьяны, боятся большой испугъ, когда имъ показываютъ такихъ безобидныхъ и слабыхъ животныхъ, какъ морскія свинки, голуби и кролики. Даже мыши вначалѣ устрашали ихъ, и необходимо было наступать на нихъ, чтобы шимпанзе не пустились въ бѣгство отъ своего врага.

Благодаря этому, при естественныхъ условіяхъ человѣкообразныя обезьяны почти никогда не принимаютъ наступательнаго положенія. «Хотя орангъ-утанъ одаренъ огромной мускульной силой, — говоритъ *Гэсли*, — онъ рѣдко пытается защищаться, особенно когда на него нападаютъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ этихъ случа-

яхъ онъ старается спрятаться на вершинахъ деревьевъ, въ своемъ бѣгствѣ ломая вѣтви и бросая ихъ на землю».

По словамъ *Сваджа*, шимпанзе, «повидимому, никогда сами не нападаютъ и если не никогда, то рѣдко защищаются».

«Первое движеніе самки, застигнутой съ дѣтенышемъ на деревѣ, было быстро спуститься и бѣжать въ кусты».

Горилла, самая сильная и свирѣпая изъ человекообразныхъ обезьянъ, иногда нападаетъ первая. Вышеприведенный авторъ рассказываетъ слѣдующее: «Гориллы чрезвычайно свирѣпы и часто нападаютъ; онѣ не бѣгутъ при видѣ человѣка, какъ шимпанзе». При первомъ испугѣ «самки и дѣтеныши быстро исчезаютъ, а самецъ съ яростью приближается къ врагу, испуская рядъ ужасающихъ криковъ».

Итакъ, нападаютъ одни самцы, да и то, должно быть, рѣдко, потому что одинъ изъ позднѣйшихъ наблюдателей, *Коттенфельсъ*, утверждаетъ, что «горилла никогда первая не нападаетъ на человѣка. Она скорѣе избѣгаетъ встрѣчи съ нимъ и, завидя его, обыкновенно убѣгаетъ съ особенными гортанными криками».

Посмотримъ, какія изъ этихъ свойствъ сохранились въ родѣ человѣческомъ.

По своей природѣ человѣкъ не такъ силенъ и не такъ довокъ, какъ антропоидныя обезьяны, но ему свойственна ихъ трусливость.

Страхъ — одно изъ первыхъ психическихъ проявленій ребенка. При малѣйшемъ измѣненіи равновѣсія, при погруженіи въ воду ванны онъ проявляетъ несомнѣнные признаки страха.

Позднѣе ребенокъ пугается при приближеніи какого бы то ни было животнаго, совершенно какъ вышеописанныя молодые шимпанзе. Самый безобидный паукъ можетъ вызвать въ ребенкѣ этотъ инстинктивный страхъ. Умственное развитіе, посколькѣ возможно, борется съ нимъ. Тѣмъ не менѣе страхъ очень часто обнаруживается болѣе или менѣе рѣзко, и *здесь-то слѣдуетъ искать у человека остатковъ психологии его предковъ*.

Остановимся же нѣсколько минутъ на разборѣ чувства страха.

Первымъ проявленіемъ его служить бѣгство. Приближеніе опасности возбуждаетъ движеніе нашихъ ногъ, и человѣкъ чувствуетъ инстинктивную потребность бѣжать, даже въ томъ случаѣ, когда это опаснѣе той опасности, которой онъ хочетъ избѣгнуть.

Такъ, при первомъ страхѣ пожара въ публичномъ мѣстѣ люди бѣдаются къ дверямъ и часто давятъ другъ друга, желая бѣжать. Даже въ случаяхъ величайшаго испуга однимъ изъ первыхъ проявленій его служить желаніе бѣжать.

Извѣстный итальянскій фізіологъ *Моссо* рассказываетъ слѣдую-

щее въ своей монографіи о страхахъ. Одинъ калабрійскій разбойникъ, услышавъ свой смертный приговоръ. «испустилъ громкій, раздражающій, ужасный крикъ, посмотрѣлъ вокругъ себя, точно съ жадностью ища чего-то, затѣмъ содѣлалъ поворотъ назадъ, чтобы бѣжать, и бросился съ вытянутыми руками, ударяясь о стѣнку двора, извиваясь и царапая камни, точно хотѣлъ проникнуть въ нихъ».

Палишній въ этомъ примѣрѣ, а часто даже вредный, инстинктъ бѣгства, унаслѣдованный человѣкомъ отъ его животныхъ предковъ, очевидно, былъ пріобрѣтенъ какъ средство самосохраненія во избѣжаніе опасности. Но не однимъ бѣгствомъ проявляется испугъ. Часто онъ сопровождается дрожью, которая можетъ даже мѣшать бѣгству. Въ примѣрѣ *Моссо* калабрійскій разбойникъ «послѣ нѣкоторыхъ усилій, криковъ и извиваній упалъ, какъ неодушевленное тѣло, безъ движеній, подобно мокрой тряпкѣ; онъ былъ блѣденъ, — говорить *Моссо*, — и дрожалъ, какъ я никогда не видѣлъ, чтобы кто-нибудь дрожалъ. Казалось, что мускулы его — мягкій, колеблющійся студень».

Эта инерція дрожащаго тѣла — также наслѣдіе животныхъ. *Дарвинъ* думаетъ, что дрожаніе не представляетъ никакой пользы для самосохраненія и что иногда оно даже вредно. Явленіе это вообще кажется ему очень неяснымъ и трудно объяснимымъ. Это мнѣніе раздѣляетъ и *Моссо*. Дрожаніе мускуловъ туловища является съ увеличеніемъ и преувеличеніемъ движеній мускуловъ кожи, вызываемыхъ у насъ «гусиную кожу». Явленіе это безспорно — рудиментъ механизма, часто представляющаго у животныхъ несомнѣнную пользу.

Есть лишь въ рѣдкихъ случаяхъ бѣжить передъ опасностью; всего чаще онъ останавливается и сворачивается въ клубокъ, благодаря сильному развитію кожного мускула. У птицъ и многихъ млекопитающихъ кожные мускулы поднимаютъ перья и шерсть. *Известно* очень часто наблюдаются при страхахъ. Они служатъ для согреванія кожи. а также, какъ думаетъ *Дарвинъ*, для того, чтобы казаться врагу больше и страшнѣе. Страхъ и холодъ, оба вызываютъ сокращеніе периферическихъ сосудовъ и — у человѣка — движеніе влеченія рудиментарныхъ мускуловъ, окружающихъ корни волосковъ. Сокращеніе этихъ мускуловъ вызываетъ «гусиную кожу», которая есть не что иное, какъ фізіологическій рудиментъ, не способный ни согрѣть кожу, ни увеличить объемъ тѣла. Изрѣдка встрѣчаются люди, могущіе произвольно вызывать у себя «гусиную кожу»; для этого имъ стоитъ только представить себѣ, что имъ холодно.

Въ нормальномъ состояніи рудиментарные кожные мускулы человѣка неподвижны, и нужно особенное возбужденіе, чтобы заставить ихъ функционировать.

Страхъ, способный сокращать мускулы, не подчиняющіеся волѣ, можетъ также двигать и другіе мускулы, несмотря на всѣ усилія воли остановить ихъ. При волненіяхъ, глубоко потрясающихъ нервную систему, особенно въ случаяхъ страха, сокращенія мочевого пузыря и кишокъ становятся такими сильными, что содержимое ихъ помимо воли опоражнивается.

Всѣмъ извѣстны такіе случаи у молодыхъ людей во время экзаменовъ. *Моссо* приводитъ примѣръ одного изъ своихъ товарищей, добровольца во время войны 1866 года. Страхъ во время битвы вызывалъ у него неудержимыя выдѣленія, и никакія усилія не могли заставить его организмъ выносить ужасное зрѣлище.

Эта произвольная дѣятельность мочевого пузыря и кишокъ также — наслѣдіе животныхъ. Часто наблюдали подобное явленіе у собакъ и обезьянъ. На Мадерѣ у меня была очень трусливая мартышка, которая при малѣйшемъ испугѣ опоражнивала кишки.

Очень вѣроятно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ механизмомъ, полезнымъ для самосохраненія.

Какъ извѣстно, выдѣленіе нѣкоторыхъ веществъ облегчаетъ борьбу за существованіе. Такъ, лисица, охотясь за барсукомъ, выгоняетъ его изъ логовища, а хореку и скунксу защищаются отъ болѣе сильныхъ хищниковъ, обрызгивая ихъ очень вонючей жидкостью.

Итакъ, инстинктивный страхъ служить очень могущественнымъ возбудителемъ, способнымъ вызвать рудиментарныя и почти вполне заглушенныя функціи. Иногда онъ возбуждаетъ дѣятельность давно утраченныхъ механизмовъ.

Павзаній приводитъ примѣръ нѣмого молодого человѣка, заговорившаго подѣ влияніемъ страха при видѣ льва. *Геродотъ* рассказываетъ, что нѣмой сынъ *Креза* при видѣ перса, хотѣвшаго убить его отца, воскликнулъ: «Не убивай Креза!». И съ тѣхъ поръ могъ говорить. Эти рассказы древнихъ временъ подтверждаются множествомъ современныхъ наблюденій.

Такъ, напримѣръ, женщина, нѣмая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, при видѣ пожара подѣ влияніемъ страха вдругъ крикнула: «Огонь!». Съ тѣхъ поръ она стала говорить.

Въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ пробужденіемъ функцій, которые были только въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но страхъ

способенъ вызвать дѣятельность даже механизмовъ, загложшихъ съ незапамятныхъ временъ.

Самыя разнообразныя животныя инстинктивно умѣютъ плавать. Таково общее правило для птицъ и млекопитающихъ. Нѣкоторые виды не любятъ воды, но, несмотря на это, они не тонутъ при погруженіи въ нее. Кошки елико возможно избѣгаютъ воды, что не мѣшаетъ имъ хорошо плавать.

Историки рассказываютъ, что *Ганнибалъ* очень затруднился переправить своихъ слоновъ черезъ Рону. Сначала онъ переправилъ нѣсколько самокъ; тогда остальные слоны бросились вплавъ за ними и благополучно достигли другого берега.

Обезьяны также имѣютъ прирожденную способность плавать. Мнѣ не удалось провѣрить, сохранена ли она и у человѣкообразныхъ обезьянъ.

Во всякомъ случаѣ человѣкъ лишенъ такой инстинктивной способности. Предполагаютъ, что низшія расы лучше насъ одарены въ этомъ отношеніи. Рассказываютъ, что «у негровъ дѣти, едва вышедшія изъ пеленокъ, бѣгутъ къ морю или рѣкамъ и почти такъ же рано умѣютъ плавать, какъ и ходить». Среди бѣлыхъ нѣкоторые съ большимъ трудомъ выучиваются плавать.

Во всякомъ случаѣ они не плаваютъ инстинктивно, подобно своимъ животнымъ предкамъ. *Кристманнъ*, авторъ учебника о плаваніи, находитъ, что «разумъ человѣческій является менѣе вѣрнымъ руководителемъ, чѣмъ безошибочный инстинктъ животнаго». Страхъ способенъ заглушить разсудокъ, при чемъ всплываетъ рудиментарный инстинктъ. И въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что хорошее средство выучить ребенка или взрослого плавать—это бросить его въ воду. Подъ вліяніемъ страха пробуждается инстинктивный механизмъ, унаслѣдованный отъ животныхъ, и человѣкъ тотчасъ становится способнымъ плавать. Нѣкоторые учителя плаванія съ успѣхомъ прибѣгаютъ къ этой методѣ. Я зналъ особу, выучившуюся плавать такимъ образомъ. Г-нъ *Труба*, бібліотекаръ парижской Национальной бібліотеки, привелъ мнѣ въ примѣръ одного изъ своихъ друзей, «нѣсколько лѣтъ тому назадъ умершаго журналиста, который, не умѣя плавать, однажды вечеромъ купался въ Сенѣ, въ Нейллы. Вдругъ онъ сталъ тонуть, при чемъ испугъ спасъ его. Съ тѣхъ поръ, говорилъ онъ, я умѣю плавать».

Такъ какъ страхъ въ иныхъ случаяхъ побуждаетъ къ бѣгству, а въ другихъ, наоборотъ, лишаетъ движенія, то и плавающему можетъ иной разъ оказать дурную услугу. Поэтому учителя, пользующіеся испугомъ для обученія плаванію, должны всегда быть наготовѣ въ случаѣ дѣйствительной опасности.

Тѣмъ не менѣе остается вѣрнымъ, что *страхъ способенъ въ известной мѣрѣ пробудить съ давнихъ поръ заложившія отпаивленія и этимъ осветить намъ нѣкоторыя стороны въ исторіи развитія человѣчества.*

III.

Боязнь, какъ поводъ обнаруженія истеріи.—Естественный сомнамбулизмъ.—Раздвоеніе личности.—Нѣсколько примѣровъ лунатиковъ.—Сходство между дѣйствіями лунатиковъ и жизнью челоѣкообразныхъ обезьянъ.—Психологія толпы.—Важность изученія истеріи для разрѣшенія вопроса о происхожденіи челоѣка.

Интересъ изученія страха не ограничивается одними вышеприведенными фактами. Чувство это, кромѣ того, часто въ значительной степени возбуждаетъ столь темныя и сложныя явленія истеріи.

Съ большимъ колебаніемъ приступаю къ этому вопросу, требующему гораздо болѣе обширныхъ и спеціальныхъ свѣдѣній, чѣмъ мои. Поэтому ограничусь разсмотрѣніемъ только нѣкоторыхъ изъ тѣхъ признаковъ этой болѣзни, которые могутъ пролить свѣтъ на психическіе рудименты челоѣка.

Среди причинъ истеріи страхъ занимаетъ безусловно первое мѣсто. Такъ, изъ 22 истеричныхъ женщинъ, изслѣдованныхъ *Жорже*, рѣшающими поводами были: въ 13 случаяхъ—испугъ, въ 7—сильное горе, въ одномъ—сильное раздраженіе. Въ клиникѣ д-ра *Питр'а*, въ Бордо, одна больная «стала истеричной вслѣдствіе сильного испуга». «Въ деревню пришелъ укротитель медвѣдей; она пошла посмотрѣть его представленіе и пробралась сквозь толпу зрителей въ самый первый рядъ. Медвѣдь, танцуя, подошелъ такъ близко къ ней, что дотронулся своей холодной мордой до щеки дѣвушки. Она испугалась, пустилась бѣжать домой и тотчасъ упала въ обморокъ на свою постель. У нея сдѣлались конвульсіи и сильнѣйшее возбужденіе съ бредомъ. Съ тѣхъ поръ припадки часто стали повторяться, и всегда бредъ, сопровождавшій ихъ, касался страха, вызваннаго прикосновеніемъ медвѣдя».

Въ Салпетріерѣ одну истеричную преслѣдуютъ страшные сны. «Ее убиваютъ, насилуютъ, душатъ, она падаетъ въ воду, зоветъ на помощь».

Изъ разнообразныхъ проявленій истеріи мы остановимся на столь парадоксальныхъ и странныхъ случаяхъ такъ называемаго естественнаго сомнамбулизма, когда больные продѣлываютъ разныя дѣйствія, о которыхъ при пробужденіи теряютъ всякое воспоминаніе.

Таковы случаи настоящаго раздвоенія личности: больные живутъ въ различныхъ состояніяхъ, при чемъ въ одномъ не имѣютъ

ни малѣйшаго воспоминанія о томъ, что происходитъ въ другомъ. Вотъ одно изъ наиболѣе интересныхъ наблюденій этого рода. Одна женщина забеременѣла въ сомнамбулическомъ состояніи; въ нормальномъ же она не сознавала причины своего положенія, несмотря на то, что хорошо знала и свободно говорила о немъ, когда впадала въ свое сомнамбулическое состояніе.

Во время естественнаго сомнамбулизма больные большею частью повторяютъ обычные дѣйствія ихъ ремесла и ежедневной жизни, къ которымъ у нихъ развилась безсознательная привычка. Мастеровые выполняютъ ручную работу; швеи шьютъ, прислуга чиститъ обувь и одежду, накрываетъ на столъ и т. д. Люди болѣе высокой культуры предаются той умственной работѣ, къ которой они всего привычнѣе. Наблюдали, что духовныя лица въ сомнамбулическомъ состояніи сочиняли проповѣди, перечитывали ихъ и поправляли ошибки слога и правописанія.

Но на ряду съ сомнамбулами, повторяющими во время сна обыденныя дѣйствія своей жизни, есть и такіе, которые продѣлываютъ особенные, необычные имъ поступки. *Эти-то случаи и представляютъ наибольшій интересъ съ нашей точки зрѣнія.*

Вотъ одинъ изъ всего лучше изслѣдованныхъ примѣровъ.

Въ парижской больницѣ *Лазнеж* сидѣлкой приняли истеричную 24-лѣтнюю дѣвушку. Въ одно изъ воскресеній, вслѣдствіе утомленія отъ многочисленныхъ посѣщеній, ей нездоровилось. Въ часъ ночи она встаетъ. Испуганный ночной сторожъ приглашаетъ дежурнаго врача, и тотъ наблюдаетъ слѣдующую сцену:

«Большая направляется къ лѣстницѣ, ведущей въ помѣщеніе сидѣлокъ; затѣмъ она быстро направляется въ обратную сторону къ прачечной; но дверь заперта; тогда она колеблется, мѣняетъ направленіе и идетъ къ дортуару больничной прислуги, гдѣ она спала раньше; она поднимается въ чердачный этажъ, гдѣ находится этотъ дортуаръ. Дойдя до верхней площадки лѣстницы, она открываетъ окно, выходящее на крышу, выходитъ изъ окна, гуляетъ по рывнѣ на глазахъ другой сидѣлки, съ ужасомъ слѣдящей и не смѣющей заговорить съ нею, входитъ обратно въ другое окно и спускается по лѣстницѣ». «Въ эту минуту мы видимъ ее,—говоритъ дежурный врачъ:—она ходитъ безшумно, движенія ея автоматичны, руки висятъ вдоль нѣсколько наклоненнаго туловища; голову она держитъ прямо и неподвижно; волосы ея распущены, глаза широко открыты. Она совершенно походитъ на фантастическое привидѣніе».

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ истеричной, которая въ нормальномъ состояніи, понятно, не имѣла никакой привычки лазить по крышамъ и гулять по рывнамъ.

Въ другомъ случаѣ, сообщенномъ *Шарко*, дѣло касается хорошо воспитаннаго 17-тилѣтнаго сына крупнаго промышленника. Утомленный подготовленіемъ къ годичному экзамену, юноша рано улегся спать. Черезъ нѣкоторое время онъ встаетъ въ своемъ дортуарѣ, выходитъ черезъ окно на крышу и благополучно продолжаетъ свою опасную прогулку вдоль рынвы. Его разбудили безъ дальнѣйшихъ приключеній.

Случай, описанный докторами *Месне* и *Мотте*, представляетъ еще большій интересъ. Тридцатилѣтняя, въ высшей степени истеричная женщина «встаетъ ночью, одѣвается совершенно одна и безъ посторонней помощи, отставляетъ мебель, загораживающую ей дорогу, ни разу не наталкиваясь на нее. Поскольку она безпечна и лѣнива въ теченіе дня, постольку становится она живой при выполненіи самыхъ разнообразныхъ дѣйствій ночью. Она гуляетъ по своей квартирѣ, открываетъ двери, спускается въ садъ, *съ ловкостью прыгаетъ по скамьямъ, бѣгаетъ...* и все это гораздо лучше, чѣмъ днемъ, когда нужно было *поддерживать ее подъ руку*».

Гирстъ рассказываетъ изумительный фактъ, случившійся въ XVI вѣкѣ. «Спящій военный подходитъ къ окну, вскарабкивается по веревкѣ на вершину башни, оттуда приносить сорочье гнѣздо съ птенцами и ложится въ постель, гдѣ продолжаетъ спать до слѣдующаго дня». Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ достаточно данныхъ относительно этого столь интереснаго случая.

Чтобы имѣть болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія, обратимся къ современнымъ наблюденіямъ.

Вотъ одно, подробно изложенное д-мъ *Кинономъ*. «Тридцатичетырехлѣтній челоѣкъ, курьеръ по профессіи, поступаетъ въ больницу вслѣдствіе припадковъ истеріи. Вскорѣ послѣ его поступленія въ палату клиники однажды около часу ночи больной вдругъ всталъ съ кровати, быстро открылъ окно и прыгнулъ изъ него во дворъ больницы. Фельдшера, дежурные, побѣжавшіе за нимъ, видѣли, что онъ со всѣхъ ногъ бѣжалъ раздѣтый съ подушкой въ рукахъ и направился сквозь рядъ садовъ и аллей, гдѣ никогда не бывалъ и топографіи которыхъ совершенно не зналъ; онъ перескакивалъ черезъ заборы, взобрался по лѣстницѣ на крышу водолѣчебнаго заведенія, по которой сталъ бѣгать въ различныхъ направленіяхъ съ поразительной ловкостью. По временамъ онъ останавливался и начиналъ укачивать подушку, которую держалъ въ рукахъ, лаская ее, какъ дитя. Затѣмъ онъ пустился въ обратный путь». На слѣдующій день его разспрашивали, но онъ не сохранилъ никакого воспоминанія о своей ночной прогулкѣ. Такіе припадки повторялись пять или шесть разъ.

«Тотъ же самый больной, перевернувшись два-три раза въ го-

стели, схватываетъ въ охапку свою подушку, которую прижимаетъ къ груди. Затѣмъ онъ встаетъ и въ одной рубахѣ бѣгомъ проходить больничную палату, въ концѣ которой находится дверь, ведущая въ буфетъ и отхожія мѣста. Онъ безъ затрудненія, но съ силой открываетъ эту дверь, такъ же какъ и дверь ватерклозета, куда входитъ. Онъ все продолжаетъ прижимать къ себѣ подушку одной рукой и путемъ довольно трудной и опасной гимнастики, при помощи ногъ и единственной свободной руки, очень легко становится на подоконникъ открытаго окна. Онъ пролѣзаетъ черезъ рамы, старательно оберегая подушку свою отъ всякихъ ушибовъ и толчковъ, и, наконецъ, соскакиваетъ на обѣ прижатые одна къ другой ноги на подоконникъ, съ котораго спрыгиваетъ въ фельдшерскую. Едва спрыгнувъ на землю, онъ быстро пускается бѣжать въ противоположный уголъ двора. Такимъ образомъ онъ проходитъ по другую сторону большого больничнаго зданія, которое обходить быстрымъ галопомъ (фельдшера съ трудомъ слѣдуютъ за нимъ), все бережно прижимая свою подушку. Затѣмъ онъ вступаетъ на маленькую дорожку, обходящую зданіе бань и приводящую къ большой башнѣ, на вершинѣ которой находится резервуаръ воды для бань. Къ этой башнѣ неподвижно прикрѣпленъ родъ металлической почти вертикальной лѣстницы съ круглыми ступенями и съ перилами съ одной только стороны. Лѣстница эта приводитъ къ площадкѣ для наблюденія и по пути соприкасается съ краемъ крыши зданія бань. Больной безъ колебаній карабкается по этой лѣстницѣ, еле держась за перила своей единственной свободной рукой; съ необычайной ловкостью и увѣренностью ставитъ онъ голыя ноги на тонкія желѣзныя жерди. Дойдя до того мѣста, гдѣ лѣстница касается почти края крыши зданія бань, онъ быстро вскакиваетъ на нее. Все бѣгомъ поднимается онъ по наклонной цинковой крышѣ и достигаетъ ея вершины, озираясь отъ времени до времени, чтобы увидѣть, не преслѣдуютъ ли его мнимые враги. Онъ продолжаетъ бѣжать вдоль всей верхушки крыши. Вслѣдствіе узости ея гребня ему приходится ставить ноги по правую и лѣвую стороны, по обоимъ наклонамъ крыши. Это въ высшей степени опасное упражненіе, на которое никто изъ слѣдящихъ за нимъ не рѣшился бы и которое онъ, однако, выполнялъ съ замѣчательной увѣренностью и безъ единого ложнаго шага.

«Дойдя до середины зданія, онъ садится на гребень крыши, опираясь обѣ отдушную трубу. Затѣмъ беретъ онъ свою подушку, которой не покидалъ ни на минуту, и кладетъ ее на колѣни, облокачивая ее однимъ угломъ о плечо, и укачиваетъ, какъ дитя, нагивая, лаская рукой или щекой, которую онъ нѣжно прижимаетъ къ

углу подушки. По временамъ его брови сдвигаются, взглядъ становится строгимъ; онъ оглядывается, словно для того, чтобы увидѣть, не преслѣдуютъ ли его, не слѣдятъ ли за нимъ; при этомъ онъ сердито ворчитъ и снова пускается въ опасное бѣгство, унося съ собою подушку. Все время онъ говоритъ что-то, но слова его не доносятся до нашихъ ушей. Повидимому, онъ сознаетъ только свое сновидѣніе, но не понимаетъ, когда громко произносятся его имя. Однако онъ слышитъ, потому что, когда шумятъ недалеко отъ него, онъ поворачиваетъ голову и убѣгаетъ, точно преслѣдователи нагоняютъ его. Сцена эта продолжалась въ теченіе двухъ часовъ, во время которыхъ онъ обѣжалъ всѣ сосѣднія крыши, не давая намъ возможности слѣдовать за нимъ».

Я могъ бы привести еще другіе аналогичные примѣры, но мнѣ кажется, что вышеизложенные достаточно показываютъ, что во время естественнаго сомнамбулизма человѣкъ пріобрѣтаетъ свойства, которыхъ не имѣлъ въ нормальномъ состояніи, и что онъ *становится сильнымъ, ловкимъ, хорошимъ гимнастомъ, совершенно подобно своимъ человекообразнымъ предкамъ*.

Поразительно большое сходство продѣлокъ гиббона, рассказанныхъ *Мартиномъ*, съ опасными похождениями сомнамбуль.

Стремленія лазить по крышамъ и мачтамъ, бѣгать по рывкамъ, карабкаться на башню, чтобы доставать птичьи гнѣзда, не есть ли это наиболѣе характерные признаки инстинктивныхъ проявленій лазящихъ животныхъ, каковы человекообразны обезьяны?

Д-ръ *Бартъ* опредѣляетъ сомнамбулизмъ, какъ «сонъ съ возбужденіемъ памяти и автоматической дѣятельности нервныхъ центровъ при отсутствіи свободной и сознательной воли». «Поразительное возбужденіе памяти—фактъ, преобладающій надъ всеми остальными. Это крайнее совершенство памяти фактовъ и мѣстности у сомнамбуль... объясняетъ намъ,—заключаетъ *д-ръ Бартъ*,—какъ они находятъ дорогу, выполняя почти безъ помощи органовъ чувствъ тысячу подвиговъ, на которые они едва ли были бы способны наяву».

Но такъ какъ человѣкъ производитъ новыя для него дѣйствія, никогда не продѣланныя ранѣе во время его индивидуальной жизни, то слѣдуетъ предполагать, что эта возбужденная память относится къ очень древнимъ фактамъ, касающимся даже, быть можетъ, до-человѣческаго періода.

Человѣкъ унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ множество мозговыхъ механизмовъ, дѣятельность которыхъ была подавлена позднѣе развившимися тормозами.

Подобно тому какъ человѣкъ обладаетъ не сокращающимися бо-

лѣе мускулами ушной раковины или не выделяющими молока молочными железами, точно такъ же должны его нервныя центры заключать группы клѣтокъ, бездѣятельныхъ въ нормальномъ состояніи.

Подвижность ушей и выдѣленіе молока самцами представляютъ возвратъ къ очень давнимъ состояніямъ, когда слухъ былъ совершеннѣе нашего и когда оба пола могли выкармливать дѣтей своихъ грудью.

Поэтому можно допустить, что *гимнастическіе подвиги и поразительная сила сомнамбулъ являются возвратомъ къ животному состоянію, гораздо менѣе отдаленному отъ насъ, чѣмъ выкармливаніе самцами.*

Интересно указать на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ естественный сомнамбулизмъ совпадаетъ съ подвижностью ушной раковины. Я знаю двухъ братьевъ, которые въ молодости были подвержены чрезвычайно типичнымъ ночнымъ приступамъ сомнамбулизма. Одинъ изъ нихъ, химикъ, лазилъ на высокія шкапы или прогуливался по комнатамъ. Его братъ, морякъ, въ припадкѣ сомнамбулизма взбирался на площадку мачты паруснаго судна. Оба брата — сомнамбулы и въ то же время имѣютъ чрезвычайно развитыя кожныя мускулы: они могутъ произвольно двигать ушами.

Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ семейной и наследственной аномаліей: такъ, обѣ дочери одного изъ братьевъ — сомнамбулы и имѣютъ очень подвижной кожный мускулъ. Случай этотъ представляетъ возвратъ двухъ признаковъ нашихъ предковъ: подвижности ушной раковины и гимнастической ловкости.

Бартз слѣдующимъ образомъ характеризуетъ сомнамбулъ: это «живой автоматъ, у котораго сознательная воля временно нарушена». По его мнѣнію, «сомнамбулъ дѣйствуетъ подъ давленіемъ фактовъ, и его самыя странныя, повидимому, поступки — только инстинктивныя реакціи».

Характеристика эта очень хорошо согласуется съ предположеніемъ, будто при естественномъ сомнамбулизмѣ пробуждаются инстинкты нашихъ дочеловѣческихъ предковъ, — инстинкты, которые при естественныхъ условіяхъ остаются въ подавленномъ, рудиментарномъ состояніи.

Иногда подъ вліяніемъ испуга пробуждается у человѣка инстинктивный механизмъ плаванія. Очень интересно было бы знать, происходитъ ли такой же возвратъ и у сомнамбулъ. Къ сожалѣнію, я не нашелъ въ литературѣ достаточныхъ указаній на этотъ счетъ. Могу привести всего одинъ фактъ (да и тотъ съ ограниченіями)

изъ большого французскаго словаря медицинскихъ наукъ 1821 г.: «...разсказываютъ, что одинъ сомнамбуль, плававшій во время своего приступа, такъ испугался, когда его нѣсколько разъ назвали по имени, что утонулъ».

Было бы крайне интересно собрать побольше данныхъ относительно различныхъ инстинктивныхъ проявленій у сомнамбуль.

Мы останавливались лишь на естественномъ сомнамбулизмѣ, предполагая найти въ немъ черты, напоминающія тѣ, которыя встрѣчаются въ жизни человѣкообразныхъ обезьянъ. Я думаю, что разнообразныя явленія истеріи могутъ доставить еще много другихъ данныхъ для психо-физиологической исторіи человѣка.

Быть можетъ, нѣкоторыя хорошо установленныя явленія «ясновидѣнія» можно было бы свести къ пробужденію особыхъ ощущеній, атрофированныхъ у человѣка, но присущихъ животнымъ.

Какъ показываетъ анатомія позвоночныхъ, послѣднія обладаютъ органами, отсутствующими у человѣка и имѣющими строеніе органовъ чувствъ. Съ другой стороны, извѣстно, что животныя способны воспринимать нѣкоторыя явленія внѣшняго міра, для которыхъ человѣкъ не имѣетъ средствъ воспріятія. Такъ, рыбы ощущаютъ степень глубины воды; птицы и млекопитающія имѣютъ чувство оріентировки и предвидятъ атмосферическія перемѣны съ большею точностью, чѣмъ наша метеорологическая наука. Быть можетъ, подъ вліяніемъ истеріи человѣкъ вновь пріобрѣтаетъ эти чувства нашихъ отдаленныхъ предковъ и познаетъ вещи, невѣдомыя намъ въ нормальномъ состояніи.

Истерія свойственна не только человѣку, но и животнымъ. Изъ числа нашихъ многочисленныхъ шимпанзе нѣкоторые обнаруживали истерическіе припадки. Иногда при малѣйшемъ препятствіи ихъ желаніямъ они падали на землю, испускали неистовые крики и катались по землѣ, какъ пришедшія въ ярость дѣти. Одинъ изъ нашихъ молодыхъ шимпанзе въ припадкѣ сильнаго раздраженія рвалъ у себя на головѣ волосы.

Предположеніе, что истерія есть остатокъ душевнаго состоянія нашихъ животныхъ предковъ, находитъ себѣ подтвержденіе въ высказанной докторомъ *Бабинскимъ* ¹⁾ теоріи истерическихъ явленій. Этотъ извѣстный невропатологъ пришелъ «къ заключенію, что истерическимъ симптомамъ присущи двѣ особенности, изъ которыхъ первая состоитъ въ возможности быть воспроизведенной подъ вліяніемъ внушенія и притомъ съ необыкновенной точностью, а вторая—въ исчезновеніи подъ исключительнымъ вліяніемъ убѣжденія» (стр.

¹⁾ Лекція, прочитанная въ Обществѣ Интерната, въ Парижѣ, 28 іюня 1906 г.

13). По мнѣнію *Бабинскаго*, истеричный больной не лишень сознанія; онъ тоже не можетъ быть признанъ вполне сознательнымъ, а находится въ состояніи полусознанія. Это-то послѣднее и соответствуетъ, по нашему предположенію, душевному состоянію нашихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ.

Нерѣдко случается, что подъ вліяніемъ какого-нибудь неожиданнаго возбужденія человѣкъ приходитъ въ состояніе сильнаго гнѣва и, не будучи въ силахъ удержаться, производитъ дѣйствія, въ совершеніи которыхъ онъ тотчасъ же начинаетъ раскаиваться. Обыкновенно говорятъ, что въ эти минуты въ человѣкѣ пробуждается звѣрь. Это мнѣніе—болѣе чѣмъ простая метафора. Вѣроятно, подъ вліяніемъ какой-нибудь необычайной причины здѣсь приходитъ въ дѣйствіе первный механизмъ кого-нибудь изъ нашихъ животныхъ или животнООобразныхъ предковъ.

Такъ какъ наши челоВѣкообразные прародители и первобытные люди жили сообща, то неудивительно, что дикіе инстинкты у челоВѣка пробуждаются всего легче, когда онъ находится въ толпѣ. Въ этомъ отношеніи изученіе психологіи толпы представляетъ особенный интересъ. Находясь среди множества себя подобныхъ существъ, челоВѣкъ особенно легко поддается внушенію. Вотъ какимъ образомъ характеризуетъ это состояніе *Густавъ ле Бонъ* въ своей книгѣ «Психологія толпы»: «... Самыя тщательныя наблюденія, повидимому, доказываютъ, что челоВѣкъ, въ теченіе нѣкотораго времени погруженный въ нѣдра дѣйствующей толпы, приходитъ въ особенное состояніе, очень близкое къ тому, въ которомъ находится гипнотизируемый субъектъ подъ вліяніемъ внушателя. Дѣятельность большихъ полушарій мозга парализована, субъектъ становится рабомъ всѣхъ бессознательныхъ проявленій спинного мозга, который гипнотизеръ направляетъ по произволу. Сознательная личность совершенно исчезаетъ, а воля и разсужденіе перестаютъ дѣйствовать. Всѣ чувства и мысли ориентированы внушателемъ въ указанномъ имъ направленіи» (стр. 19). ЧелоВѣкъ подъ вліяніемъ толпы находится въ состояніи, подобномъ истеричному, и обнаруживаетъ душевныя свойства нашихъ предковъ. «... Однимъ тѣмъ, что челоВѣкъ является составною частью организованной толпы, онъ спускается на нѣсколько ступеней по лѣстницѣ культуры. Въ изолированномъ состояніи онъ, быть можетъ, былъ достаточно цивилизованъ; въ толпѣ же онъ сталъ варваромъ, способнымъ лишь слѣдовать дикимъ инстинктамъ» (*ле Бонъ*, стр. 20).

Въ виду всего сказаннаго совершенно естественно искать во всевозможныхъ истерическихъ проявленіяхъ остатки нашего доисторическаго прошлаго.

Сколько интересныхъ данныхъ можно было бы собрать о половой жизни и о любовныхъ проявленіяхъ человѣкообразныхъ, сближая эти явленія съ выраженіемъ страстности и столь характерными позами истеричныхъ! Я думаю, что, подобно тому, какъ палеонтологи дѣлають раскопки съ цѣлью отыскать ископаемые остатки промежуточныхъ существъ между человѣкообразными и людьми, точно такъ же психологи, медики и зоологи должны бы разыскивать рудименты психо-фізіологическихъ функцій для возстановленія исторіи развитія души человѣческой.

Мнѣ кажется, что эта задача представляетъ богатѣйшій родникъ для изслѣдованій, имѣющихъ общій біологическій интересъ.

Особь и общество въ животномъ мірѣ.

I.

Вопросъ вида въ человѣческомъ родѣ.—Потеря индивидуальности въ колоніяхъ низшихъ организмовъ.—Миксомицеты и сифонофоры.—Индивидуальность у сложныхъ асцидій.—Прогрессъ въ развитіи особей, живущихъ въ обществѣ.

Эта часть нашей книги должна служить отвѣтомъ на то возраженіе противъ «Этюдовъ о природѣ человѣка», которое упрекаетъ меня въ игнорированіи интересовъ вида въ человѣческой жизни. Мои критики находятъ, что я слишкомъ исключительно занялся личностью и упустилъ изъ виду то основное положеніе, что въ общемъ ходѣ развитія индивидуумъ долженъ ступенчатъ въ виду высшихъ интересовъ общества. Мнѣ ставятъ въ упрекъ, что, проповѣдуя ортобіозъ, т.-е. наиболѣе полный циклъ человѣческой жизни, долженствующій повести къ глубокой старости, я восхваляю поведеніе, которое можетъ повредить человѣчеству въ цѣломъ.

Указанное возраженіе основывается на недоразумѣніи, которое слѣдуетъ выяснить. Я думаю, что полное развитіе индивидуума должно не только не повредить обществу, но, наоборотъ, принести ему большую пользу. Съ другой же стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и индивидуумъ имѣетъ свои права, которыя не должны быть нарушаемы.

Оспаривая мое мнѣніе, критики ссылаются на многочисленные факты, доказывающіе, что въ мірѣ животныхъ и растений индивидуумъ постоянно приносится въ жертву на пользу вида. Относительно этого сомнѣній быть не можетъ. Въ прежнихъ частяхъ этой книги было сообщено достаточно фактовъ въ доказательство этого положенія. Мы упомянули растенія, какъ агава и нѣкоторыя споровыя, которыя умираютъ тотчасъ же послѣ того, какъ они размножились.

Мы ссылались также на самокъ круглыхъ червей, безжалостно поѣдаемыхъ ихъ потомствомъ. Трудно найти болѣе краснорѣчивые

примѣры принесенія въ жертву особи на пользу вида. Но это правило не приложимо къ человѣку, который занимаетъ въ этомъ отношеніи совершенно особое мѣсто.

Человѣкъ уже пережилъ нѣсколько видовъ животныхъ. Онъ сильно содѣйствовалъ истребленію моа (*Aepyornis*), этой крупнѣйшей птицы, жившей на Мадагаскарѣ. Человѣкъ истребилъ додо на островѣ святого Маврікія и *Rytina stelleri*, мирное китообразное млекопитающее, жившее на берегахъ Алеутскихъ острововъ. Человѣкъ истребляетъ въ настоящее время нѣсколько видовъ вредныхъ хищниковъ, каковы волки и медвѣди, и, быть можетъ, не за горами то время, когда автомобили замѣнятъ повсюду лошадь, которая сдѣлается рѣдкимъ предметомъ роскоши.

Но, истребитель столькожъ видовъ животныхъ, человѣкъ достаточно обезпечилъ сохраненіе человѣческаго рода. Успѣхи, достигнутые цивилизаціей, въ значительной мѣрѣ уменьшили смертность. Ежегодно множество дѣтей ранняго возраста выживаютъ, благодаря гигиеническимъ мѣрамъ и лѣченію дѣтскихъ болѣзней. Уменьшеніе войнъ и убійствъ въ цивилизованныхъ странахъ съ своей стороны содѣйствуетъ поддержанію человѣчества. Положеніе, занятое человѣкомъ въ природѣ, скорѣе должно вызвать опасеніе, какъ бы люди не размножились чересчуръ обильно, и хотя теорія *Маллуса* и не подтвердилась во всѣхъ своихъ частяхъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что человѣкъ можетъ слишкомъ густо заселить земной шаръ. Нѣкоторыя явленія заставляютъ думать, что, по мѣрѣ того какъ человѣчество ограничитъ пролитіе крови, оно замѣнитъ его истребленіемъ другой жидкости, — той, которая служитъ для размноженія.

Задача сохраненія человѣческаго рода, будучи рѣшенной, естественно поставить на первый планъ вопросъ объ индивидуумѣ. Въ этомъ отношеніи данныя біологіи могутъ представить немалую пользу.

Человѣкъ не единственное общественное существо на землѣ. Значительно ранѣе его появленія уже существовали организмы, соединенные въ общества. На поверхности морей плавали изящныя колоніи сифонофоръ; въ глубинѣ океана жили безконечно разнообразныя колоніи полиповъ, а на сухонутѣ копошились міриады насѣкомыхъ, между которыми нѣкоторыя были уже соединены въ высоко-организованныя общества.

Такая общественная жизнь развилась безъ малѣйшаго внѣшняго содѣйствія, безъ малѣйшаго свода законовъ, который регулировалъ бы поведеніе особей, соединившихся ради общей цѣли.

Интересно бросить общій взглядъ на основные принципы по-

добныхъ обществъ. Въ настоящемъ очеркѣ я имѣю намѣреніе привлечь вниманіе лишь къ одной изъ основныхъ чертъ животныхъ обществъ, именно къ отношенію между особою и обществомъ.

Всѣмъ хорошо извѣстно, что именно этотъ вопросъ представляется однимъ изъ наиболѣе трудныхъ въ устроеніи человѣческихъ обществъ. Поскольку общество въ правѣ нарушать интересы индивидуума и въ какой мѣрѣ послѣдній можетъ сохранить свою цѣлостность и независимость? Нѣтъ надобности напоминать здѣсь безконечныя пренія на эту тему, ни распространяться о теоріяхъ, проповѣдующихъ, что человѣкъ долженъ быть болѣе или менѣе принесенъ въ жертву для блага общества, къ которому онъ принадлежитъ. Мы займемся пока судьбой индивидуума въ обществахъ существъ, неизмѣримо менѣе сложныхъ, чѣмъ человѣкъ.

Даже среди самыхъ низко стоящихъ организмовъ, занимающихъ промежуточное звено между растеніями и животными, немало примѣровъ обществъ, состоящихъ изъ соединенія большого количества особей.

Въ лѣсахъ, на опавшихъ листьяхъ, смоченныхъ влагой, на гниломъ деревѣ попадаются очень оригинальные организмы, напоминающіе больше всего нѣкоторые грибы. Это миксомицеты, мѣшочки, наполненные множествомъ шаровидныхъ тѣлецъ, или споръ, микроскопической величины. Когда эти споры увлажняются росой или дождемъ, изъ нихъ вылупляются крошечныя живыя существа, снабженныя двигательной рѣсничкой, при помощи которой они могутъ очень быстро плавать. Эти организмы рождаются сразу въ большомъ числѣ, наполняя собою капельку воды, сохранившейся на опавшемъ листѣ или на кусочкѣ гнилого дерева (рис. 21). Но независимое существованіе ихъ очень непродолжительно. Соприкасаясь другъ съ другомъ, ихъ тѣла сливаются въ студенистую массу, достигающую нерѣдко большихъ размѣровъ (рис. 22). Вслѣдствіе такого сліянія получается то, что называется *пласмодіемъ*, т.-е. скопленіе живого вещества. Оно способно медленно передвигаться на поверхности листьевъ и дерева и представляетъ внутри потока, напоминающіе жидкую лаву, выброшенную изъ вулкана.

Эти пласмодіи представляютъ общества, для образованія которыхъ индивидуальность составляющихъ ихъ особей была цѣликомъ утрачена. Идеаль, проповѣдуемый нѣкоторыми философами, состоя-

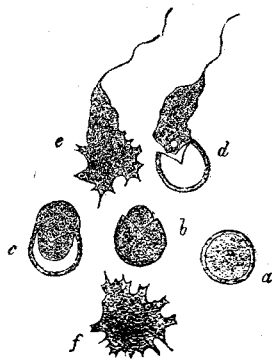


Рис. 21. — Особи миксомицетовъ въ изолированномъ состояніи (по Цопфу); а—спора, b—f—вылупленіе зооспоръ.

пцій въ принесеніи челоуѣкомъ своей индивидуальности въ жертву обществу и въ полномъ сліянніи съ нимъ, былъ уже осуществлень на противоположномъ полюсѣ дѣстности существъ въ эпоху, значительно болѣе раннюю появленія челоуѣка на землѣ.

Въ животномъ мірѣ, даже у самыхъ низшихъ его представителей, мы уже не встрѣчаемъ обществъ, члены которыхъ были бы

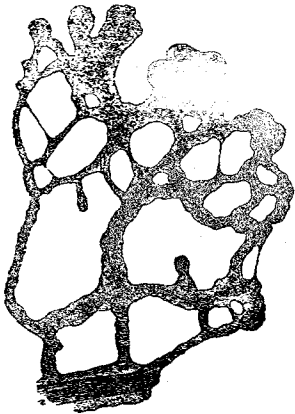


Рис. 22.—Миксомицеты, соединенные въ плазмодій (по Цопфу).

такъ всецѣло поглощены на пользу общую. И индивидуальность сохраняется у нихъ въ болѣе или меньшей степени. Возьмемъ, напри- мѣръ, полиповъ, этихъ безпозвоночныхъ, кото- рые иногда скопляются въ такомъ количествѣ, что образуютъ коралловые рифы, способные превратиться въ настоящіе острова. Эти жи- вотныя соединяются въ большія общества, члены которыхъ не могутъ вести независимой индиви- дуальной жизни. Соединенные другъ съ дру- гомъ живыми частями тѣла, полипы напоми- наютъ двойныхъ уродовъ, въ родѣ маленькихъ индусокъ Доодика и Радика, о которыхъ много писали въ газетахъ нѣсколько лѣтъ назадъ по поводу операціи, сдѣланной имъ *Дойеномъ*. Брюшныя полости обѣихъ дѣвочекъ сообщались

между собою, и ихъ кровеносные сосуды были соединены такимъ образомъ, что кровь Доодики поступала въ организмъ Радика и наоборотъ. Въ другомъ случаѣ двойного уродства, у чешскихъ дѣ- вушекъ Розы и Юзефы, нынѣ живущихъ, толстыя кишки сообщались при входѣ въ общую прямую кишку. Ихъ брюшныя полости тоже сообщаются, и у нихъ существуетъ лишь одинъ мочепуска- тельный каналъ.

У полиповъ соединеніе между особями, составляющими коло- нію, почти всегда гораздо болѣе полно. Каждый членъ подобной колоніи обладаетъ собственнымъ ртомъ и желудкомъ, но многіе другіе органы до того перемѣшаны, что ихъ нельзя приурочить къ той или другой особи. Это—органы, принадлежащіе цѣлой колоніи.

Еще болѣе замѣчательный примѣръ потери индивидуальности представляютъ намъ плавающіе полипы, или сифонофоры. Это очень красивыя прозрачныя существа, иногда очень значительныхъ раз- мѣровъ; нѣкоторыя нерѣдко въ большихъ количествахъ плаваютъ на поверхности моря. Большею частью онѣ являются въ видѣ длин- ныхъ нитей, снабженныхъ множествомъ щупалецъ, желудковъ и плавательныхъ колоколовъ (рис. 23). Не подлежитъ сомнѣнію, что сифонофоры представляютъ одинъ изъ типичнѣйшихъ примѣровъ

колоніальныхъ животныхъ. Затрудненіе встрѣчается только въ опредѣленіи того, соотвѣтствуетъ ли каждая часть колоніи, каждый плавательный колоколъ, каждый желудокъ и проч. цѣлой особи



Рис. 23. — Цѣлая сифонофора (по Куну); *rp* — воздушная камера; *sil* — плавательные колокола; *st* — стержень.

или отдѣльному органу. Зоологи придерживаются на этотъ счетъ различныхъ взглядовъ. По мнѣнію однихъ, общественная жизнь, въ силу крайняго раздѣленія труда между особями, низвела послѣднія на степень простого органа. Въ то время какъ однѣ особи превратились въ желудки, свободно висящія на центральной нити, другія потеряли всѣ органы, кромѣ двигательнаго, сдѣлавшагося плавательнымъ колоколомъ колоніи. Другіе зоологи, въ томъ числѣ и я, думаю, что сифонофоры представляютъ собою колонію органовъ, въ которой не существуетъ почти вовсе отдѣльныхъ особей. Плавающая цѣпь сифонофоръ, по этой теоріи, соотвѣтствуетъ множеству органовъ, каковы плавательные колокола, шупальцы, желудки и проч., соединенныхъ на общемъ стволѣ. Намъ нѣтъ надобности входить здѣсь въ разборъ этихъ противорѣчивыхъ взглядовъ, такъ какъ главный фактъ, который насъ теперь интересуетъ, состоитъ въ томъ, что, несмотря на ничтожную

степень индивидуальности у сифонофоръ, она никогда не уничтожается вполне, подобно тому, какъ мы это видѣли у миксомицетъ.

Для того, чтобы еще болѣе подкрѣпить этотъ выводъ, я обращаю вниманіе читателя на маленькихъ сифонофоръ, подъ именемъ *Eudoxia* (рис. 24). Эти существа представляютъ собою отдѣлившіеся отъ общаго ствола отпрыски, свободно плавающіе въ морѣ и обладающіе замѣчательнымъ устройствомъ. Подвижность эудоксей обуславливается плавательнымъ колоколомъ, снабженнымъ сильными мускулами. Этотъ органъ составляетъ часть особи, снабженной органами размноженія, но совершенно лишенной средствъ для добыванія и пищеваренія пищи. Эти два послѣднія отправленія совершаются, наоборотъ, другою особью, тѣсно связанною съ первой. Эта питающая особь обладаетъ длиннымъ арканомъ, служащимъ для захватыванія добычи, и, кромѣ того, большимъ желудкомъ, переваривающимъ пищу. Вещества, получающіяся вслѣдствіе этого процесса, переносятся посредствомъ сосудовъ въ размножаю-

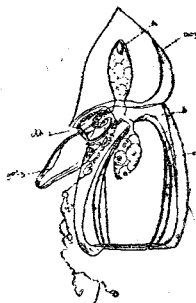


Рис. 24. — *Eudoxia* (по Куну).

щуюся и двигающуюся особь, которая пользуется готовой питательной жидкостью. Эудоксия представляет намъ, такимъ образомъ, двойное существо, состоящее изъ одной неполной особи, неспособной къ передвиженію и размноженію, но зато обезпечивающей питаніе, и изъ другой тоже неполной особи, обезпечивающей передвиженіе и размноженіе. Въ этомъ примѣрѣ мы видимъ сообщество, напоминающее слѣплого и хромого въ знаменитой баснѣ *Флоріана*.



Рис. 25.—Колонія ботриллусовъ. О—ротъ, А—общая клоака.

Разсмотрѣнные нами примѣры общественнаго устройства животныхъ показываютъ, что прогрессъ въ немъ несовмѣстимъ съ полной потерей индивидуальности. Чѣмъ болѣе мы будемъ подниматься по лѣстницѣ существъ, тѣмъ болѣе увидимъ подтвержденій этого правила. Такъ, на примѣръ, у сложныхъ асцидій всѣ члены колоній сохраняютъ органы, необходимые для ихъ жизни. Ботриллусы, одни изъ наиболѣе интересныхъ представителей этой группы, образуютъ колоніи въ видѣ звѣзды (рис. 25). Особи, соединяющіяся въ сообщество, расположены вокругъ общаго центра, занятаго клоакой. Каждый членъ колоніи обладаетъ своимъ ртомъ и вполне развитымъ кишечнымъ каналомъ; но конечная часть послѣдняго открывается въ общую клоаку, получающую и выбрасывающую негодные остатки отъ пищеваренія у всѣхъ особей. Всего оказывается только одно отверстіе для опорожненія нечистотъ, подобно тому, какъ у вышеупомянутыхъ Розы и Юзефы.

II.

Общественная жизнь у насѣкомыхъ.—Развитіе и сохраненіе индивидуальности у этихъ животныхъ.—Раздѣленіе труда и принесеніе въ жертву индивидуальности у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ.

До сихъ поръ мы изучали общества животныхъ, члены которыхъ были соединены другъ съ другомъ болѣе или менѣе развитой механической связью. Міръ насѣкомыхъ довольно богатъ представителями, которые живутъ благоустроенными обществами. Но строеніе насѣкомыхъ уже слишкомъ сложно, чтобы допустить органическую связь между отдѣльными особями.

Въ началѣ развитія общественной жизни у нѣкоторыхъ видовъ пчель особи, вполне развитыя и во всемъ сходныя между собою, соединяются въ общества ради обезпеченія своего индивидуальнаго

существованія. Въ однихъ случаяхъ онѣ соединяются для изгнанія общаго врага, въ другихъ онѣ скопляются вмѣстѣ съ цѣлью обогрѣться во время холодовъ. Въ такихъ первобытныхъ общинахъ еще вовсе нѣтъ рѣчи объ общественномъ выкармливаніи молодежи. Только на дальнѣйшихъ ступеняхъ общественного устройства, какое мы встрѣчаемъ у домашнихъ пчелъ, у нѣкоторыхъ осъ, а также у муравьевъ и у термитовъ, центромъ тяжести общественной жизни является забота о воспитаніи молодого поколѣнія. Но при этомъ усиленное развитіе общественности совершается въ ущербъ интересамъ и цѣлостности особей, живущихъ совмѣстной жизнью. Въ этихъ случаяхъ происходитъ очень значительное раздѣленіе труда, которое низводитъ самку до степени машины для кладки яицъ. У домашнихъ пчелъ царица, выполняющая это отправленіе, становится неспособной печься о благѣ общины, такъ какъ ея умственные способности очень слабо развиты. Заключенная въ ульѣ, она пользуется необыкновенно тщательнымъ уходомъ со стороны работницъ, которыя дѣлаютъ это въ расчетъ на поддержаніе вида. Даже во времена голодовки работницы, принося въ жертву свою собственную жизнь, отдаютъ послѣдніе остатки пищи царицѣ, которая умираетъ позже всѣхъ. Трутни представляютъ собою не вполне развитыя существа, терпимыя лишь постольку, поскольку они полезны для общины; послѣ исполненія своей роли работницы ихъ безпощадно истребляютъ.

Работницы, столь много трудящіяся для блага общества, суть лишь не вполне развитыя особи. Одаренныя очень развитымъ мозгомъ и снабженныя очень совершенными органами для производства воска и для собиранія пищи, работницы обладаютъ лишь зачаточными половыми органами, неспособными къ нормальному отправленію.

Мы здѣсь снова встрѣчаемся съ потерей индивидуальных признаковъ, которая тѣмъ значительнѣе, чѣмъ совершеннѣе общественное устройство насѣкомыхъ. У муравьевъ и у термитовъ, общественная жизнь которыхъ развилась совершенно независимо отъ пчелъ, мы встрѣчаемъ тѣ же основныя черты. И у нихъ высокая степень умственныхъ способностей и большое искусство въ исполненіи работъ составляютъ привилегію работницъ, лишенныхъ способности къ размноженію. Солдаты, обезпечивающіе цѣлость общины, обладаютъ сильными челюстями, но снабжены лишь зачаточными органами размноженія. Наоборотъ, самцы и самки, у которыхъ эти органы развиты въ высшей степени, неспособны ни къ какой работѣ, умственно крайне ограничены и представляютъ собою не что иное, какъ мѣшки, наполненные половыми продуктами.

Говоря о муравьях, мы должны обратить вниманіе читателя на медоносных особей, которыя встрѣчаются у тропических видовъ, живущихъ по преимуществу въ Мексикѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ насекомыхъ насасываются по временамъ такимъ количествомъ меда, что все тѣло ихъ обращается въ мѣшокъ, наполненный этой сладостью. Лапки теряютъ способность двигать разбухшее тѣло; поэтому медоносные муравьи остаются неподвижными въ глубинѣ муравейника. При такихъ условіяхъ нормальное существованіе этихъ насекомыхъ становится невозможнымъ, что сокращаетъ ихъ жизнь на пользу общины. Какъ только обыкновенныя работницы, самцы или самки, начинаютъ чувствовать голодъ, онѣ подходятъ къ медоноснымъ особямъ и высасываютъ изъ ихъ рта готовую питательную пищу.

Такимъ образомъ, эти медоносныя работницы (рис. 26) изводятся на степень живыхъ горшковъ, наполненныхъ медомъ.



Рис. 26. — Медоносный муравей (по Врему).

Термиты принадлежатъ къ отряду насекомыхъ, совершенно отличному отъ того, куда относятся пчелы и муравьи. Тѣмъ не менѣе мы и у нихъ встрѣчаемся съ тѣмъ же общимъ принципомъ, который состоитъ въ принесеніи въ жертву индивидуума въ пользу государства. Самки превраща-

ются въ неуклюжіе мѣшки, наполненные громаднымъ количествомъ яицъ. Не будучи въ состояніи двигаться, онѣ остаются замурованными въ подземныхъ галлереяхъ, гдѣ онѣ несутъ до 80.000 яицъ въ день. Солдаты обладаютъ до того огромными челюстями, что имъ остается лишь одна роль — сраженіе съ врагами.

Приведенные факты служатъ доказательствомъ того, что индивидуальность у общественныхъ насекомыхъ никогда не утрачивается въ такой степени, какъ у низшихъ животныхъ, о которыхъ шла рѣчь выше. Отсюда можно придти къ тому общему выводу, что усовершенствованіе организациі влечетъ за собою все большее и большее сохраненіе особи среди общины, въ которой она живетъ.

Интересно узнать, примѣнимъ ли этотъ законъ и къ человѣческому роду.

III.

Человѣческія общества. — Обособленіе группъ въ человѣческомъ родѣ. — Ученныя женщины. — Нравы пчелы *Halictus quadricinctus*. — Теорія коллективизма. — Критика Герберта Спенсера и Ницше. — Прогрессъ индивидуальности въ обществахъ высшихъ существъ.

У позвоночныхъ животныхъ общественная жизнь вообще слабо развита. Рыбы и птицы, соединяющіяся въ общества, далеко усту-

пають насѣкомымъ въ совершенствѣ общественнаго устройства. Прогрессъ послѣдняго не особенно замѣтенъ и въ классѣ млекопитающихъ, такъ что нужно возвыситься до человѣка, чтобы найти примѣръ высоко организованной общественности. Человѣкъ оказывается первымъ представителемъ млекопитающихъ съ значительно усовершенствованной общественной жизнью. Но тогда какъ насѣкомыя руководятся въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ природными и высоко развитыми инстинктами, у человѣка такіа инстинктивныя дѣйствія играютъ лишь очень второстепенную роль. Индивидуальное чувство, то-есть эгоизмъ, очень могущественно въ человѣческомъ родѣ, и это объясняется, вѣроятно, тѣмъ фактомъ, что наши отдаленные предки еще не вели общественной жизни.

Человѣкообразныя обезьяны соединяются семьями или небольшими группами безъ сколько-нибудь правильнаго общественнаго устройства. Любовь ближняго, или альтруизмъ, является у человѣка относительно недавнимъ приобрѣтеніемъ и нерѣдко развита лишь въ слабой степени.

Несмотря на высокую степень общественнаго устройства и на далеко зашедшее распредѣленіе труда, въ человѣчествѣ не наблюдается никакого обособленія индивидуумовъ, подобнаго тому, которое такъ обычно у общественныхъ насѣкомыхъ. Между тѣмъ какъ у животныхъ столь различныхъ, какъ сифонофоры, пчелы, муравьи и термиты, общественная жизнь привела, независимыми путями, къ атрофіи органовъ размноженія у многихъ особей, у человѣка мы не находимъ ничего подобнаго.

Хотя въ организаціи половыхъ органовъ у мужчины и женщины и встрѣчаются нерѣдко нѣкоторыя отступленія отъ нормальнаго типа, тѣмъ не менѣе эти аномаліи далеко не могутъ быть поставлены въ рядъ съ развитіемъ бесполовыхъ особей у насѣкомыхъ. Предположеніе, что обязательное безбрачіе, вмѣняемое нѣкоторыми религіями духовенству, составляетъ первый шагъ на пути обособленія, подобнаго рабочимъ пчеламъ, не можетъ выдержать критики. Во всякомъ случаѣ этому явленію нельзя придавать большого значенія, такъ какъ, вмѣсто того чтобы распространяться, обязательное безбрачіе, напротивъ, замѣтно уменьшается.

Въ послѣднее время въ Европѣ и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ обнаружилось значительное такъ называемое феминистское движеніе, при чемъ многія женщины устремились къ усвоенію высшаго образованія и стали дѣлаться врачами и адвокатами. Число особъ женскаго пола, изучающихъ университетскую науку, стало все болѣе и болѣе увеличиваться, такъ что страны, закрывавшія раньше доступъ женщинамъ въ университеты,

какъ Германія, должны были въ концѣ-концовъ уступить подъ давленіемъ массы желающихъ учиться.

Можно ли на это движеніе смотрѣть, какъ на первые шаги къ обособленію безполыхъ индивидуумовъ, подобныхъ работницамъ общественныхъ насѣкомыхъ? Когда-то я думалъ, что это предположеніе соответствуетъ дѣйствительности, но впослѣдствіи, ближе ознакомившись съ вопросомъ, я пришелъ къ противоположному заключенію. Не подлежитъ сомнѣнію, что многія дѣвушки, по какой-нибудь причинѣ отказавшіяся отъ намѣренія выйти замужъ, посвящаютъ себя высшему образованію. Но въ этихъ случаяхъ безбрачіе является не результатомъ усиленной умственной дѣятельности, а, наоборотъ, составляетъ причину ея. Съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что многія дѣвушки, учащіяся въ университетахъ, кончаютъ тѣмъ, что выходятъ замужъ. Я зналъ первыхъ піонерокъ феминистскаго движенія въ Россіи въ шестидесятыхъ годахъ, и онѣ всѣ сочетались бракомъ, а нѣкоторыя сдѣлались матерями. Обзаведясь семьей, не малое число ихъ бросило медицину. На основаніи свѣдѣній, собранныхъ о прежнихъ женскихъ медицинскихъ курсахъ въ Петербургѣ, изъ 1091 ученицы 80 поступили, уже будучи замужемъ, 19 были вдовы, а 992 незамужнія. Изъ числа этихъ послѣднихъ 436, т.-е. приблизительно 44%, вышли замужъ еще ранѣе окончанія курса. Многія изъ дѣвицъ, явившихся изучать бактериологію въ Пастеровскомъ институтѣ, на нашихъ глазахъ повыходили замужъ.

Ближайшее наблюденіе феминистскаго движенія, продолжающагося уже около полустолѣтія, показываетъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ оно вовсе не стремится къ образованію особей, подобныхъ безплоднымъ работницамъ насѣкомыхъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда можетъ быть рѣчь объ отвращеніи дѣвушекъ отъ физическаго супружества, у нихъ замѣчается достаточное проявленіе материнскаго инстинкта. Большая часть ученыхъ женщинъ обнаруживаетъ несомнѣнную склонность къ супружеству и къ семейной жизни вообще. Даже женщины, наиболѣе отличившіяся какъ ученые, не составляютъ исключенія изъ этого правила. Знаменитая г-жа *Кюри* — мать двухъ дѣтей. Столь прославившаяся въ математикѣ *Софья Васильевна Ковалевская* особенно интересна съ точки зрѣнія вопроса, которому посвящены эти строки. Я лично былъ съ нею довольно близко знакомъ въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ, начиная отъ времени ея фиктивного брака и до послѣднихъ недѣль ея жизни. Въ молодости, когда она такъ увлекалась математикой и театромъ и когда она сама была очень увлекательна, любовная сторона жизни была ей совершенно чужда. Но она рано

утратила физическую красоту и начала преждевременно старѣться. Какъ разъ около этого времени проявилась у нея сильная потребность любви. Она дѣлала все, что могла, чтобы остановить наступившую старость. Сообщенія *Броунъ-Секара* о восстановленіи силъ посредствомъ вытяжки изъ мужскихъ половыхъ органовъ крайне заинтересовали ее, и она серьезно спрашивала, можно ли рассчитывать на это средство. Жертва дисгармоніи человѣческой природы, она чувствовала себя очень несчастной, и въ день присужденія ей преміи парижской академіей наукъ она писала одному изъ друзей: «Со всѣхъ сторонъ я получаю поздравительныя письма, но въ силу непонятной ироніи судьбы я еще никогда не чувствовала себя столь несчастной». Причину этого недовольства она выразила въ словахъ, обращенныхъ къ ея лучшему другу: «Отчего, отчего никто не можетъ меня полюбить? — повторяла она. — Я бы могла дать больше, чѣмъ большинство женщинъ, а между тѣмъ самыя ничтожныя женщины любимы, тогда какъ меня никто не любитъ» ¹⁾. *С. В. Ковалевская*, какъ извѣстно, была матерью.

Въ результатъ всего сказаннаго оказывается невозможнымъ усмотрѣть въ безбрачій духовенства и нѣкоторыхъ лицъ, посвятившихъ себя высшему знанію, начальную стадію организаціи, подобной рабочимъ пчеламъ. Несмотря на это, однако же весьма вѣроятно, что въ человѣческомъ родѣ происходитъ извѣстное обособленіе въ исполненіи нѣкоторыхъ существенныхъ отправленій.

Не подлежитъ сомнѣнію, что устройство человѣческихъ обществъ не послѣдовало по тому пути, который у общественныхъ насѣкомыхъ привелъ къ образованію безполыхъ особей. Въ человѣчествѣ замѣчается скорѣе другое направленіе, свойственное лишь нѣкоторымъ исключеніямъ въ животномъ мірѣ. Одиночная пчела, извѣстная подъ именемъ *Halictus quadricinctus* (рис. 27), отличается тѣмъ, что самка послѣ кладки послѣднихъ яицъ не умираетъ, какъ это обычно совершается у насѣкомыхъ, а продолжаетъ жить и ухаживать за потомствомъ. Такъ какъ этотъ старческій періодъ жизни продолжается у нея недолго, то маленькая пчела не можетъ постоянно служить воспитательницей въ обществѣ насѣкомыхъ, организованномъ на принципѣ обособленія старыхъ самокъ. Въ человѣческомъ же родѣ, гдѣ индивидуальная жизнь несравненно дольше, раздѣленіе труда можетъ совершиться по образцу *Halictus quadricinctus*.

Женщина обыкновенно становится безплодной между сорока и



Рис. 27.—*Halictus quadricinctus*.

¹⁾ Souvenirs d'enfance de S. Kowalevsky, 1895 г., стр. 301 — 311.

пятидесятью годами, то-есть въ такую пору, когда ей, на основаніи статистическихъ данныхъ, остается жить еще въ среднемъ двадцать лѣтъ. Въ продолженіе этого длиннаго періода она можетъ выполнить въ высшей степени полезную роль въ обществѣ. Эта роль должна походить на ту, которую исполняютъ старыя самки *Halictus quadricinctus*, и состоятъ въ воспитаніи и обученіи дѣтей. Кому не извѣстна неоцѣненная преданность бабушекъ и вообще старухъ, посвящающихъ себя заботамъ о внукахъ? Притомъ же не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ настоящее время старость наступаетъ черезчуръ рано, что она далеко не есть то, чѣмъ она должна быть при нормальныхъ условіяхъ, и что человѣческая жизнь вообще черезчуръ кратковременна сравнительно съ идеальной продолжительнаго нашего существованія. Возможно предвидѣть, что когда наука займетъ въ человѣческомъ обществѣ ту преобладающую роль, на которую она имѣетъ право, и когда гигиеническія познанія достигнутъ большаго совершенства, долговѣчность людей сдѣлается болѣе значительной и роль стариковъ и старухъ получить гораздо большее значеніе.

Члены человѣческаго общества не могутъ быть подраздѣляемы на половыя особи и на безполыя, какъ у насѣкомыхъ. Но дѣятельная жизнь каждаго индивидуума должна быть раздѣлена на два періода: на періодъ размноженія и на періодъ бесплодный, при чемъ послѣдній долженъ быть посвященъ труду, полезному для общества. Главное отличіе между обществами животныхъ и людей сводится къ тому, что особи, входящія въ составъ обществъ животныхъ, неполны, тогда какъ въ человѣчествѣ индивидуумъ достигаетъ высшей степени полноты.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ выводу, что чѣмъ выше организовано общественное существо, тѣмъ болѣе выражена въ немъ индивидуальность. Отсюда легко заключить, что изъ числа теорій, предлагающихъ упорядочить общественную жизнь, всего болѣе заслуживаютъ вниманія тѣ, которыя оставляютъ достаточно свободное поле дѣйствія для развитія индивидуальнаго почина. Идеалъ, который такъ часто проповѣдуютъ и по которому индивидуумъ долженъ быть елико возможно приносимъ въ жертву обществу, не соотвѣтствуетъ общему закону общественныхъ организмовъ. Могутъ существовать особые условія въ общественной жизни, когда неизбежно большое количество жертвъ, но эти условія нельзя считать ни постоянными, ни всеобщими, ни нормальными. Въ военное время требуется много врачей и сестеръ милосердія, но въ мирное время число ихъ можетъ быть ограничено. Возможно предвидѣть, что по мѣрѣ того, какъ человѣчество усовершенствуется общественную

жизнь, случаи, въ которыхъ понадобится приносить въ жертву отдѣльныя личности, станутъ все рѣже и рѣже.

Съ цѣлью побороть эгоизмъ, столь глубоко укоренившійся въ человѣческой природѣ, часто проповѣдуютъ отреченіе отъ личнаго счастья и необходимость подчинить его общему благу. Очень нерѣдко проповѣдь эта остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, но иногда она приноситъ плоды и притомъ въ такой степени, что люди, въ особенности молодыя женщины, охотно приносятъ въ жертву собственное благополучіе и даже жизнь ради идеала, который, по ихъ мнѣнію, долженъ повести къ общему благу.

Очень неравномѣрное распредѣленіе благъ на землѣ вызвало разныя ученія, стремящіяся устранить такую несправедливость. Уже болѣе ста лѣтъ различныя социалистическія теоріи стараются благоудѣлствовать все человѣчество. Дѣйствуя воедино, пока дѣло идетъ о критикѣ существующихъ условій, онѣ слѣдуютъ по различнымъ путямъ съ той минуты, когда заходитъ рѣчь объ установленіи правилъ для новаго общества. При такихъ условіяхъ даже самый смыслъ слова «соціализмъ» получилъ столь различныя толкованія, что имъ почти невозможно пользоваться. Несмотря на то, что многія изъ теорій коллективизма перестали отстаивать свои прежнія крайности, онѣ все же еще далеки отъ признанія достаточной независимости личности, живущей въ обществѣ. Во время собраний и конгрессовъ социалистовъ еще часто принимаются рѣшенія, громко провозглашающія принесеніе въ жертву обществу правъ личности. Нѣкоторыя партіи запрещаютъ своимъ членамъ сотрудничать въ журналахъ, кромѣ тѣхъ, которые служатъ выразителями мнѣній партій, а также участвовать въ правительствѣ, на которое наложенъ запретъ. Во время стачекъ, устраиваемыхъ социалистами, строго воспрещается работать тѣмъ, кто имѣетъ самое большое желаніе трудиться. Недавно бывали случаи, что типографщики отказывались печатать газеты, не раздѣляющія ихъ мнѣній, и даже были примѣры врачей, отказывавшихъ въ подачѣ помощи ихъ политическимъ противникамъ.

Неоднократно по адресу коллективистовъ раздавались упреки въ томъ, что они слишкомъ попираютъ свободу личности. Защищаясь, они говорятъ, что «въ будущемъ социаль-демократическомъ обществѣ не будетъ и рѣчи о тиранинѣ или о какомъ бы то ни было подавленіи. Тайна единенія индивидуумовъ заключается въ ихъ дисциплинѣ, которая, однако же, должна быть понимаема не какъ безжизненное послушаніе въ войскахъ, а только какъ подчиненіе личности общинѣ, когда это требуется для общаго блага» ¹⁾.

¹⁾ W. Herzberg. „Sozialdemokratie u. Anarchismus“. 1906 г., стр. 17.

Но именно эта дисциплина и это подчинение заходят часто так далеко, что индивидуальное самосознание чувствует себя глубоко уязвленным. Въ виду этого среди коллективистов образовалась партия, которая не допускаетъ поглощенія личности обществомъ. Это — группа анархистовъ, которая, стремясь къ свободѣ личности, доходитъ нерѣдко до покушенія на свободу, имущество и даже жизнь людей. Болѣе сорока лѣтъ назадъ я былъ близокъ съ *Бакунинымъ*, жилъ съ нимъ и былъ свидѣтелемъ его начинаній въ дѣлѣ анархизма. При огромной энергіи и очень недюжинномъ умѣ ученіе его сводилось, главнымъ образомъ, на расчистку поля для будущей дѣятельности, т.-е. на полное разрушеніе существующаго общественнаго строя. Несмотря на мою тогдашнюю молодость и на то, что одинъ изъ моихъ старшихъ братьевъ очень увлекался *Бакунинымъ*, мнѣ было совершенно ясно, что теоріи этой титанической личности не содержатъ въ себѣ ни единого зерна, способнаго дѣйствительно улучшить человѣческое общежитіе. Позже я часто бесѣдовалъ съ *Элизе Реклю*, этимъ добрейшимъ теоретикомъ и идеальнѣйшимъ человѣкомъ. Но и его проповѣдь анархизма не могла поколебать моего отрицательнаго отношенія къ послѣднему. Сколько я могу судить, теорія эта имѣетъ мало приверженцевъ, и притомъ исключительно среди людей, не одаренныхъ государственной мудростью.

Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что въ теченіе болѣе столѣтія задача искорененія бѣдности стоитъ на очереди, и среди теорій коллективизма произошелъ значительный поворотъ въ направленіи къ умѣренности. Въ то время какъ прежде проповѣдывалось полное упраздненіе частной собственности и учрежденіе фаланстеровъ для совмѣстной жизни, теперь требуютъ социализаціи средствъ производства, но уже допускаютъ частную собственность жилищъ и всего, что касается потребления.

Каутскій, одинъ изъ болѣе видныхъ представителей ортодоксальной социаль-демократіи, признаетъ, что социализація земли «ничуть не обязываетъ упраздненія частной собственности на жилища. Обычное соединеніе жилища съ сельскохозяйственной обработкой исчезнетъ, но не будетъ никакой надобности обращать жилище земледѣльца въ общественную собственность». «Современный социализмъ не исключаетъ личной собственности на предметы потребления. Изъ всѣхъ способовъ пользоваться человѣческой жизнью и ея удовольствіями одинъ изъ самыхъ главныхъ, если даже не самый главный, состоитъ въ обладаніи собственнымъ жилищемъ. Общественная собственность на землю никоимъ образомъ не исключаетъ его». Но разъ позволяется имѣть отдѣльный домъ, то трудно

не разрѣшить имѣть при немъ небольшой садъ, особенно въ виду того, что коллективисты принимаютъ въ расчетъ требованіе пользованія жизнью. Домъ или квартира могутъ оказаться обширнѣе, чѣмъ требуется (напр., вслѣдствіе отсутствія дѣтей или смерти кого-либо изъ домочадцевъ), а садъ можетъ служить мѣстомъ для проявленія личнаго почина и для усовершенствованія способовъ культуры садовыхъ растений. Вотъ уже два элемента, изъ которыхъ можетъ развиваться частное пользованіе. Лишнія комнаты могутъ быть уступлены за трудъ жилья, а усовершенствованные садовые продукты промѣнены или проданы за что-либо соотвѣтственное.

Уступки, которыя оказались вынужденными со стороны коллективизма, показываютъ самымъ яснымъ образомъ всю важность частной собственности. Несмотря, однако же, на большую умѣренность коллективистовъ, многіе голоса раздаются въ видѣ протеста противъ социализаціи средствъ производства и противъ ограниченія личнаго почина, изъ нея вытекающаго. Знаменитый англійскій философъ *Гербертъ Спенсеръ* ¹⁾, котораго никакъ нельзя обвинить въ узости взглядовъ и въ консерватизмѣ, съ большимъ жаромъ возсталъ противъ ученій коллективизма, стремящихся низвести человѣческую личность на степень однообразія и посредственности. Рядомъ очень убѣдительныхъ примѣровъ онъ показываетъ зло, которое возникаетъ въ результатѣ мѣръ, задуманныхъ съ самыми лучшими намѣреніями ради уравниванія состояній и устраненія бѣдности. Онъ предвидитъ рабство въ результатѣ слишкомъ сильнаго вмѣшательства государства въ такія отправленія, которыя должны выполняться частнымъ починомъ. Въ виду этого *Спенсеръ* полагаетъ, что учрежденіе коллективистскаго государства угрожаетъ большою опасностью.

Со свойственнымъ ему преувеличеніемъ *Ничше* ²⁾ критикуетъ социализмъ. «Социализмъ, — говоритъ онъ, — фанатическій младшій братъ деспотизма, уже почти вымершаго, отъ котораго онъ стремится получить наслѣдіе: его усилія, слѣдовательно, въ самомъ глубокомъ смыслѣ реакціонны. Социализмъ стремится къ столь полной власти государства, какой деспотизмъ никогда не обладалъ; онъ даже превосходитъ все, что существовало въ прошедшія времена, такъ какъ онъ работаетъ ради полнѣйшаго уничтоженія личности. Послѣдняя представляется ему непозволительною роскошью природы и должна быть исправлена превращеніемъ ея въ органъ,

¹⁾ The coming Slavery, въ The man versus the State, 1888 г., стр. 18.

²⁾ Menschliches, Allzumenschliches.

полезный для общины». И далѣе: «Соціализмъ можетъ служить глубоко поучительнымъ примѣромъ всей опасности отъ сосредоточенія власти государствомъ, и поэтому онъ долженъ внушить недоувѣріе къ самому государству. Когда его грубый голосъ примѣшается къ военному зову: какъ можно болѣе государства, то этотъ возгласъ сначала зазвучитъ необычайно рѣзко. Но вскорѣ послышится съ не меньшей силой противоположное требованіе: какъ можно меньше власти государства».

Весьма вѣроятно, что коллективизмъ всевозможныхъ отгѣнговъ окажется неспособнымъ согласовать рѣшеніе задачи общественной жизни съ сохраненіемъ достаточной полноты личности. Тѣмъ не менѣе успѣхи человѣческаго знанія должны будутъ привести къ большому уравниенію имуществъ сравнительно съ тѣмъ, что существуетъ нынѣ. Умственная культура повліяетъ на устраненіе множества ненужныхъ и даже вредныхъ вещей, которыя теперь признаются многими за совершенно необходимыя. Убѣжденіе, что наибольшее счастье состоитъ въ полномъ прохожденіи круга нормальной жизни и что эта цѣль можетъ быть достигнута жизнью скромной и умѣренной, устранить много роскоши, укорачивающей жизнь. Въ то время какъ болѣе состоятельные люди найдутъ полезнымъ упростить свой образъ жизни, бѣдняки смогутъ лучше устроить свое существованіе. Но все-таки въ результатъ этого прогресса не получится устраненія частной собственности,—ни благопріобрѣтенной, ни унаслѣдованной. Эволюція эта должна совершиться постепенно и потребуетъ множества усилій и новыхъ знаній. Въ этомъ отношеніи соціологія, едва народившаяся, должна будетъ черпать свѣдѣнія у своей старшей сестры, біологіи. Между тѣмъ эта послѣдняя учитъ, что параллельно съ прогрессомъ организациі самосознаніе личности развилось въ такой степени, что окажется невозможнымъ принести ее въ жертву на пользу общества. У низшихъ существъ, какъ миксомицеты и сифонофоры, особи сливаются вполне или большей частью съ общиной; но жертва эта не велика, такъ какъ у нихъ чувство индивидуальности вовсе не развито. Общественныя наѣкомыя представляютъ намъ промежуточное звено между низшими животными и человѣкомъ. Только у послѣдняго личность доходитъ до окончательнаго и полнаго самосознанія, и поэтому-то хорошее общественное устройство не должно приносить ее въ жертву для общаго блага. Къ этому главному выводу приводятъ изученіе общественнаго развитія живыхъ существъ.

Этотъ очеркъ ведетъ къ заключенію, что полное изученіе человѣческой личности должно составить необходимую ступень при обсужденіи плановъ устройства общественной жизни людей.

Пессимизмъ и оптимизмъ.

I.

Восточное происхождение пессимизма.—Поэты пессимисты.—Байронъ.—Леопарди.—Пушкинъ.—Лермонтовъ.—Пессимизмъ и самоубійство.

При попыткѣ обосновать оптимистическую-теорію человѣческой природы невольно возникаетъ вопросъ: почему же столько выдающихся умовъ останавливалось на чисто-пессимистическомъ міровоззрѣніи?

Пессимизмъ—очень давняго происхожденія, хотя проповѣдывался онъ и распространился главнымъ образомъ въ современную намъ эпоху.

Всѣмъ извѣстенъ пессимистическій возгласъ Екклезіаста за десять вѣковъ до нашей эры: «все суета суетъ и всяческая суета!». Предполагаемый авторъ этого изреченія *Соломонъ* провозглашаетъ, что онъ «возненавидѣлъ жизнь, потому что противны стали ему дѣла, которыя дѣлаются подъ солнцемъ, ибо все суета и томленіе духа» (*Екклесіастъ*, II, 17).

Будда возвелъ пессимизмъ на степень ученія. По его мнѣнію, жизнь есть сплошное страданіе. «Рожденіе—страданіе, старость—страданіе, смерть—страданіе, связь безъ любви—страданіе, разлука съ любимымъ—страданіе, неудовлетворенное желаніе—страданіе; кратко сказать: всякая усиленная привязанность ко всему земному—страданіе» ¹⁾.

Этотъ пессимизмъ *Будды* послужилъ источникомъ большинства современныхъ пессимистическихъ теорій.

Будучи восточнаго происхожденія, пессимизмъ очень сильно распространился въ Индію, даже помню буддизма.

Въ «Бхартрихари», стансахъ начала христіанской эры, такъ изливается печаль о человѣческомъ существованіи: «Жизнь человѣка ограничивается ста годами; ночь занимаетъ половину этихъ

¹⁾ Цитата *Ольденберга. Будда.* Франц. пер. Парижъ, 1894 г., стр. 214.

лѣтъ; половина остальной половины поглощена дѣтствомъ и старостью; то, что остается, проходить среди болѣзней, разлукъ и сопровождающихъ ихъ горестей, службы постороннимъ и тому подобныхъ занятій. Гдѣ же найти счастье въ жизни, сходной съ пузырями, вызванными движеніемъ волнъ?» «Здоровье челоуѣка разрушается заботами и всякими болѣзнями. Ниспослано ли богатство,—вслѣдъ за нимъ, какъ въ открытую дверь, слѣдуетъ и несчастье. Одно за другимъ захватываетъ смерть все живущее, и оно не въ силахъ противиться своей участи. Что же прочно во всемъ, сотворенномъ всесильнымъ Брамоу?»¹⁾

Съ азіатскаго востока пессимистическія теоріи распространились въ Египетъ и въ Европу.

Уже за три вѣка до Рождества Христова возникла философія *Гегезія*. Онъ проповѣдывалъ, что надежда большею частью влечетъ за собой разочарованіе и что наслажденіе вскорѣ вызываетъ пресыщеніе и отвращеніе. По его мнѣнію, сумма страданій превышаетъ сумму наслажденій, такъ что счастье недостижимо и въ дѣйствительности никогда не существуетъ. Совершенно напрасно, слѣдовательно, искать удовольствія и счастья, которыя неосуществимы. Скорѣе слѣдуетъ вырабатывать въ себѣ равнодушіе, подавляя чувствительность и желанія.

Въ концѣ-концовъ жизнь и смерть стоятъ другъ друга, такъ что часто предпочтительно покончить съ жизнью самоубійствомъ.

Гегезія прозвали *Пейзитаномъ*, что значитъ: совѣтникъ смерти. «Къ нему стекались многочисленные послѣдователи; ученіе его быстро распространялось, и убѣжденные ученики лишали себя жизни. Царь *Птоломей* встревожился, боясь, какъ бы это отвращеніе къ жизни не стало заразительнымъ. Онъ закрылъ школу *Гегезія*, а самого его изгналъ»²⁾.

Пессимистическая нота звучитъ иногда у различныхъ греческихъ и латинскихъ философовъ и поэтовъ. *Сенека* находить, что «въ общемъ челоуѣческая жизнь жалка». «Толпой сыплются новыя бѣды, раньше чѣмъ ты успѣлъ отдать дань прежнимъ»³⁾.

Но особенно распространился пессимизмъ въ новѣйшія времена.

Помимо философскихъ теорій прошлаго вѣка (каковы ученія *Шопенгауэра*, *Гартманна* и *Майнлендера*, о которыхъ было достаточно сказано въ «Этюдахъ о природѣ челоуѣка»), пессимисти-

¹⁾ *Régnaud*. Браминскій пессимизмъ. *Annales du Musée Guimet*. 1880 г., т. I, стр. 110 и 111.

²⁾ *Gurau*. La morale d'Épicure, 4-е изданіе, 1904 г., стр. 116.

³⁾ *As Marcian*, глава X.

ческое міровоззрѣніе главнымъ образомъ было развито поэтами. Мы знаемъ, какъ выражалъ *Байронъ* свои жалобы на жизнь человѣческую. Вскорѣ послѣ смерти знаменитаго англійскаго поэта раздались полные отчаянія вопли извѣстнаго итальянскаго лирика *Джакомо Леонарди*. Вотъ слова, съ которыми онъ обращается къ собственному сердцу ¹⁾: «Успокойся навѣкъ, довольно трепетало ты, ничто не стоитъ этого трепета, и земля недостойна твоихъ вздоховъ. Жизнь—не что иное, какъ горечь и скука. Міръ—одинъ прахъ. Успокойся навѣкъ. Покинь надежду навсегда. Нашему роду суждена одна смерть. Презирай навсегда и самого себя, и природу, и постыдную скрытую силу, повелѣвающую всеобщее разрушеніе и безконечную измѣнчивость всего».

Леонарди дѣлаетъ читателей свидѣтелями своихъ нравственныхъ тревогъ и мученій. Онъ повѣряетъ имъ свои намѣренія. Въ стихахъ, посвященныхъ *Карлу Пеноли*, онъ говоритъ: «Я изучу слѣпую правду; я изучу слѣпую судьбу всего смертнаго и вѣчнаго: зачѣмъ было создано человѣчество и обречено на горе и страданія; къ какой конечной цѣли направляютъ его судьба и природа; кому пріятно или кому нужно наше великое страданіе; какой порядокъ, какіе законы управляютъ этимъ таинственнымъ міромъ, восхваляемымъ мудрецами и которымъ я могу только любоваться» (id., стр. 15).

Возникла цѣлая плеяда поэтовъ, воспѣвающихъ мировую скорбь, «*Weltschmerz*» нѣмецкихъ авторовъ; среди послѣднихъ особенно выдѣлились *Гейне* и *Николай Ленау*.

Русская поэзія развилась отчасти подъ вліяніемъ *Байрона*. Ея лучшіе представители, *Пушкинъ* и *Лермонтовъ*, часто задавались вопросомъ о цѣли человѣческой жизни, и отвѣтъ ихъ былъ глубоко безнадежнымъ. *Пушкинъ* слѣдующимъ образомъ формулируетъ свое пессимистическое міровоззрѣніе:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
И зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь обречена?
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ?
Сердце мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣнемъ взволновалъ?
Цѣли нѣтъ передо мною...
Пусто сердце, празденъ умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ...

¹⁾ Стихи и сочиненія нравственнаго содержанія *Леонарди*. Франц. пер., 1880 г. стр. 49.

Если, съ одной стороны, пессимистическіе поэты и философы отражали мнѣнія и чувства своихъ современниковъ, то, съ другой стороны, сами они имѣли несомнѣнное вліяніе на читателей. Такимъ образомъ укоренилось пессимистическое міровоззрѣніе, сквозь которое на жизнь смотрѣли какъ на рядъ страданій, не уравновѣшенныхъ никакими благами.

Очень вѣроятно, что идеи эти имѣли извѣстное вліяніе на современное распространеніе самоубійствъ. Хотя внутренніе мотивы большинства послѣднихъ намъ еще мало извѣстны, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что общее міровоззрѣніе должно играть здѣсь значительную роль. Статистика ставитъ большую часть самоубійствъ на счетъ «ипохондріи, меланхоліи, пресыщенія жизнью и сумасшествія». Такъ, данныя датской статистики (какъ извѣстно, въ Даніи самоубійства очень распространены) показываютъ, что въ періодъ времени отъ 1886 по 1895 г. изъ 1.000 произвольныхъ смертей 224, т.-е. $\frac{1}{4}$, зависѣли отъ вышеупомянутыхъ причинъ. Соответствующая цифра еще выше для женщинъ, такъ какъ она составляетъ почти половину случаевъ (403 на 1.000). У мужчинъ изъ причинъ самоубійства на второмъ мѣстѣ стоитъ алкоголизмъ: изъ 1.000 случаевъ имъ обусловлены 164.

Очень вѣроятно, что въ обѣихъ категоріяхъ самоубійства основа—пессимистическая.

Если устранить настоящихъ умалишенныхъ, то среди меланхоликовъ, ипохондриковъ и разочарованныхъ жизнью должно оставаться значительное число лицъ, умственное состояніе которыхъ не было патологическимъ въ узкомъ смыслѣ слова, но которыя лишили себя жизни вслѣдствіе пессимистическаго міровоззрѣнія. Между алкоголиками многіе злоупотребляютъ спиртными напитками вслѣдствіе убѣжденія, что жизнь не стоитъ того, чтобы беречь ее.

Прогрессивное увеличеніе числа самоубійствъ въ настоящее время указываетъ въ свою очередь на вліяніе пессимистическихъ теорій.

Дѣло дошло даже до учрежденія обществъ «любителей самоубійства». Рассказываютъ, что въ подобномъ обществѣ, основанномъ въ Парижѣ въ началѣ прошлаго вѣка, нѣкоторые клали въ урну записки со своими именами, съ тѣмъ, чтобы тотъ, имя котораго будетъ вытянуто по жребію, лишилъ себя жизни въ присутствіи своихъ сочленовъ. По уставу общества, въ него допускали только людей уважаемыхъ, испытавшихъ несправедливость людскую, неблагодарность друга, измѣну жены или любовницы; сверхъ же всего, кандидатъ долженъ былъ уже годами испытывать душевную пустоту и неудовлетворенность отъ всего въ мірѣ ¹⁾.

¹⁾ Dieudonné. Archiv für Kulturgeschichte, 1903 г., т. I, стр. 357.

Итакъ, безповоротное рѣшеніе на самоубійство должно было быть основано на пессимистическомъ міровоззрѣніи.

Между тѣмъ какъ въ Западной Европѣ за послѣднее время замѣчается постепенное уменьшеніе числа самоубійствъ, въ Россіи оно замѣтно увеличивается. Нужно думать, что это явленіе временное, связанное отчасти съ рѣзкимъ измѣненіемъ государственнаго строя. Къ сожалѣнію, оно еще не достаточно изучено.

II.

Попытки опредѣлить причины пессимистическаго міровоззрѣнія. — Мысли Эд. Гартманна по этому поводу. — Критика работы Ковалевскаго о психологіи пессимизма.

Факты, собранные въ предыдущей главѣ, вызываютъ вопросъ: имѣемъ ли мы возможность уловить механизмъ, приводящій людей къ убѣжденію, что жизнь—зло, отъ котораго слѣдуетъ искать избавленія?

Почему такъ распространено мнѣніе, будто человѣкъ несчастнѣе животныхъ, а образованные и умные люди несчастнѣе невѣжды и глупцовъ?

Какъ видно изъ вышеприведеннаго устава общества любителей самоубійства, отвращеніе къ жизни происходитъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе несправедливостей и измѣнъ. *Шекспиръ* говоритъ устами Гамлета, что если бы возможно было пресѣчь жизнь, то никто не согласился бы продолжать жить:

Кто снесъ бы бичъ и посмѣянье вѣка,
Безсилье правъ, тирановъ притѣсненіе.

По мнѣнію *Байрона*, кромѣ видимыхъ бѣдъ, какъ болѣзни, смерть и рабство, существуетъ еще гораздо худшее зло: «зло невидимое и неизлѣчимое, проникающее въ душу и вѣчно снова ее раздирающее».

Во многихъ изъ своихъ произведеній *Байронъ* настаиваетъ на почти постоянномъ ощущеніи пресыщенія жизнью. Всякое удовольствіе тотчасъ перерождается у него въ болѣе сильное чувство отвращенія.

Гейне смотритъ на жизнь, какъ на бѣдствіе, потому что «сквозь твердыя, каменные поверхности видитъ жилища людей и сердца людей» и узнаетъ «какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ ложь, лицемеріе и нищету» ¹⁾.

¹⁾ Какъ эта, такъ и двѣ предшествующія цитаты приведены изъ сочиненія *Джемса Сэлли*: „Пессимизмъ“. Франц. перев. Парижъ, 1882 г., стр. 24, 23, 11.

Какъ я пытался показать это въ «Этюдахъ о природѣ чело-вѣка», въ пессимистическомъ міровоззрѣніи существенную роль играетъ сознаніе краткости жизни.

Всѣ проповѣдники пессимизма постоянно возвращаются къ этой темѣ. *Леопарди* въ нѣсколько приемовъ развиваетъ ее въ своихъ стихотвореніяхъ.

Онъ говоритъ въ «Воспоминаніяхъ»: «Таинственная болѣзнь грозила мнѣ смертельной опасностью, и я оплакивалъ свою чудную молодость, цвѣтъ бѣдныхъ дней моихъ, *такъ быстро опадающій*. Часто въ поздніе часы, сидя на кровати, свидѣтельница моихъ страданій, при свѣтѣ лампы—горестной поэмы—я жаловался втихомолку на свою *мимолетную жизнь* и, томясь, пѣлъ себѣ похоронную пѣснь» (I. с., стр. 28).

Леопарди такъ размышляетъ подъ впечатлѣніемъ барельефа на древней гробницѣ, изображающаго прощаніе умершей молодой дѣвушки съ семейю: «Мать, заставляющая съ самаго дня рожденія дрожать и плакать семью живущихъ. Природа, чудовище, недостойное воспѣванія, *зарождающее и вскармливающее для того, чтобы убить*: если преждевременная смерть—несчастье, то почему обрекаешь ты на него невинныя головы? Если же она—добро, то почему такъ тяжела разлука съ жизнью и для умирающаго, и для остающихся? Почему нѣтъ горя болѣе неутѣшнаго?..» «Смерть—единственное освобожденіе отъ нашихъ бѣдъ; она—неизбѣжная цѣль, неизблennyй законъ, который ты установила для чело-вѣка. Увы! Отчего послѣ тяжелаго пути не сдѣлать намъ прибытія радостнымъ? Зачѣмъ окутывать черною вуалью и окружать такими грустными тѣнями эту неизбѣжную цѣль, которую мы имѣемъ всю жизнь передъ душой,—цѣль, когорая одна утѣшала насъ въ страданіяхъ? Зачѣмъ придавать пристани видъ болѣе ужасный, чѣмъ имѣла *пушина?*» (I. с., стр. 55).

Три главные жалобы—на жизненную неправду, на болѣзнь и на смерть—часто сливаются въ одну. Становятся на антропоморфическую точку зрѣнія, «судьбу» представляютъ себѣ въ видѣ злобнаго существа, несправедливо посылающаго людямъ всякія бѣдствія.

Къ пессимистическому міровоззрѣнію приходятъ путемъ сложной психологической работы, въ которой есть и чувства, и размышленія. Вотъ почему такъ трудно удовлетворительно анализировать ее и почему въ прежнія времена ограничивались общимъ и очень туманнымъ опредѣленіемъ механизма, приводящаго къ пессимизму.

Эд. Гартманнъ пытался точнѣе опредѣлить эту внутреннюю работу чело-вѣческой души. Во-первыхъ, онъ настаиваетъ на томъ, что удовольствія всегда доставляютъ меньше удовлетворенія, чѣмъ

тяжелыя ощущенія приносятъ страданія. Такъ, непріятность отъ диссонансовъ въ музыкѣ превосходитъ удовольствіе, получаемое даже отъ лучшихъ музыкальныхъ произведеній. Зубная боль гораздо чувствительнѣе, чѣмъ удовольствіе отъ прекращенія ея. То же самое относится ко всѣмъ другимъ болѣзнямъ.

Гартманнъ думаетъ, что и въ любви страданіе всегда преобладаетъ надъ удовольствіемъ, такъ что и здѣсь значительный перевѣсъ остается на сторонѣ страданія.

Физическій трудъ пріятенъ только въ очень малыхъ дозахъ. Даже занятія наукой и искусствомъ, вообще умственный трудъ, доставляютъ больше непріятныхъ, чѣмъ пріятныхъ ощущеній. Въ результатѣ этого анализа *Гартманнъ* приходитъ къ выводу, что «страданіе значительно превосходитъ удовольствіе въ этомъ мірѣ».

Итакъ, по его мнѣнію, основа пессимистическаго міросозерцанія заключается въ самой сущности человѣческихъ ощущеній.

Нѣмецкій философъ *Арнольдъ Ковалевскій* въ Кенигсбергѣ, руководствуясь современнымъ стремленіемъ измѣрять и сколь возможно опредѣлять психическія явленія, представилъ обстоятельную попытку психологическаго анализа пессимизма ¹⁾. Хотя она и не рѣшаетъ задачи, тѣмъ не менѣе имѣетъ нѣкоторый интересъ, какъ примѣръ приложенія метода, весьма модной въ современной психологіи.

Ковалевскій прибѣгаетъ ко всѣмъ средствамъ, которыми можно располагать для оцѣнки нашихъ ощущеній. Между прочимъ онъ старается воспользоваться замѣтками другого современнаго философа, *Мюнстерберга*, который ежедневно отмѣчалъ въ дневникѣ свои психическія и психофизическія ощущенія. Онъ нисколько не имѣлъ въ виду разъясненія вопроса о пессимизмѣ; поэтому-то *Ковалевскій* и считалъ его замѣтки особенно цѣнными для своихъ изслѣдованій.

Мюнстербергъ не ограничивается принятой классификаціей ощущеній на пріятныя и непріятныя. Онъ подраздѣляетъ ихъ на нѣсколько категорій. Такъ, онъ отличаетъ ощущенія спокойствія и возбужденія, серьезные и веселыя впечатлѣнія.

Изъ окончательнаго подсчета *Ковалевскій* выводитъ, что его коллега, не будучи вовсе пессимистомъ, а скорѣе уравновѣшеннымъ психологомъ, испытывалъ гораздо болѣе тяжелыхъ ощущеній, чѣмъ пріятныхъ. Онъ насчитываетъ приблизительно 60% первыхъ на 40% послѣднихъ. «Такой результатъ вполне подтверждаетъ пессимистическое міросозерцаніе», заключаетъ *Ковалевскій*.

¹⁾ Studien zur Psychologie des Pessimismus. Wiesbaden, 1904 г.

Казалось, что такой результат долженъ былъ бы остановить автора въ продолженіи подобныхъ изысканій. Если и у не-пессимиста непріятныя ощущенія значительно преобладаютъ надъ пріятными, то пессимизмъ долженъ объясняться чѣмъ-нибудь инымъ, а не этой разницей. *Ковалевскій*, однако, не замѣчая этого противорѣчія, продолжаетъ искать въ томъ же направленіи и пытается составить себѣ болѣе точное представленіе объ оцѣнкѣ нашихъ ощущеній. Онъ обращается къ народнымъ школамъ и заставляетъ учениковъ отмѣчать свои тяжелыя и пріятныя ощущенія. За мѣтки 104 мальчиковъ отъ 11-ти до 13-тилѣтняго возраста показали, что тяжелыя ощущенія гораздо чувствительнѣе, чѣмъ соответственныя пріятныя. Такъ, на 88 случаевъ, гдѣ болѣзнь была отмѣчена какъ зло, всего въ 21 случаѣ здоровье отмѣчено какъ благо.

Треть учениковъ отнесла войны къ бѣдствіямъ, между тѣмъ какъ всего одинъ отнесъ миръ къ благамъ. Бѣдность была засчитана въ категорію зла 13 разъ, богатство же упоминалось, какъ благо, всего два раза, и т. д.

Въ другой серіи наблюденій *Ковалевскій* отмѣчалъ оцѣнку радостей и печалей, сдѣланную учениками обоихъ половъ въ одной и той же школѣ. Въ результатѣ оказалось, что, по ихъ мнѣнію, величайшее зло—болѣзни (43 отмѣтки) и смерть (42). Затѣмъ слѣдуютъ: пожары (37), голодъ (23), наводненія (20) и т. д. Къ благамъ, какъ и слѣдовало ожидать, прежде всего были отнесены игры (30), а затѣмъ подарки.

Не находя возможнымъ разрѣшить вопросъ подобными изслѣдованіями, *Ковалевскій* сталъ искать болѣе точнаго метода. Съ этою цѣлью онъ обратился къ различнымъ ощущеніямъ: обонятельнымъ, слуховымъ и вкусовымъ, т.-е. къ такимъ, къ которымъ можно примѣнить методы точнаго измѣренія. Такимъ образомъ онъ опредѣляетъ минимальное количество вещества, способное вызвать явное ощущеніе хорошаго или дурного вкуса. Установленную этимъ путемъ вкусовую единицу онъ назвалъ «густіей». *Ковалевскому* никогда не удавалось въ своихъ опытахъ возмѣстить непріятныя вкусовые единицы *соответствующимъ* количествомъ пріятныхъ «густій». Такъ, для того, чтобы нейтрализовать дурной вкусъ хинина, ему приходилось употреблять гораздо большее количество густій сахара. Соотечественникъ *Канта* особенно восхищается слѣдующимъ опытомъ, весьма доказательнымъ по его мнѣнію. Четыремъ лицамъ даны были опредѣленные смѣси сахара и хинина, для того, чтобы установить пропорцію обоихъ веществъ, необходимую для полученія нейтральнаго вкуса. Оказалось, что «для прикрытія дурного вкуса

хинина надо было почти удвоить количество соответственных вкусовых единиц сахара ($6 : 3,3$)» (стр. 61).

Тот же результат получается и относительно запахов: дурные ощущаются въ значительно большей степени, чѣмъ хорошіе.

Такимъ образомъ получается цѣлый рядъ научныхъ наблюдений, подтверждающихъ положеніе пессимистовъ! Но вытекаетъ ли отсюда въ самомъ дѣлѣ, что міръ устроенъ наихудшимъ образомъ? Анализъ хорошаго и дурнаго расположенія духа, сдѣланный *Ковалевскимъ*, говорить въ пользу этого положенія.

Для точнаго опредѣленія этихъ душевныхъ состояній онъ изслѣдуетъ походку и высчитываетъ число шаговъ, сдѣланныхъ въ одну минуту.

Пріемъ этотъ основанъ на слѣдующемъ соображеніи:

«Всѣмъ извѣстно, что настроеніе выражается въ быстротѣ походки. Стоитъ представить себѣ медленную и величественную походку глубоко удрученнаго человѣка и сравнить ее съ быстрой, бурной веселаго. Горе дѣйствуетъ вообще подавляющимъ образомъ; веселость же способствуетъ подвижности» (стр. 45).

Результаты, основанные на этомъ измѣреніи, служатъ новымъ доводомъ въ пользу пессимизма. Намъ не зачѣмъ разбирать цифры, къ которымъ *Ковалевскій* счелъ нужнымъ примѣнять интегральное исчисленіе, такъ какъ очевидно, что его методъ непримѣнимъ. И въ самомъ дѣлѣ скорость ходьбы указываетъ только на степень возбужденія, а вовсе не на хорошее или дурное настроеніе.

Внезапное воспріятіе сильнаго ощущенія, будь оно пріятнымъ или непріятнымъ, вызываетъ потребность быстрого хожденія по комнатѣ или даже потребность выйти на улицу, чтобы двигаться свободнѣе. Письмо съ неожиданной вѣстью, напримѣръ, объ измѣнѣ любимаго человѣка или о неожиданномъ полученіи наслѣдства, вызываетъ возбужденіе, выражающееся внѣшнимъ образомъ быстрой ходьбой. Многіе ораторы и профессора чувствуютъ потребность ходить и жестикулировать для облегченія рѣчи. Ученый, которому приходится въ голову оригинальная мысль, требующая, разработки, ощущаетъ потребность встать и ходить. Но рядомъ съ этими пріятными возбужденіями мы ощущаемъ такую же потребность движенія отъ обиды или возмущенія.

Поэтому немислимо примѣнять методы вычисленія движеній къ изученію пессимистическаго душевнаго состоянія.

Ковалевскій обратился еще къ другому средству для рѣшенія интересующей его задачи. Онъ навелъ справки относительно пріятныхъ и тяжелыхъ воспоминаній. Онъ спрашивалъ дѣтей обоого пола, что они долѣе помнятъ: радости, или горести, и записывалъ

ихъ отвѣты. Результаты, полученные какъ имъ, такъ и американскимъ психологомъ *Колтровомъ*, оказались неблагоприятными для пессимистическаго ученія. Дѣйствительно, оказалось, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ (70%) преобладали пріятныя воспоминанія.

Но и этотъ рядъ опытовъ долженъ заключать крупный источникъ ошибокъ, основанный на настроеніи опрашиваемыхъ лицъ. Весьма вѣроятно, что *Ковалевскій* велъ свои разспросы въ школѣ во время перемѣны, когда большинство учениковъ чувствуетъ облегченіе отъ классной скуки. Удовольствіе же склоняетъ насъ скорѣе къ пріятнымъ воспоминаніямъ. Если бы разспросы производились во время скучнаго или труднаго урока или у дѣтей, запертыхъ въ больницѣ или въ карцерѣ, весьма вѣроятно, что получился бы обратный результатъ.

Ясно, что всѣ попытки рѣшить такой сложный вопросъ, какъ пессимизмъ, путемъ якобы точныхъ методовъ фізіологической психологіи не могутъ привести къ доказательнымъ выводамъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что различныя серіи опытовъ *Ковалевскаго* приводятъ къ разнорѣчивымъ результатамъ.

Въ то время какъ однѣ группы фактовъ подтверждаютъ пессимистическое міросозерцаніе, другія говорятъ противъ него! Не получается никакого точнаго и общаго вывода. Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможно примѣнять измѣрительный методъ къ ощущеніямъ и эмоціямъ, столь различнымъ не только по качеству, но и по силѣ?

Вотъ, напримѣръ, человѣкъ, который въ теченіе одного дня ощутилъ девять тяжелыхъ впечатлѣній и только лишь одно пріятное. По оцѣнкѣ экспериментаторовъ-психологовъ этого достаточно, чтобы стать пессимистомъ. А между тѣмъ это вовсе не вѣрно, потому что девять тяжелыхъ впечатлѣній могли быть гораздо слабѣе одного радостнаго. Они могли быть вызваны мелкими оскорбленіями самолюбія, преходящими, но не серьезными болями, незначительными денежными потерями, между тѣмъ какъ радостное впечатлѣніе могло быть вызвано любовнымъ посланіемъ. Итогъ десяти впечатлѣній, слѣдовательно, былъ бы все же счастливымъ и долженъ былъ бы вызвать самое оптимистическое настроеніе.

Итакъ, приходится признать непригодность попытокъ примѣненія якобы научныхъ психологическихъ приѣмовъ къ рѣшенію нашей задачи.

Но такъ какъ умъ человѣка тѣмъ не менѣе чувствуетъ потребность выяснить психологію пессимизма, то намъ остается прибѣгнуть къ гораздо менѣе утонченному способу анализа послѣдняго, а именно — къ біографіямъ человѣческихъ личностей.

III.

Связь между пессимизмом и состояніемъ здоровья. — Исторія ученаго, бывшаго пессимистомъ въ молодости и ставшаго впоследствии оптимистомъ. — Оптимизмъ *Шопенгауэра* въ старости. — Развитие чувства жизни. — Развитие органовъ чувствъ у слѣпыхъ. — Чувство препятствій.

Здоровыя дѣти и животныя вообще веселы и обнаруживаютъ самое оптимистическое настроеніе. Но какъ только они заболѣваютъ, то становятся грустными и впадаютъ въ меланхолію — до выздоровленія. Отсюда можно бы заключить, что оптимистическое міросозерпаніе связано съ нормальнымъ здоровьемъ, въ то время какъ пессимизмъ зависитъ отъ какой-нибудь физической или душевной болѣзни. Поэтому у проповѣдниковъ пессимизма ищутъ источника ихъ міровоззрѣнія въ какой-нибудь глубоко гнѣздящейся болѣзни.

Мы видѣли, что пессимизмъ у *Байрона* приписывали его хромотѣ, а у *Леопарди* — чахоткѣ.

Оба эти представителя пессимизма девятнадцатаго вѣка умерли молодыми. Но *Будда* и *Шопенгауэръ* жили долго, а *Гартманнъ* недавно умеръ 64 лѣтъ. Болѣзни ихъ въ молодости, слѣдовательно, не были очень опасны, а между тѣмъ они проповѣдывали самыя мрачныя теоріи насчетъ человѣческаго существованія.

По новымъ историческимъ изслѣдованіямъ д-ра *Ивана Блоха* ¹⁾ становится весьма правдоподобнымъ, что у *Шопенгауэра* въ молодости былъ сифилисъ. Найдена была записная книжка, въ которой великій философъ отмѣчалъ подробности предписаннаго ему усиленнаго ртутнаго лѣченія. Но эта болѣзнь постигла его лишь спустя нѣсколько лѣтъ послѣ появленія его главнаго пессимистическаго трактата.

Несмотря на всю справедливость разсужденій о причинахъ пессимизма, легко убѣдиться въ томъ, что задача наша гораздо сложнѣе, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Всѣмъ извѣстно, что слѣпые часто обладаютъ равнымъ, хорошимъ настроеніемъ и что одинъ изъ проповѣдниковъ оптимизма, философъ *Дюрингъ* ²⁾, ослѣпъ въ молодости.

Съ другой стороны, замѣчено, что хроническіе больные часто отличаются оптимистическимъ міровоззрѣніемъ, между тѣмъ какъ молодые люди, полные силъ и здоровья, становятся меланхоликами и предаются крайнему пессимизму. Контрастъ этотъ былъ отлично обрисованъ въ романѣ *Эмиля Золя* «Радость жизни», гдѣ старый подагрикъ, несмотря на страшныя страданія отъ острыхъ присту-

¹⁾ Medicinische Klinik, 1906 г., № 25 и 26.

²⁾ Der Werth des Lebens.

новъ болѣзни, сохраняетъ отличное настроеніе духа; рядомъ же съ нимъ его здоровый и молодой сынъ высказываетъ самыя пессимистическія воззрѣнія.

У меня есть двоюродный братъ, который очень рано ослѣпъ. Въ зрѣломъ возрастѣ у него развилось самое завидное міросозерцаніе. Онъ живетъ воображеніемъ, и все въ мірѣ кажется ему прекраснымъ и добрымъ. Онъ ничего не боится такъ, какъ — прозрѣть.

Онъ хорошо приспособился жить, не видя, и убѣжденъ, что дѣйствительность гораздо ниже воображаемаго имъ міра. Такъ, онъ боится, что если бы увидѣлъ свою жену, она показалась бы ему менѣе прекрасной, чѣмъ онъ представляетъ ее себѣ, будучи слѣпымъ.

Я знаю слѣпорожденную дѣвушку, парализованную съ дѣтства и подверженную падучей болѣзни. Она почти идиотка и, живя неподвижно въ своей повозочкѣ, видитъ, однако, жизнь въ самыхъ радужныхъ краскахъ. Она, безспорно, счастливѣйшій членъ всей семьи.

Хорошее настроеніе духа и манія величія прогрессивныхъ паралитиковъ всѣмъ извѣстны.

Всѣ эти примѣры показываютъ, что вовсе не такъ легко объяснить пессимизмъ отклоненіемъ отъ здоровья.

Для того, чтобы хоть сколько-нибудь выяснитъ этотъ вопросъ, слѣдуетъ подробно разобрать душевное состояніе какого-нибудь пессимиста.

Къ счастью, я очень близко знакомъ съ лицомъ, прошедшимъ черезъ періодъ жизни, окрашенный крайне мрачнымъ міросозерцаніемъ. Большая близость къ этому другу позволяетъ мнѣ воспользоваться моими наблюденіями для вышеизложенной цѣли.

Родители его обладали хорошимъ здоровьемъ, онъ былъ воспитанъ при средней зажиточности и вообще въ хорошихъ условіяхъ. Благодаря деревенской жизни, онъ избѣгъ дѣтскихъ болѣзней, развивался вполнѣ здоровымъ, хорошо учился въ гимназій и въ университетѣ. Убѣжденный въ томъ, что лишь одна наука способна доставить людямъ истинное счастье, и страстно любя ее, юноша съ большимъ рвеніемъ и настойчивостью пошелъ по научной дорогѣ.

Онъ былъ крайне нервень, и это, съ одной стороны, помогало ему въ работѣ, но съ другой — служило источникомъ множества бѣдствій. Онъ стремился поскорѣ достигнуть цѣли, и встрѣчаемыя по дорогѣ препятствія сильно склоняли его къ пессимизму. Такъ, сознавая свои способности, онъ считалъ, что старшіе должны помогать его развитію. Но видя равнодушіе, довольно естественное и особенно распространенное среди людей, уже достигшихъ цѣли, молодой ученый пришелъ къ заключенію, что противъ него интригуютъ и что хотятъ подавить его научныя силы. Отсюда возникъ

цѣлый рядъ столкновѣній и бѣдъ. Невозможность выйти изъ этого положенія такъ скоро, какъ это было бы желательно, вызывала въ немъ очень пессимистическое настроеніе. Онъ говорилъ себѣ, что въ жизни главное — умѣть приспособляться къ внѣшнимъ условіямъ. Тѣ же, которые не способны на это, устраняются путемъ дарвиновскаго закона естественнаго подбора. Выживаютъ не лучшіе, а болѣе ловкіе. Развѣ исторія земного шара не показываетъ намъ, что множество низшихъ животныхъ пережило существа несравненно болѣе развитыя и сложныя по организаціи? Въ то время какъ навсегда исчезло столько ближайшихъ къ человѣку высшихъ млекопитающихъ, низшія животныя, какъ, напримѣръ, зловонныя тараканы, сохранились съ отдаленныхъ временъ и кишатъ вокругъ человѣка, не особенно смущаясь всѣмъ тѣмъ, что онъ дѣлаетъ для ихъ уничтоженія.

Какъ животный міръ, такъ и эволюція человѣка показываютъ, что утонченность нервной системы развиваетъ умственную чувствительность, мѣшающую приспособленію и служащую источникомъ непоправимаго зла.

Малѣйшее оскорбленіе самолюбія, колкость со стороны товарища — все это повергало нашего пессимиста въ самое тягостное настроеніе. Нѣтъ, не стоитъ имѣть друзей, если это служитъ поводомъ къ постояннымъ глубокимъ уязвленіямъ! Лучше забиться въ какой-нибудь уголъ и жить спокойно среди своихъ научныхъ занятій.

Молодой ученый обожалъ музыку и часто посѣщалъ оперу. Между прочимъ ему запала въ душу арія изъ «Волшебной флейты»: «будь я малъ, какъ улитка, забился бъ я въ свою скорлупку!».

Къ усиленной нравственной чувствительности присоединялась не менѣе повышенная и физическая. Всякіе шумы, какъ свистъ паровика, выкрикиванія уличныхъ продавцовъ, лай собакъ и т. д., вызывали въ нашемъ ученомъ крайне болѣзненные ощущенія.

Малѣйшій просвѣтъ среди ночи мѣшалъ ему спать. Непріятный вкусъ большинства лѣкарствъ дѣлалъ примѣненіе ихъ для него невозможнымъ.

«О! тысячу разъ правы философы-пессимисты, — говорилъ онъ себѣ, — утверждая, что непріятныя ощущенія несравненно сильнѣе пріятныхъ!» Ему не зачѣмъ было дѣлать опытовъ съ «густіями» или «олфактіями» (вкусовыми или обонятельными единицами) для того, чтобы въ этомъ убѣдиться.

Онъ былъ увѣренъ, что родъ человѣческій не въ состояніи приспособиться къ внѣшнимъ условіямъ, благодаря своей физической организаціи, и что его должна будетъ постигнуть та же участь, какъ человѣкообразныхъ обезьянъ и мамонтовъ, исчезнувшихъ

изъ Европы вслѣдствіе неспособности примѣниться къ перемѣнѣ обстановки.

Обстоятельства жизни еще болѣе усилили пессимизмъ моего друга. Женившись на чахоточной и не имѣя состоянія, онъ долженъ былъ стать лицомъ къ лицу съ самыми крупными бѣдствіями въ жизни. Прежде здоровая молодая дѣвушка сильно простуживается въ одномъ изъ сѣверныхъ городовъ. «О, это неважно,—говорятъ доктора;—гриппъ теперь вездѣ свирѣпствуетъ и никому его не избѣжать. Немного терпѣнія и спокойствія, и все пройдетъ!» Но «гриппъ» не проходилъ, а привелъ къ общему ослабленію и видимому исхуданію. На этотъ разъ врачи нашли небольшое притупленіе въ верхушкѣ лѣваго легкаго. «Несомѣнно, есть кое-что, но, въ виду отсутствія наслѣдственнаго предрасположенія, нѣтъ причины къ серьезнымъ опасеніямъ».

Не стану описывать продолженія общеизвѣстнаго хода этой исторіи. Незначительный гриппъ превратился въ «катаръ лѣвой верхушки» и черезъ 4 года привелъ къ смерти послѣ неописуемыхъ страданій. Подъ конецъ, когда весь организмъ былъ уже расшатанъ, больную облегчалъ одинъ морфій. Подъ его вліяніемъ она проводила относительно-спокойные часы безъ болѣзненныхъ ощущеній. Возбужденное воображеніе ея вызывало всякія представленія, почти галлюцинаціи.

Неудивительно, что эта болѣзнь и смерть страшно сразили моего друга. Пессимизмъ его былъ уже прочно установленъ. Вдовецъ въ 28 лѣтъ, истощенный физически и нравственно, онъ по примѣру своей жены искалъ успокоенія въ морфіи. «Но морфій—ядъ и въ концѣ-концовъ разстроитъ организмъ и погубитъ трудовую жизнь», говорилъ онъ себѣ. «Но къ чему жить? Нашъ организмъ такъ плохо устроенъ, что приспособленіе къ внѣшнимъ условіямъ невозможно, по крайней мѣрѣ, для людей со слишкомъ чувствительной нервной системой! Не лучше ли способствовать естественному подбору и уступить мѣсто другимъ?» И дѣйствительно, слишкомъ большой пріемъ морфія почти разрѣшилъ задачу. Онъ вызвалъ необычайно блаженное состояніе одновременно съ почти окончательнымъ упадкомъ физическихъ силъ...

Мало-по-малу жизненный инстинктъ сталъ, однако, пробуждаться, и мой пріятель вновь принялся за работу. Но пессимизмъ продолжалъ составлять основу его характера. «Нѣтъ, не стоитъ дорожить жизнью и преступно создавать новыя существа!»¹⁾

¹⁾ Мой критикъ, Е. К. Толстой, очень дурного мнѣнія о моемъ другѣ. Онъ считаетъ его трусомъ и сравниваетъ его съ „зайцемъ, которому со всѣхъ сторонъ грозятъ опасности“, и думаетъ, что онъ „мирится съ жизнью потому, что она стала

Нравственная и физическая чувствительность не уменьшались и приводили къ множеству страданій. «Несправедливость» и «непониманіе» людей отравляли жизнь моего друга, а черезъ это отражались и на его близкихъ. Однако преданный уходъ и усиленная забота сдѣлали его существованіе болѣе сносивымъ, хотя нимало не уменьшили его пессимистическаго образа мыслей. Ему ничего не стоило прибѣгать къ морфію изъ-за какой-нибудь «несправедливости» или раздраженія. Наконецъ, новый припадокъ отравленія положить предѣлъ злоупотребленію ядомъ.

Прошли годы. Въ спорахъ съ близкими о цѣли жизни пріятель мой продолжалъ съ увлеченіемъ отстаивать пессимистическія теоріи. Однако изрѣдка въ него стало прокрадываться сомнѣніе въ искренности его доводовъ. Такое недовѣріе къ себѣ удивляло его, такъ какъ онъ былъ вообще правдивымъ и искреннимъ по природѣ.

Разбираясь въ своемъ душевномъ состояніи, онъ подмѣтилъ въ себѣ нѣчто новое.

За эти длинные годы измѣнились въ немъ не идеи, а скорѣе чувства и ощущенія. Въ интенсивности послѣднихъ произошла большая перемѣна съ тѣхъ поръ, какъ онъ достигъ зрѣлаго возраста, между 45 и 50 годами. Непріятные звуки уже не такъ сильно дѣйствовали на него, какъ прежде, и онъ могъ спокойнѣе слышать мяуканье кошки или уличные крики продавцовъ. Вмѣстѣ съ ослабленіемъ чувствительности и характеръ сталъ спокойнѣе. Тѣ несправедливости и уколы самолюбія, которые прежде неминуемо приводили къ уколамъ морфія, теперь уже не вызывали никакихъ внѣшнихъ признаковъ огорченія. Ему легко удавалось скрывать послѣднее, да и ощущалъ онъ его безъ прежней остроты. Вслѣдствіе этого и характеръ его сталъ гораздо лучше для окружающихъ и несравненно болѣе уравновѣшеннымъ. «Это—наступленіе старости,—сказалъ себѣ мой другъ. — Я съ меньшей силой воспринимаю непріятныя ощущенія, но зато и къ пріятнымъ отношусь равнодушнѣе. Однако относительная пропорція ихъ должна быть та же, т.-е. зло все-таки вызываетъ гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ добро».

давать ему личныя наслажденія, хотя и очень скромныя" (I. с., стр. 168). По обыкновенію мой критикъ поспѣшно судить о томъ, чего не знаетъ достаточно. Мой другъ, котораго *К. Е. Толстой* представляетъ себѣ въ видѣ трусливаго зайца, неоднократно прививалъ себѣ болѣзнетворныхъ микробовъ и во время своихъ работъ черезчуръ часто подвергался опасности заразиться самыми страшными бактеріями, не исключая чумныхъ. Что же касается „личныхъ наслажденій“ моего друга, то среди нихъ первое мѣсто занимало изслѣдованіе научныхъ задачъ, въ которыхъ онъ видѣлъ самую дѣйствительную пользу для людей.

Благодаря анализу и взвѣшиванію своихъ впечатлѣній, пріятель мой открылъ въ себѣ еще нѣчто новое.—такъ сказать, цѣну нейтральныхъ ощущеній. Онъ менѣе страдалъ отъ дисгармоничныхъ звуковъ и менѣе наслаждался музыкальными, но тишина доставляла ему громадное удовольствіе.

Просыпаясь среди ночи, онъ ощущалъ родъ блаженства, напоминавшего ему то, которое въ былое время доставлялъ ему морфій: оно заключалось въ отсутствіи всякихъ звуковъ, какъ пріятныхъ, такъ и непріятныхъ.

Пріятель мой становился выносливѣе къ невкуснымъ лѣкарствамъ, но въ то же время равнодушнѣе къ изысканной їдѣ, которую цѣнилъ въ молодости.

Теперь всего больше удовольствія доставляли ему самыя простыя кушанья.

Стаканъ воды и кусокъ чернаго хлѣба сдѣлались для него настоящимъ лакомствомъ. Онъ полюбилъ прѣсныя блюда, которыхъ прежде избѣгалъ.

Въ психическомъ развитіи моего стараго друга произошла перемѣна, аналогичная той, которая наступила одно время въ эволюціи искусства и литературы, когда яркія краски уступили мѣсто полинялымъ, какъ у *Пювиз-де-Шаванна*, когда изображеніе полей и луговъ замѣнили горы и озера, а трагическія и романтическія сцены уступили мѣсто картинамъ обыденной жизни. вмѣсто того, чтобы искать наслажденія въ горахъ и вообще въ «живописныхъ» мѣстностяхъ, онъ сталъ удовлетворяться видомъ распускающихся листьевъ въ своемъ саду и наблюденіемъ того, какъ улитка, поборовъ свою робость, выпускаетъ щупальцы изъ раковины. Самыя простыя явленія, какъ лепетъ или улыбка грудного ребенка, первыя слова и разсужденія дѣтей, стали для него источникомъ настоящаго счастья.

Какъ объяснить эти перемѣны, потребовавшія столько лѣтъ для своего осуществленія? Развитіемъ чувства жизни, думаю я. Въ молодости инстинктъ этотъ слабо выраженъ.

Подобно тому, какъ вначалѣ половыя сношенія доставляютъ молодой женщинѣ скорѣе страданія, чѣмъ наслажденіе, подобно тому, какъ ребенокъ плачетъ при рожденіи, точно такъ же и въ жизненныхъ впечатлѣніяхъ въ продолженіе долгаго періода страданія воспринимаются сильнѣе наслажденій, особенно при усиленной чувствительности. Но чувства и ощущенія могутъ измѣняться: они слѣдуютъ опредѣленному развитію, которое и приводитъ, при нормальныхъ условіяхъ, къ психическому равновѣсію. Поэтому даже такой упорный пессимистъ, какъ мой пріятель, кончилъ тѣмъ, что

присоединился къ моему оптимистическому міровоззрѣнію. Споры, которые мы вели такъ давно по этому поводу, привели насъ къ полнѣйшему соглашенію. «Но для того, чтобы понять смыслъ жизни,—говорилъ онъ,—надо долго прожить; безъ этого находишься въ положеніи слѣпорожденнаго, которому воспѣвають красоту красокъ!» Однимъ словомъ, на склонѣ лѣтъ мой пріятель изъ бывшаго пессимиста обратился въ убѣжденнѣйшаго оптимиста, хотя это не мѣшало ему сильно страдать, всего болѣе въ виду болѣзни или горя близкихъ ему лицъ.

Никоимъ образомъ не слѣдуетъ думать, что этотъ примѣръ составляетъ исключеніе.

Въ «Этюдахъ о природѣ человѣка» я уже показалъ, что почти всѣ пессимистическія теоріи были задуманы молодыми людьми. Въ примѣръ были приведены *Будда*, *Байронъ*, *Леопарди*, *Шопенгауэръ*, *Гартманнъ* и *Майнлендеръ*. Къ нимъ можно теперь присоединить и *Метерлинка*, пессимиста въ юности, сдѣлавшагося оптимистомъ въ зрѣломъ возрастѣ, а также много другихъ менѣе извѣстныхъ именъ.

Часто спрашивали себя, какъ объяснить, что *Шопенгауэръ*, философія котораго была, несомнѣнно, искренней и проповѣдывала возвращеніе въ Нирванѣ, въ концѣ-концовъ сталъ такъ дорожить жизнью, вмѣсто того чтобы покончить съ нею, какъ это сдѣлалъ позднѣе *Майнлендеръ*. Это объясняется тѣмъ, что *Шопенгауэръ* достигъ возраста, когда развивается чувство жизни.

Очень извѣстный современный невропатологъ *Мебіусъ* ¹⁾, въ высшей степени тщательно изучившій біографію и сочиненія *Шопенгауэра*, выводитъ изъ нихъ, что въ старости образъ мыслей его принималъ оптимистическій оттѣнокъ. Правда, *Шопенгауэръ* никогда не отрекался отъ своего юношескаго пессимизма; но это, по всей вѣроятности, зависѣло отъ того, что онъ не давалъ себѣ достаточнаго отчета въ настоящемъ значеніи своей психической эволюціи.

Пробѣгая сочиненія современной психологіи, я не нашелъ въ нихъ изложенія цикла и развитія человѣческой души.

Въ столь ученомъ и добросовѣстномъ сочиненіи *Ковалевскаго* о психологіи пессимизма я обратилъ особенное вниманіе на слѣдующее мѣсто: «такія бѣдствія, какъ голодъ, болѣзнь, смерть и т. д., одинаково ужасны во всѣхъ возрасты и во всѣхъ слояхъ общества» (стр. 95). Изъ этихъ словъ я вижу, что авторъ не имѣетъ въ виду переменъ въ эмоціяхъ, происходящей въ теченіе жизни и составляющей одинъ изъ великихъ законовъ человѣческой природы. Боязнь

¹⁾ Ueber Schopenhauer. Leipzig, 1899 г.

смерти ощущается далеко не одинаково въ различныхъ фазы жизни. Ребенокъ не имѣетъ понятія о смерти и не ощущаетъ никакого сознательнаго страха передъ нею. Юноша и молодой человѣкъ понимаютъ ужасъ смерти, но далеко не такъ сильно боятся ея, какъ пожилой человѣкъ, у котораго чувство жизни достигло уже полного развитія (см. выше, стр. 110).

Вотъ почему молодые люди обыкновенно относятся равнодушно или даже враждебно ко всѣмъ мѣрамъ гигиены, въ то время какъ старые охотно подчиняются ея требованіямъ.

Эта разница въ развитіи чувства жизни, несомнѣнно, и составляетъ одну изъ причинъ пессимизма среди молодыхъ людей.

Въ своихъ психіатрическихъ очеркахъ *Меліусъ* ¹⁾ выразилъ мысль, что пессимизмъ есть ступень юношескаго возраста, уступающая позднѣе мѣсто болѣе свѣтлому міровоззрѣнію. «Въ теоріи,—говоритъ онъ,—можно оставаться пессимистомъ, но чтобы быть пессимистомъ по чувству, надо быть молодымъ. Чѣмъ старше мы становимся, тѣмъ больше дорожимъ жизнью»... «Когда пожилой человѣкъ не страдаетъ меланхоліей, то онъ не чувствуетъ себя пессимистомъ». «Мы не въ состояніи удовлетворительно объяснить психологию пессимизма молодыхъ людей; но онъ зависитъ отъ органической причины... и такое душевное состояніе надо разсматривать, какъ болѣзнь молодости» (стр. 182).

Мнѣніе лейпцигскаго невролога вполне подтверждается примѣрами *Шопенгауэра* и того ученаго, психическую эволюцію котораго я описалъ выше.

Эволюція чувства жизни въ развитіи человѣка составляетъ настоящую основу философіи оптимизма. Оно, это чувство, имѣетъ громадное значеніе и потому должно быть по возможности тщательно изучено.

Наши чувства вообще способны значительно совершенствоваться. Чувство красокъ развивается у художниковъ до степени, несвойственной обыкновеннымъ людямъ. Они отличаютъ оттѣнки тамъ, гдѣ нехудожники вовсе не замѣчаютъ ихъ. Точно такъ же можно усовершенствовать слухъ, обонаніе и вкусъ. Такъ, специалисты отличаютъ качество винъ съ искусствомъ, недоступнымъ для простыхъ смертныхъ. Я не пью вина и способенъ отличить бордосскія отъ бургундскихъ винъ только по формѣ ихъ бутылокъ. Наоборотъ, будучи любителемъ чая, я легко отличаю его сорта.

Не знаю, есть ли тонкій вкусъ прирожденное свойство, но онъ, несомнѣнно, поддается усовершенствованію.

¹⁾ *Меліусъ*. Гёте, томъ I. Лейпцигъ, 1903 г.

Органы чувствъ особенно развиты у слѣпыхъ, такъ что это до нѣкоторой степени должно замѣнять имъ зрѣніе.

Для изученія развитія чувства жизни очень большое значеніе имѣетъ вопросъ объ усовершенствованіи органовъ чувствъ, и я всего болѣе рассчитывалъ на данныя относительно слѣпыхъ. Такъ часто говорятъ объ успленномъ развитіи ихъ органовъ осязанія, что, казалось бы, это должно быть несомнѣннымъ фактомъ. А между тѣмъ болѣе точныя справки доказываютъ обратное. При помощи обычныхъ приѣмовъ для опредѣленія осязанія *Грисбахъ* ¹⁾ нашелъ, что острота его у слѣпыхъ нисколько не больше, чѣмъ у нормальныхъ людей.

Для того, чтобы уколъ каждымъ изъ концовъ циркуля былъ ощутимъ въ отдѣльности, приходится раздвигать ножки циркуля, по крайней мѣрѣ, столько же у слѣпыхъ, какъ и у зрячихъ.

Ослѣпшій знаменитый окулистъ *Жаваль* ²⁾ удивляется тому, что острота осязанія значительно слабѣе у слѣпыхъ, чѣмъ у зрячихъ. Напримѣръ, говоритъ онъ, у слѣпого, который много читаетъ пальцами, для ощущенія двойного укола въ указательный палецъ надо раздвинуть ножки циркуля на три миллиметра, въ то время какъ у зрячаго—всего на два (стр. 123).

Грисбахъ идетъ еще дальше и утверждаетъ, что ни слухъ, ни обоняніе не развиты у слѣпыхъ больше, чѣмъ у зрячихъ.

Если чувства эти до нѣкоторой степени замѣняютъ зрѣніе, то это зависитъ просто отъ примѣненія слѣпыми такихъ впечатлѣній, которымъ зрячіе не придаютъ никакого значенія. Видя окружающее, мы уже не станемъ обращать вниманіе ни на различные шумы, ни на запахи и другія внѣшнія проявленія. Слепому же они возмѣщаютъ отсутствіе зрѣнія. Опредѣленный звукъ, напримѣръ, можетъ указывать на то, что открываются сосѣднія ворота и что слѣдуетъ поэтому остерегаться выѣзжающаго экипажа. Запахъ можетъ указать мѣсто нахождения,—конюшню, кухню и т. д.

Но не острота чувствъ интересуетъ насъ главнымъ образомъ: она можетъ быть одинаковой у слѣпого и у зрячаго, даже больше у послѣдняго; между тѣмъ лишь слѣпой безъ труда разбираетъ рельефныя точки и читаетъ по нимъ пальцами такъ же легко, какъ зрячій глазами по печатному. Это свойство развилось у слѣпого только путемъ упражненія и основано на воспріятіи тончайшихъ осязательныхъ ощущеній.

Съ другой стороны, опредѣленіе осязанія циркулемъ указываетъ на одну лишь сторону этого чувства, а не на всѣ вообще.

1) *Kunz*. Zur Blindenphysiologie. Wiener Medicin. Wochenschrift, 1902 г., № 21.

2) *Жаваль*. Физиологія чтенія и письма. Парижъ, 1905 г.

Но, даже отвергая усиленіе четырехъ чувствъ, остающихся у слѣпыхъ, приходится признать, что у нихъ развилось настоящее *новое* чувство. Утверждаютъ, что они обладаютъ шестымъ чувствомъ — «чувствомъ препятствія». Слепые, особенно очень рано потерявшіе зрѣніе, приобретаютъ поразительную способность избѣгать препятствія и издали узнавать окружающіе ихъ предметы. Такъ, слѣпые дѣти бѣгаютъ въ саду, не натываясь на деревья. Д-ръ *Жаваль* ¹⁾ говорить, что нѣкоторые слѣпые могутъ считать окна нижняго этажа, проходя мимо дома. Одинъ учитель, ослѣпшій съ четырехлѣтняго возраста, гуляетъ одинъ въ саду и никогда не натывается ни на дерево, ни на столбъ. Онъ ощущаетъ стѣну на разстояніи двухъ метровъ.

Однажды, вошедши въ первый разъ въ обширную комнату, онъ почувствовалъ посреди нея присутствіе крупнаго предмета, въ которомъ предположилъ бильярдъ.

Другой слѣпой, прохаживаясь по улицамъ, ясно отличалъ лавки отъ частныхъ домовъ и считалъ окна и двери.

Дѣйствительность существованія чувства препятствія основана на точныхъ фактахъ и не подлежитъ сомнѣнію.

Что же касается объясненій механизма этого чувства, то они очень различны.

Докторъ *Целль* ²⁾ думаетъ, что «шестое чувство» существуетъ не у однихъ слѣпыхъ и что «зрячіе могутъ развить его путемъ упражненія, такъ какъ оно безсознательно присуще почти всѣмъ». Между тѣмъ даже нѣкоторымъ слѣпымъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ не удастся развить его въ себѣ. Примѣромъ служить д-ръ *Жаваль*; онъ выучился читать пальцами, но не можетъ отличать предметовъ на разстояніи.

По наиболѣе правдоподобной гипотезѣ, шестое чувство находится въ зависимости отъ барабанной перепонки, слѣдовательно, связано со слухомъ.

Какъ извѣстно, шумы мѣшаютъ различать препятствія, снѣгъ тоже является помѣхой, дѣлая неслышнымъ звукъ шаговъ.

Слепые настройщики, у которыхъ очень развитой слухъ, въ то же время обладаютъ высшей степенью развитія «шестого чувства».

Вышеприведенные примѣры доказываютъ, что природѣ чело-вѣческой свойственны и такія чувства, которыя обнаруживаются только въ исключительныхъ случаяхъ и требуютъ specialнаго упражненія. Въ эту категорію входитъ до извѣстной степени и

¹⁾ Между слѣпыми. Парижъ, 1906 г.

²⁾ Der Blindenfreund. 15 февр. 1906 г.

«чувство жизни». У нѣкоторыхъ людей оно развито очень слабо. Большою частью оно обнаруживается поздно; но иногда появляется и раньше, подъ вліяніемъ болѣзни или другой смертельной опасности. Случается, что у людей, пытавшихся лишить себя жизни, внезапно пробуждается инстинктъ жизни, заставляющій ихъ всячески стремиться спасти себя.

При этихъ условіяхъ понятно, что «чувство жизни» можетъ развиваться какъ у здоровыхъ людей, такъ и у больныхъ хроническими или острыми болѣзнями.

Эти различныя видоизмѣненія можно поставить въ параллель съ развитіемъ полового чувства. У нѣкоторыхъ женщинъ оно вполне отсутствуетъ, у другихъ — развивается лишь поздно. Иногда для пробужденія его нужны особыя условія, какъ, напримѣръ, роды или болѣзненное состояніе и т. д.

Въ виду того, что «чувство жизни» поддается развитію, слѣдуетъ въ этомъ смыслѣ направлять и воспитаніе, точно такъ же, какъ мы стремимся у слѣпыхъ усовершенствовать чувства, замѣняющія зрѣніе.

Поэтому молодымъ людямъ, склоннымъ къ пессимизму, надо всегда внушать, что ихъ душевное состояніе только временное и что оно, по законамъ человеческой природы, должно будетъ уступить мѣсто болѣе свѣтлому міросозерцанію.

Гёте и Фаустъ.

I.

Молодость *Гёте*. — Пессимизмъ его юности. — Вертеръ. — Наклонность къ самоубійству. — Работа и любовь. — Мировоззрѣніе *Гёте* въ зрѣломъ возрастѣ.

Знакомство съ біографіями великихъ людей очень поучительно для изученія человѣческой природы. Мой выборъ остановился на *Гёте* по слѣдующимъ причинамъ.

Его геній отличался большою многосторонностію. Онъ былъ не только первостепеннымъ поэтомъ и драматургомъ, но и вообще обладалъ разнообразнѣйшими знаніями и способствовалъ успѣхамъ естественныхъ наукъ. Въ качествѣ министра и директора театра онъ принималъ участіе въ практической жизни. Доживъ до 83 лѣтъ при сравнительно нормальныхъ условіяхъ, онъ пережилъ нѣсколько стадій жизни. Въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ онъ оставилъ множество цѣнныхъ данныхъ, бросающихъ яркій свѣтъ на его характеръ и образъ жизни.

Сверхъ того, благодаря почитанію, возбужденному имъ въ своихъ соотечественникахъ, о немъ накопилось больше біографическихъ данныхъ, чѣмъ о комъ-либо другомъ.

Стремясь къ «наивысшему существованію», онъ интересовался самыми возвышенными задачами человѣческой жизни и непрерывно старался рѣшить ихъ.

Поэтому весьма естественно, что, въ виду своихъ изслѣдованій, я неизбѣжно долженъ былъ остановить выборъ свой на *Гёте*.

Не стану излагать его біографіи, такъ какъ въ общихъ чертахъ она всѣмъ извѣстна.

Онъ былъ воспитанъ при условіяхъ во всѣхъ отношеніяхъ очень благопріятныхъ и съ дѣтства обнаружилъ замѣчательныя способности. Онъ былъ одаренъ отличной памятью и необыкновеннымъ воображеніемъ; поэтому онъ почти шутя выучился древнимъ и новымъ языкамъ, такъ же какъ и другимъ классическимъ предметамъ.

Благодаря отличной отцовской библиотекѣ, онъ пользовался всевозможными книгами, почему очень рано и предался литературѣ съ тѣмъ энтузіазмомъ и страстью, которые были преобладающими чертами его характера. Еще не имѣя 15 лѣтъ отъ роду, онъ началъ писать стихи, хотя еще и не чувствовалъ въ себѣ призванія быть поэтомъ. Онъ скорѣе намѣревался быть ученымъ и хотѣлъ избрать профессорскую карьеру.

Имѣя въ виду серьезныя научныя занятія, онъ уже въ 16 лѣтъ поступилъ въ лейпцигскій университетъ.

Юридическія и философскія науки недостаточно удовлетворяли его; онъ интересовался медициной и естествовѣдѣніемъ, хотя въ то время занимался ими поверхностно. Будучи очень живымъ и подвижнымъ, онъ завязывалъ многочисленныя знакомства, часто посѣщалъ театры и вообще страстно предавался разнаго рода развлеченіямъ. Слѣдующія выписки изъ его писемъ того времени даютъ яркое представленіе о его образѣ жизни. 18-лѣтнимъ студентомъ онъ пишетъ одному пріятелю: «Покойной ночи; я пьянъ, какъ скотина». Черезъ мѣсяцъ онъ пишетъ тому же другу: «Наслаждаюсь въ объятіяхъ Жетти».

Получивъ кандидатскую степень на юридическомъ факультетѣ въ Страсбургѣ, онъ становится адвокатомъ; эта карьера не нравится ему; поощренный крупнымъ успѣхомъ своихъ первыхъ литературныхъ произведеній, онъ дѣлается писателемъ.

Въ качествѣ литератора юноша ищетъ разнообразныхъ впечатлѣній. Онъ занимается литературой и наукой, даже чернокнижіемъ, посѣщаетъ театры и общество.

Особое удовольствіе доставляла ему область воображенія, и онъ въ этотъ періодъ мало останавливался на научныхъ задачахъ, къ которымъ относился поверхностно. «Мнѣ всегда необходимо движеніе», пишетъ онъ въ своихъ замѣткахъ.

Вслѣдствіе своего страстного характера молодой *Гете* былъ очень вспыльчивъ и часто выходилъ изъ себя. Современники рассказываютъ, что, разсердившись, онъ уничтожалъ картины и рвалъ книги на своемъ письменномъ столѣ.

Онъ рано сталъ пессимистомъ. Это душевное состояніе всего лучше отразилось въ «Страданіяхъ молодого Вертера», — романѣ, прославившемъ *Гете*. Въ немъ высказываетъ онъ свое міросозерцаніе.

Слѣдующія цитаты даютъ понятіе о внутреннемъ душевномъ состояніи молодого пессимиста ¹⁾.

1) Сочиненія *Гете*. „Страданія молодого Вертера“.

«Судьба некоторых людей — остаться непонятыми». «Жизнь — лишь сонъ. Это было высказано и раньше; но мысль эта вѣчно преслѣдуетъ меня. Наблюдая узкіе предѣлы человѣческихъ способностей, его дѣятельности и разсудка; видя, что мы тратимъ всѣ свои силы на удовлетвореніе нуждъ, единственная цѣль которыхъ — продлить наше жалкое существованіе; что успокоеніе наше относительно многихъ вопросовъ не что иное, какъ смиреніе, основанное на неудачахъ, подобно смиренію узниковъ, которые покрываютъ стѣны своей темницы разнообразными рисунками и надписями, — все это, другъ мой, лишаетъ меня словъ». «Пусть дѣти не отдають себѣ отчета въ своихъ желаніяхъ; на этомъ сходятся всѣ ученые педагоги. Но никто не повѣритъ тому, что и взрослые волнуются въ этомъ мірѣ, какъ дѣти; какъ они, взрослые не знаютъ, откуда пришли и куда идутъ; такъ же мало, какъ дѣти, взрослые направляются къ определенной цѣли и такъ же легко могутъ быть управляемы помощью бисквитовъ, пирожныхъ и розогъ, — никто этому не повѣритъ, а между тѣмъ истина эта, по-моему, такъ легко понятна! Знаю, ты отвѣтишь мнѣ на это, что самые счастливые люди — тѣ, которые живутъ изо дня въ день какъ дѣти, которые прогуливаютъ, одѣваютъ и раздѣваютъ своихъ куколъ, почтительно бродятъ вокругъ ящика, гдѣ мать спрятала пряникъ, и когда добились, чего желали, и набили себѣ ротъ, просятъ еще! Счастливыя существа!»

Вертеръ высказывалъ эти пессимистическія мысли задолго до своего романа съ Шарлоттою, и послѣдній принялъ столь грустный оборотъ именно вслѣдствіе такого міровоззрѣнія.

Это сочиненіе *Гёте* обязано своимъ успѣхомъ не трагической смерти молодого влюбленнаго, а именно общимъ идеямъ, вполне соответствовавшимъ взглядамъ на жизнь выдающихся людей того времени. Какъ извѣстно, байронизмъ возникъ раньше *Байрона*.

Вертеръ служитъ хорошей иллюстраціей дисгармоніи въ развитіи психическихъ свойствъ челоуѣка. Желанія и стремленія очень сильно развиваются гораздо ранѣ воли.

Подобно тому, какъ въ половой дѣятельности различныя отправления развиваются неодновременно и дисгармонично (какъ было показано въ «Этюдахъ о природѣ челоуѣка»), точно такъ же замѣчается неравномѣрность и дисгармонія и въ развитіи высшихъ психическихъ функцій.

Половая чувствительность и неясное влеченіе къ противоположному полу обнаруживаются такъ рано, когда еще не можетъ быть и рѣчи о сколько-нибудь нормальной половой дѣятельности. Отсюда рядъ бѣдъ, ощутимыхъ въ продолженіе долгаго періода

молодости. Раннее развитіе чувствительности вызываетъ родъ общей гиперестезіи, которая въ свою очередь служитъ источникомъ страданій.

Ребенокъ стремится взять все, что видитъ передъ собою; онъ тянется къ лунѣ и чувствуетъ себя несчастнымъ отъ безсилія удовлетворить свое желаніе. Не менѣе сильна эта дисгармонія у молодыхъ людей. Они формулируютъ свои требованія отъ жизни рано, когда еще неспособны судить о реальномъ соотношеніи явленій; они не понимаютъ, что силы ихъ далеко не достаточны для осуществленія ихъ стремленій, такъ какъ воля есть одна изъ наиболѣе поздно развивающихся способностей человѣка.

Вертеръ влюбляется въ симпатичную дѣвушку и отдается своей страсти, не соображаясь съ тѣмъ, что Шарлотта уже помолвлена съ другимъ. Отсюда вытекаетъ весь его трагическій романъ, кончающійся самоубійствомъ молодого героя, подточеннаго пессимизмомъ. Не имѣя силы воли побороть свои чувства, онъ впадаетъ въ апатію, ощущаетъ утомленіе отъ жизни и не находитъ ничего лучшаго, какъ застрѣлиться.

Не стану дольше останавливаться на этой послѣдней фазѣ исторіи Вертера: насъ прежде всего интересуется личность самого *Гёте*. Онъ же побѣдилъ свою страсть къ Лоттѣ и послѣ многихъ любовныхъ огорченій утѣшился, влюбившись въ другую женщину. Несомнѣнно, однако, что, несмотря на эту разницу, *Гёте* въ «Вертерѣ» описываетъ часть своей собственной молодости.

Это подтверждается самимъ *Гёте*. Въ письмѣ къ *Кестнеру* онъ говоритъ, что работаетъ «надъ художественнымъ воспроизведеніемъ своего собственнаго положенія». Письмо это было написано въ іюль 1773 года, когда двадцатичетырехлѣтній *Гёте* описывалъ страданія молодого Вертера.

Карлейль ¹⁾ очень хорошо охарактеризовалъ общее значеніе этого произведенія. «Вертеръ, — говоритъ онъ, — не что иное, какъ выраженіе глубокаго глухого страданія, которое ощущали всѣ мыслящіе люди поколѣнія *Гёте*. Вертеръ — общее страданіе, выраженіе общей душевной болѣзни. Вотъ почему такъ единодушно отозвались на него всѣ голоса и сердца Европы». Вертеръ «былъ первымъ звукомъ той ужасной жалобы, которая съ тѣхъ поръ пронеслась по всѣмъ странамъ и такъ заполнила слухъ людей, что они стали глухи ко всему остальному».

Въ пессимистическій періодъ своей жизни *Гёте* часто думалъ о самоубійствѣ. Онъ рассказываетъ въ своей автобіографіи, что въ тѣ времена онъ клалъ на ночной столикъ отточенный кинжалъ и

¹⁾ *Miscellanées*, vol. I, p. 272.

нѣсколько разъ пытался вонзить его себѣ въ грудь. Вспоминая это, онъ писалъ своему другу *Целтеру*: «Я знаю, какой рѣшительности и усилія мнѣ стоило тогда избѣгнуть натиска смерти!» ¹⁾. Самоубійство молодого знакомаго *Гёте*, *Иерусалема*, глубоко поразило его и послужило ему матеріаломъ для развязки «Вертера».

Несмотря на то, что *Гёте* удалось побѣдить свою страсть къ Шарлоттѣ, тѣмъ не менѣе еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сохранялъ онъ оттънокъ пессимизма. Такъ, въ 1778 году онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: «я не созданъ для этого міра» ²⁾. Эти слова очень многозначительны для эпохи, когда еще не имѣли точнаго понятія о приспособленіи организмовъ и характера къ внѣшнимъ условіямъ. Вслѣдствіе своей усиленной чувствительности *Гёте* не чувствовалъ себя достаточно приспособленнымъ къ окружающему міру.

Въ высшей степени интересно прослѣдить дальнѣйшее развитіе *Гёте* и превращеніе его изъ юнаго пессимиста въ рѣзко выраженаго оптимиста.

Поэтическое творчество, трудъ и любовь служили ему лѣкарствомъ противъ приступовъ мрачнаго настроенія.

Онъ признается, что одно изложеніе своихъ страданій на бумагѣ уже облегчало ихъ.

Слезы облегчаютъ горести женщинъ и дѣтей; поэзія, описывающая страданіе, утѣшаетъ поэта.

Еще до окончанія своего романа съ Шарлоттой *Гёте* уже готовъ былъ полюбить сестру ея Елену. Въ декабрѣ 1772 года онъ пишетъ *Кестнеру*: «Я готовился спросить васъ, пріѣхала ли Елена, когда получилъ письмо, извѣщающее меня о ея возвращеніи». «Судя по ея портрету, она очень мила, даже лучше Шарлотты... А я свободенъ и жажду любви». «Я вновь во Франкфуртѣ съ новыми планами и новыми мечтами; ничего бы этого не было, если бы у меня былъ предметъ любви».

Вскорѣ послѣ этого онъ вновь пишетъ *Кестнеру*: «Скажите Шарлоттѣ, что я встрѣтилъ здѣсь дѣвушку, которую любилъ отъ всего сердца; если бы мнѣ хотѣлось жениться, то я предпочелъ бы ее всѣмъ остальнымъ».

Не отдавая себѣ еще полнаго отчета въ своемъ призваніи, *Гёте* становится министромъ при Веймарскомъ дворѣ. Съ рвеніемъ предается онъ своей новой дѣятельности и работаетъ далеко болѣе обыкновеннаго государственнаго человѣка. Стремленіе глубже постигнуть задачи своего вѣдомства — устройство путей сообщенія и эксплоа-

¹⁾ Briefwechsels zwischen Goethe u. Zelter. Письмо отъ 3 декабря 1812 г.

²⁾ Цитата *Мёбуса*, Goethe, т. II, стр. 80.

таких копеек—приводить его к изучению минералогии и геологии, и он отлично их усваивает. Управление лесоводством и земледелием приводит его к серьезному изучению ботаники, а завѣдывание рисовальной школой вызывает в нем желание познакомиться с анатомией.

Эти разнообразные занятия развивают в нем настоящий вкус к науке. Он предается ей уже не поверхностно, как в лейпцигском и страсбургском университетах, а так серьезно, что дѣлает важные открытія, ставшія классическими.

Но все эти занятия не поглощают его громаднаго гения. В свободныя минуты он пишет стихи и прозу. Погруженный во все эти занятия, он чувствует себя счастливымъ.

Открытие межчелюстной кости у человека «доставляет ему радость, вызывающую внутреннюю дрожь». Эта лихорадочная дѣятельность поддерживается любовью к г-жѣ фонз-Штейнз. Он называет ее «пробковым поясомъ, удерживающим его на поверхности воды». Душа его расцвѣтает отъ нѣсколькихъ часовъ вечерней бесѣды с нею.

Великая роль любви в жизни Гёте особенно чувствительна в этот период его жизни, период перехода отъ пессимистической молодости к оптимистическому зрѣлому возрасту.

Необходимость разстаться с фонз-Штейнз вызывает в нем горе худшихъ дней его жизни. Тридцати семи лѣтъ он вторично впадает в состояніе, подобное тому, в какомъ находился во времена «Вертера». «Я нахожу,—говорит онъ в 1786 г.,—что авторъ (Вертера) напрасно не застрѣлился, окончивъ свое произведение». Через нѣкоторое время онъ утверждаетъ, что «предпочитаетъ смерть своей настоящей жизни» ¹⁾.

Эти возвраты пессимизма были, однако, непродолжительны и гораздо слабѣе прежнихъ.

Большую часть онъ ощущалъ радость жизни, и «чувство жизни» проявлялось у него между прочимъ в страхѣ смерти.

Едва перейдя за тридцать лѣтъ, онъ уже принимает мѣры на случай смерти. Онъ пишет Лафатеру: «Мнѣ некогда терять времени; я уже не молодъ, и судьба, быть можетъ, скоро пресѣчетъ мою жизнь». Всюду сквозитъ его желаніе жить и печаль отъ приближенія смерти.

Въ этотъ периодъ, нѣсколько дней послѣ наступленія своей тридцати первой годовщины, будучи на вершинѣ Гикельчана, написал онъ на стѣнѣ охотничьяго домика знаменитое—одно изъ

¹⁾ Бельшовскій. Goethe. 4 изд. 1904 г., стр. 368.

лучших—свое стихотвореніе, заканчивающееся словами: «подожди немного—отдохнешь и ты».

Наступившій у него въ тридцать семь лѣтъ кризисъ подъ вліяніемъ разрыва съ г-жой *фонз-Штейнз*, а можетъ быть и въ связи съ мозговымъ переутомленіемъ, разрѣшается внезапнымъ отъѣздомъ изъ Веймара и долгимъ путешествіемъ по Италіи. Здѣсь онъ вновь оживаетъ; все его интересуеъ: археологія, искусство, природа. Онъ вновь становится жизнерадостнымъ и въ объятіяхъ хорошенькой голубоглазой миланской дѣвушки *Мадалины Риджи* утѣшается въ потерянной любви ученой дамы.

Эта дѣвушка, какъ и Шарлотта, была помолвлена съ другимъ. Но это не вызывало болѣе прежнихъ страданій. Даже послѣ разрыва дѣвушки съ женихомъ *Гёте* не рѣшается жениться на ней и окончательно покидаетъ ее. Онъ вступаетъ въ связь съ другой итальянкой, Фаустиной, съ которой сошелся во время послѣдняго пребыванія въ Римѣ. Любовь эта—гораздо менѣе идеальная и сложная, чѣмъ та, которую онъ питалъ къ госпожѣ *фонз-Штейнз*. Онъ описалъ ее въ «Римскихъ элегіяхъ», ярко освѣщающихъ темпераментъ великаго поэта.

Всего характернѣ слѣдующіе отрывки:

Радостно здѣсь вдохновленъ я; на этой классической почвѣ
Нынѣшній вѣкъ и минувшій понятіе мнѣ говорятъ.
Здѣсь я у древнихъ учусь и, что день, съ наслажденіемъ новымъ
Тщательно, листъ за листомъ, разбираю творенія ихъ.
Но по ночамъ богъ любви занимаетъ пришельца иначе:
Пусть вполонину я буду ученъ, зато счастливъ вдвойнѣ!
И не учусь ли я также, когда, по изящному стану
Тихо спускаясь рукою, изслѣдую чудныя формы
Груды возлюбленной? Только тогда постигаю какъ должно
Мраморъ, сличаю и мыслю, гляжу осязающимъ глазомъ,
Зрящей рукою осязаю...

Часто стихи я слагаю, оставаясь въ объятіяхъ ея,
Звучныя мѣры гекзаметра пальцами тихо считая
На обнаженномъ плечѣ. Горячо она дышитъ въ дремоть,
И глубоко проникаетъ мнѣ сладость дыханія въ грудь.

Во время своего пребыванія въ Италіи *Гёте* достигаетъ окончательной зрѣлости. Вотъ что говорить объ этомъ столь важномъ періодѣ его жизни его біографъ *Бельшовскій*: «Путешествіе въ Италію сдѣлало его новымъ человѣкомъ. Болѣзненные черты и нервность исчезли. Меланхолія, подъ вліяніемъ которой онъ часто думалъ о преждевременной смерти и предпочиталъ ее своей предшествовавшей жизни, уступила мѣсто ненарушимому спокойствію и жизнерадостности. Прежняя сосредоточенность и мрачность, наводив-

шія его на серьезныя размышленія, даже среди шумнаго свѣта, уступили мѣсто дѣтской веселости» (т. I, стр. 42). «Съ этого времени онъ совершаетъ полный таинственности для большинства людей жизненный путь съ завиднымъ спокойствіемъ».

Гёте становится тѣмъ «невозмутимымъ олимпійцемъ, который внушилъ такое почитаніе потомству, въ то время какъ многіе современники не узнавали въ немъ прежняго преданнаго и отзывчиваго человѣка» (id., стр. 417).

Этотъ оптимистическій періодъ наступилъ у *Гёте*, когда ему было около сорока лѣтъ.

II.

Періодъ оптимизма у *Гёте*.—Образъ его жизни въ этомъ періодѣ. — Роль любви въ творествѣ.—Артистическія наклонности относятся къ категоріи вторичныхъ половыхъ признаковъ. — Старческая любовь *Гёте*.—Соотношеніе между гениемъ и половой дѣятельностью.

Не сразу установилось нравственное равновѣсіе великаго писателя. Онъ пережилъ еще нѣсколько кратковременныхъ возвратовъ пессимизма и только затѣмъ сталъ настолько цѣльнымъ и гармоничнымъ человѣкомъ, насколько это было возможно при условіяхъ его существованія. Онъ достигъ спокойно величавой старости и оставался неутомимо дѣятельнымъ до самой смерти, наступившей послѣ 80 лѣтъ.

Какъ было сказано, «чувство жизни» развилось у *Гёте* довольно рано. Ставши оптимистомъ, онъ ощущалъ радость жизни и желать, чтобы послѣдняя протекала такъ же хорошо какъ можно долѣе. Уже въ старости высказываетъ онъ мысль, что «жизнь напоминаетъ книги Сибиллы, и мы все болѣе и болѣе дорожимъ ею по мѣрѣ приближенія къ смерти»¹⁾. Въ немъ произошла перемѣна, составляющая правило при нормальномъ развитіи человѣческой природы. А между тѣмъ условія его существованія были далеко не совершенны. Здоровье его вовсе не было безукоризненно. Въ молодости у него было сильное кровохарканіе, по всей вѣроятности, туберкулезнаго происхожденія; въ теченіе всей жизни онъ часто хворалъ; у него была подагра, почечныя колики, кишечныя болѣзни и т. д.

Онъ не слѣдовалъ правиламъ строгой гігіены. Будучи родомъ изъ мѣстности, гдѣ производятъ много вина, онъ съ юности употреблялъ его въ количествѣ, несомнѣнно, вредномъ для здоровья.

¹⁾ Цитата изъ біографіи *Гёте* *Lewes*, стр. 339, т. II (русс. переводъ).

Онъ самъ обратилъ на это вниманіе, и послѣ 31 года, когда у него уже начало пробуждаться «чувство жизни», вопросъ этотъ сталъ серьезно занимать его. «Я былъ бы очень счастливъ, если бы могъ воздержаться отъ вина», пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ. Черезъ нѣсколько дней онъ пишетъ въ немъ же: «Я болѣе почти не пью вина». Но у него не хватаетъ силы воли для дальнѣйшаго воздержанія; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего рѣшенія у него дѣлается сильное кровотеченіе изъ носа, которое онъ приписываетъ между прочимъ «нѣсколькимъ стаканамъ вина» ¹⁾. Онъ не переставалъ пить вино до конца жизни и даже въ старости злоупотреблялъ имъ.

Волфъ, обѣдавшій съ нимъ въ Веймарѣ, когда *Гёте* было уже 79 лѣтъ, удивляется его аппетиту и количеству выпиваемаго имъ вина. «Онъ между прочимъ съѣлъ огромную порцію гуся и выпилъ при этомъ цѣлую бутылку краснаго вина» ²⁾.

Эккерманнъ тоже часто упоминалъ о винѣ въ своихъ интереснѣйшихъ разсказахъ о послѣднемъ десятилѣтіи великаго писателя.

Гёте пользовался всякимъ предлогомъ, чтобы выпить—то по поводу гостей, то по поводу присылки друзьями хорошаго вина и т. д.

Мёбиусъ утверждаетъ, что онъ выпивалъ отъ одной до двухъ бутылокъ вина въ день.

А между тѣмъ онъ всегда былъ убѣжденъ, что вино вредно для умственнаго труда. Онъ замѣчалъ, что другъ его *Шиллеръ* всегда достигалъ дурныхъ результатовъ, когда пилъ болѣе обыкновеннаго для подкрѣпленія силъ и возбужденія литературной производительности.

«Это разстраивало его здоровье,—говоритъ онъ *Эккерманну* (18 янв. 1827 г.),—и вредило его творчеству».

«Этому приписываю я тѣ недостатки, въ которыхъ укоряютъ его критики».

Въ другомъ разговорѣ (11 марта 1828 г.) *Гёте* утверждаетъ, что произведенія, написанныя подъ вліяніемъ вина, носятъ ненормальный, вымученный характеръ и что поэтому надо избѣгать его.

Главнымъ стимуломъ гениальности *Гёте* была любовь. Всѣмъ извѣстны любовныя исторіи, переполняющія его біографію. Многихъ онъ возмущали, другіе искали имъ оправданія. Указывали на потребность его дѣлиться своими чувствами и искать симпатіи другихъ; утверждали также, что его влеченіе къ женщинамъ было простымъ проявленіемъ чисто-художественнаго чувства, не имѣющаго ничего общаго съ настоящей любовью.

¹⁾ Эта и предыдущая цитаты взяты у *Мёбиуса*. *Goethe*, т. II, стр. 84, 87.

²⁾ *Bode*. *Goethes Lebenskunst*. Berlin, 1906 г., стр. 59.

Въ дѣйствительности художественный геній, да и геній вообще, очень тѣсно связанъ съ половымъ отпавленіемъ. Я считаю вполне справедливымъ высказанное *Мэбиусомъ* ¹⁾ мнѣніе, по которому «художественныя склонности, по всей вѣроятности, не что иное, какъ вторичные половые признаки».

Подобно тому, какъ борода и другія физическія особенности мужчины развились какъ средства прельщенія женскаго пола, такъ точно мускульная сила, звучный голосъ и многія другія способности объясняются требованіями любовныхъ сношеній.

Въ первобытныхъ условіяхъ нерѣдко женщина работаетъ больше мужчины; превосходство силъ послѣдняго служить ему, главнымъ образомъ, для борьбы съ другими мужчинами преимущественно изъ-за обладанія женщиной.

Бойцу пріятно, чтобы любимая женщина видѣла его побѣду; ораторъ краснорѣчивѣе въ присутствіи особенно симпатичной ему женщины; любовь возбуждаетъ пѣвца и поэта, и поэтический геній, несомнѣнно, тѣсно связанъ съ половымъ чувствомъ.

Оскопленіе дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ: подвергнутыя ему животныя хотя и остаются работоспособными, но измѣняются въ характерѣ и теряютъ боевой темпераментъ.

Устраненіе половой функціи точно такъ же значительно умаляетъ геній человѣка. Изъ многочисленныхъ скопцовъ одинъ лишь *Абелардъ* былъ поэтомъ. Но онъ подвергся оскопленію только въ 40 лѣтъ, и послѣ этого несчастія онъ пересталъ сочинять стихи.

Среди скопцовъ часто встрѣчаются пѣвцы. Но они—простые исполнители, и искусство ихъ не имѣетъ ничего общаго съ творчествомъ. Приводятъ примѣры нѣсколькихъ музыкальных композиторовъ среди скопцовъ; однако талантъ ихъ былъ лишь второстепенный, и они давно забыты.

Раннее оскопленіе гораздо больше поздняго имѣетъ вліяніе на геній и вторичные половые признаки.

Становясь на естественно-историческую точку зрѣнія, мы никоимъ образомъ не можемъ согласиться ни съ моралистами, порицающими *Гёте* за то, что онъ часто влюблялся, ни съ его защитниками, то отрицающими факты, то объясняющими ихъ помимо половой любви.

Приведенныя выше выписки изъ «Римскихъ элегій» достаточно указываютъ на характеръ его любви. Часто въ примѣръ идеальной любви *Гёте* приводятъ чувства его къ г-жѣ *фонъ-Штейнъ*. Между тѣмъ нѣкоторыя письма къ ней, въ которыхъ *Гёте* гово-

1) Ueber die Wirkungen d. Castration. Halle, 1903 r., p. 82.

рить ей ты, «несомнѣнно, имѣють эротическій характеръ» (*Мёбиусъ*, т. II, стр. 89).

Гёте излилъ свою любовь къ *Миннъ Герцлибъ* (вдохновившей его на романъ «Сродство душъ») въ такой непристойной эротической поэмѣ, что она не могла даже быть напечатанной (*Люисъ*, т. II, стр. 314).

Я особенно настаиваю на томъ фактѣ, что *Гёте* до конца сохранилъ свой темпераментъ,—и всѣхъ поражаетъ мощь его поэтического генія, даже въ послѣдніе годы жизни.

Часто осмѣивали любовь *Гёте* къ молоденькой *Ульрихъ фонъ-Леветцовой*, въ которую онъ страстно влюбился въ 74 года. А между тѣмъ эта страница его біографіи заслуживаетъ особенно серьезнаго вниманія, какъ типичный примѣръ старческой любви гениальнаго человѣка.

Во время своего пребыванія въ Карлсбадѣ *Гёте* знакомится съ хорошенькой семнадцатилѣтней голубоглазой брюнеткой, пылкой, доброй и веселой. Первые два лѣтнихъ сезона проходятъ безъ всякихъ приключеній. Но на третье лѣто, въ Мариенбадѣ, *Гёте* страстно влюбляется въ девятнадцатилѣтнюю Ульрику, въ полномъ расцвѣтѣ ея женской красоты.

Любовь эта возвращаетъ ему молодость. Онъ проводитъ цѣлые часы съ дѣвушкой и принимается танцевать, какъ юноша. «Охотно признаюсь,—пишетъ онъ своему сыну,—что давно не наслаждался такимъ здоровьемъ души и тѣла» (30 августа 1823 г.). Страсть *Гёте* принимаетъ такой серьезный оборотъ, что другъ его, великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій, проситъ для него руки *Ульрики фонъ-Леветцовой*. Ея мать даетъ сначала уклончивый отвѣтъ, дѣло затягивается, и въ концѣ-концовъ *Гёте* получаетъ отказъ. Въ своей семьѣ онъ также встрѣчаетъ энергичный отпоръ своимъ брачнымъ проектамъ.

Всѣ эти неудачи такъ потрясаютъ стараго поэта, что онъ заболѣваетъ.

У него дѣлаются боли въ сердечной области, и онъ чувствуетъ сильную нравственную подавленность. Онъ жалуется *Эккерманну*, что «ни за что не можетъ взяться, не можетъ приступить ни къ какому дѣлу и что умъ его сталъ безсильнымъ».

«Я не могу болѣе работать,—говорилъ онъ,—не могу читать, и даже думать удастся мнѣ только въ счастливыя минуты облегченія» (*Эккерманнъ*, 16 ноября 1823 года). По поводу такого состоянія великаго старика *Эккерманнъ* добавляетъ слѣдующее: «его болѣзнь, повидимому, носить не одинъ физическій характеръ. Кажется, что главная причина его болѣзни заключается въ страстной

любви, охватившей его въ этомъ году въ Маріенбадѣ, къ молодой женщинѣ, — любви, съ которой онъ борется въ настоящее время» (17 ноября 1823 г.).

Какъ и въ прежнихъ кризисахъ, *Гёте* искалъ утѣшенія въ поэзіи и любви.

Уже въ экипажѣ, покидая Маріенбадъ, онъ приступаетъ къ сочиненію стиховъ, отличающихся необыкновенной для старика мощью и страстью.

И въ самомъ дѣлѣ, его «Маріенбадская элегія» должна быть признана однимъ изъ его лучшихъ поэтическихъ произведеній.

Слѣдующія выписки даютъ понятіе о его тогдашнемъ душевномъ состояніи:

Неудержимая страсть влечетъ меня;
Вѣчныя слезы—вотъ мой удѣлъ!
Теките же, лейтесь безъ конца!
Но не затопить вамъ жгучаго пламени!
Уже кипитъ, уже разбито то сердце,
Въ которомъ идетъ борьба на жизнь и смерть.
Міръ потерянь для меня и самъ потерянь тотъ,
Кто когда-то былъ боговъ любимцемъ.
Они дали мнѣ Пандору, богатую сокровищами,
Соблазнами опасными богату;
Они опьянили меня щедрыми поцѣлуями ея губъ;
Они вырываютъ меня изъ ея объятій и смертью поражаютъ!

Гёте нѣкоторое время скрывалъ эту элегію, какъ святыню, но въ послѣдствіи рѣшился передать ее *Эккерманну*.

Однако поэтическое творчество только временно успокоило его тяжелое горе. Природа его требовала другого, болѣе дѣйствительнаго утѣшенія.

Уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ разрыва онъ горько жалуется на отсутствіе графини *Юліи фонъ-Элофштейнъ*, необходимой ему. «Она совершенно не понимаетъ, что беретъ у меня и чего лишаетъ меня, она не знаетъ, какъ я люблю ее и какъ занята ею душа моя». Нѣкоторое возмѣщеніе находитъ *Гёте* въ посѣщеніяхъ г-жи *Шмановской*, которой онъ восхищается «не только какъ большой артисткой, но и какъ красивой женщиной» (*Эккерманнъ*, 3 ноября 1823 г.). «Я глубоко благодаренъ этой прелестной женщинѣ,—говоритъ онъ,—потому что своей красотой, мягкостью и искусствомъ она успокоила мое ретивое сердце» (*Бодэ*, стр. 151).

Онъ возобновилъ также сношенія съ бывшей актрисой и танцовщицей *Маріанной Юнгъ*. «*Гёте* необходимо было отвлечь свои мысли отъ Ульрики, и вотъ образъ прекрасной обладательницы

Гербермюле вновь охватилъ его. Время, проведенное съ нею, и интимная переписка вернули спокойствіе жаждущему любви сердцу его» (*Бельшовскій*, т. II, 487 стр.).

Любовь къ *Ульрихъ* была его послѣдней острой страстью. Тѣмъ не менѣе до самой смерти *Гёте* чувствовалъ потребность быть окруженнымъ красивыми женщинами. Въ качествѣ директора театра ему приходилось входить въ сношенія со множествомъ молодыхъ женщинъ, стремившихся поступить на сцену. Онъ сознавался *Эккерманну*, что ему нужно было большое напряженіе воли для того, чтобы бороться съ женскою прелестью, которая склоняла его къ несправедливости въ пользу болѣе красивыхъ просительницъ. «Если бы я допустилъ себя до любовной интриги, то уподобился бы компасу, неспособному указывать сѣверъ, потому что находится возлѣ дѣятельнаго магнита» (*Эккерманнъ*, 22 марта 1825 г.).

Сестра невестки *Гёте* рассказываетъ, что онъ очень любилъ, чтобы молодыя дѣвушки присутствовали въ кабинетѣ во время его работы. При этомъ онъ не должны были заниматься ручной работой и должны были сидѣть молча, что часто давалось имъ не легко (*Бодэ*, стр. 155).

Даже въ день смерти *Гёте* воскликнулъ въ бреду: «Посмотрите, какая прелестная женская головка въ черныхъ локонахъ на черномъ фонѣ!» (*Люисъ*, т. II, стр. 372). Послѣ еще нѣсколькихъ болѣе или менѣе безсвязныхъ фразъ онъ испустилъ послѣдній вздохъ.

Продолжительность полового чувства у человѣка достаточно выяснена фактами, изложенными въ отдѣлѣ этой книги, трактующемъ о страсти.

Такъ какъ сѣменные железы лучше большинства другихъ органовъ противодействуютъ атрофіямъ и даже въ очень преклонномъ возрастѣ въ состояніи производить сѣменные тѣла, то вполне естественно, что дѣятельность ихъ отражается на общемъ состояніи организма и возбуждаетъ любовныя ощущенія. Если бы, вслѣдствіе какой-нибудь причины, *Гёте* рано потерялъ эти органы, то весьма вѣроятно, что онъ никогда не сталъ бы тѣмъ, чѣмъ былъ.

Моралисты, возмущенные его любовными похожденіями, были бы очень довольны; но міръ лишился бы одного изъ своихъ величайшихъ геніевъ.

Гёте, впрочемъ, не составляетъ исключенія среди писателей. Всѣмъ извѣстенъ темпераментъ *Виктора Гюго* и его влеченіе къ женщинамъ до самаго преклоннаго возраста.

Вскорѣ послѣ смерти *Ибсена* были сообщены произведшія большую сенсацию свѣдѣнія о его любви къ дѣвицѣ *Вардахъ*, вдохновлявшей его геній въ послѣднемъ періодѣ его жизни.

Не одно только поэтическое творчество, но и другія проявленія генія связаны съ половой дѣятельностью. Связь эта особенно замѣтна на музыкальномъ творествѣ, какъ объ этомъ между прочимъ свидѣтельствуетъ біографія *Рихарда Вагнера* съ рассказомъ о его любви къ мадамъ *Везендонкъ*. И ученые не составляютъ исключенія изъ этого правила: знаменитый математикъ *Вейерштрассъ* на старости лѣтъ влюбленъ въ свою ученицу *Софію Ковалевскую*. Переписка его съ нею ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ.

Геніальный философъ *Шопенгауэръ* въ 25-лѣтнемъ возрастѣ и въ полномъ расцвѣтѣ творчества сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «въ дни и часы, когда всего сильнѣе проявляется сладострастіе... пламенное вожделѣніе... именно въ такое время готовы къ наиболѣе интенсивной дѣятельности величайшія силы мысли, а также и познанія...». «Въ эти мгновенія дѣйствительно обнаруживается самая сильная и дѣятельная жизненность, такъ какъ оба полюса дѣйствуютъ всего энергичнѣе: это видно на особенно выдающихся людяхъ. Въ теченіе этихъ часовъ живешь больше, чѣмъ за годы пассивнаго состоянія» (цитата *Мѣбиуса: Schopenhauer*, стр. 55). Изъ этого видно, что *Шопенгауэръ* «связывалъ умственное творчество съ эротическимъ возбужденіемъ» (id., стр. 57).

Такого рода факты внушили *Брунъ-Секару* мысль усиливать мозговую дѣятельность впрыскиваніемъ вещества, добытаго изъ сѣменныхъ тѣлъ. Съ той же цѣлью онъ совѣтовалъ и другое средство, дѣятельность котораго была подтверждена въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на двухъ субъектахъ 45 и 50 лѣтъ.

«По моему совѣту,—говоритъ онъ ¹⁾,—они вызывали въ себѣ сильное половое возбужденіе всякій разъ, когда имъ предстояла усиленная физическая или умственная работа...». «Сѣменные железы при этомъ временно пріобрѣтали большую функциональную силу, за которой вскорѣ слѣдовало желаемое возбужденіе силы нервныхъ центровъ».

Хотя я и настаиваю на несомнѣнной связи между умственной и половой дѣятельностью, но это вовсе не значитъ, чтобы данное правило было безъ исключеній.

Указавъ нѣкоторые факты, игравшіе важную роль въ проявленіяхъ генія *Гёте*, мы можемъ перейти къ изученію его душевнаго состоянія въ послѣднемъ періодѣ его жизни, величіемъ и гармоніей котораго такъ часто восхищаются.

¹⁾ Comptes rendus de la Soc. de Biologie, 1889 г., стр. 420.

III.

Старость Гёте.—Физическая сила и умственная бодрость старика.—Оптимистическое мировоззрѣніе его.—Жизнерадостность послѣдняго періода жизни.

Любители вина могут воспользоваться примѣромъ *Гёте*, возражая противъ людей, воздерживающихся отъ употребленія спиртныхъ напитковъ. Несмотря на его болѣзненность въ молодости, усиленное употребленіе вина не помѣшало ему достигъ старости, полной силы и поразительной умственной дѣятельности. *Эккерманнъ*, вѣрный и постоянный товарищ *Гёте* въ послѣднія десять лѣтъ его жизни, не перестаетъ удивляться и восхищаться физической и нравственной бодростью знаменитаго старца. При возвращеніи въ Іену, въ 74 года, видъ его «возбуждалъ радость». «Онъ здоровъ и такъ крѣпокъ, что можетъ ходить въ теченіе нѣсколькихъ часовъ подь рядъ» (15 сен. 1824 г.). Глаза его блестятъ, отражая свѣтъ, и «настроеніе его полно радости, силы и молодости» (29 октября). Гуляя съ *Эккерманномъ*, *Гёте* быстро обгонялъ его и обнаруживалъ бодрость, радовавшую его спутника (мартъ 1824 г.). «Голосъ его былъ полонъ выраженія и силы (30 марта 1824 г.), а рѣчь полна жизни» (9 іюля 1827 г.).

Во время одного разговора *Гёте* съ *Эккерманномъ*, когда первому было почти 79 лѣтъ, «звукъ его голоса и блескъ глазъ были такъ сильны, какъ въ лучшія времена молодости» (11 марта 1828 г.). Эти свойства сохранились до конца жизни великаго человѣка, и за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти *Эккерманнъ* отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что «каждый день онъ находитъ его полнымъ силы и свѣжести»; это заставляетъ его думать, что «такое состояніе можетъ продлиться безконечно долго» (21 декабря 1831 г.). Въ началѣ слѣдующей весны у *Гёте* сдѣлалась «катарральная лихорадка» — по всей вѣроятности, острая бронхопневмонія, — отъ чего онъ и умеръ, вѣроятно, вслѣдствіе слабости сердца. Болѣзнь длилась всего недѣлю. Если бы *Гёте* въ теченіе жизни не злоупотреблялъ виномъ, то, быть можетъ, выздоровѣлъ бы и прожилъ еще долго.

Духовная бодрость *Гёте* была еще болѣе замѣчательна и сохранилась еще лучше, чѣмъ его физическія силы. Онъ интересовался массою вещей, и его жажда знанія была неисчерпаема.

Видя, съ какимъ интересомъ онъ былъ погруженъ въ рассказъ *д'Альтона* о подробностяхъ скелета грызуновъ, *Эккерманнъ* удивляется, что человѣкъ, которому уже около 80 лѣтъ, «безустанно ищетъ случая увеличить свою опытность. Ни въ какомъ направленіи не останавливается онъ и не кончаетъ; онъ все хочетъ идти

дальше и дальше, всегда учиться, вѣчно учиться. Этимъ онъ остается вѣчно и неистощаемо юнымъ» (16 апрѣля 1825 г.).

Способность *Гёте* воспринимать, какъ и его память, были поразительны. На 81 году *Гёте* удивлялъ своихъ слушателей «безпрерывнымъ потокомъ мыслей и необыкновеннымъ богатствомъ изобрѣтательности» (7 окт. 1828 г.).

«Старость *Гёте* — лучшее доказательство необыкновенной крѣпости его организма», говоритъ *Мёбиусъ*, изучавшій біографію *Гёте* съ медицинской точки зрѣнія. «Произведенія его самаго преклоннаго возраста большей частью выше всякой похвалы какъ по законченности формы, такъ по своей глубинѣ и чувству. Кто написалъ что-нибудь подобное въ 80 лѣтъ?! Съ фیزیологической точки зрѣнія произведенія его старости вызываютъ почти большее удивленіе, чѣмъ его юношеская дѣятельность» (*Мёбиусъ*, *Goethe*, I, стр. 200, 201).

Хотя страстный и живой характеръ молодого *Гёте* сталъ впоследствии гораздо спокойнѣе, тѣмъ не менѣе онъ минутами бывалъ еще вспыльчивъ и рѣзокъ. У него были нѣкоторыя старческія слабости, и онъ часто обнаруживалъ деспотическія наклонности, по поводу которыхъ существуетъ множество анекдотовъ. Но настроеніе его стало гораздо болѣе ровнымъ въ старости, а міровоззрѣніе гораздо жизнерадостнѣе. Помимо нѣсколькихъ краткихъ періодовъ грусти, онъ ощущалъ радость жизни. Въ 1828 году онъ удаляется въ Дорнбургъ, гдѣ ведетъ спокойный образъ жизни. «Почти весь день провожу я на воздухѣ и веду разговоры съ гибкими вѣтвями виноградника, внушающими мнѣ хорошія мысли; по поводу которыхъ я могъ бы сообщить вамъ удивительныя вещи», говорилъ онъ *Эккерманну* (15 іюня 1828 г.). «Я сочиняю также недурные стихи и желалъ бы еще прожить въ такомъ состояніи». «Я доволенъ, — говоритъ онъ своему сотруднику, — когда теперь, въ началѣ весны, вижу первые зеленые листья; доволенъ, когда наблюдаю, какъ листъ за листомъ еженедѣльно удлинняетъ свой стебель; доволенъ, когда въ маѣ вижу цвѣточную почку; я счастливъ, наконецъ, когда въ іюнѣ во всей своей красѣ распускается душистая роза» (*Эккерманнъ*, 27 апр. 1825 г.).

Жизнерадостность этой эпохи жизни *Гёте* проявляется также въ его перепискѣ. Онъ пишетъ *Целтеру* (29 апр. 1830 г.): «Скажу тебѣ на ухо: я счастливъ, что въ моихъ преклонныхъ лѣтахъ мнѣ приходятъ мысли, преслѣдованіе и выполненіе которыхъ стоило бы повторенія жизни».

Итакъ, міровоззрѣніе *Гёте* значительно измѣнилось съ эпохи Вертера. Самъ онъ говоритъ: «Въ старости смотреть на вещи со-всѣмъ иначе, чѣмъ въ молодости» (*Эккерманнъ*, 6 дек. 1829 г.).

Юношеская чувствительность, от которой онъ такъ страдалъ въ молодости, значительно притупилась. *Эккерманнъ* поражается его выносливостью къ уязвленіямъ самолюбія. Такъ, однажды его планъ постройки Веймарскаго театра былъ отвергнутъ среди работы и замѣненъ другимъ, сдѣланнымъ помимо *Гёте*. *Эккерманнъ* былъ этимъ очень взволнованъ и съ тревогою пошелъ къ нему. «Я боялся, — говоритъ онъ, — что эта неожиданная мѣра глубоко задѣнетъ *Гёте*. Вышло совсѣмъ не то. Я нашелъ его совершенно спокойнымъ и равнымъ, стоящимъ выше всякой личной щепетильности» (1 мая 1825 г.).

Достигнувъ 80 лѣтъ, *Гёте* не ощущалъ никакого пресыщенія жизнью. Во время своей послѣдней болѣзни онъ не обнаруживалъ ни малѣйшаго желанія умереть, а, напротивъ, скорѣе рассчитывалъ на выздоровленіе и надѣялся, что приближеніе хорошей погоды вернуть ему силы. Слѣдовательно, онъ желалъ еще жить. Однако онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что циклъ его существованія законченъ, и если не ощущалъ пресыщенія жизнью, то чувствовалъ уже извѣстнаго рода удовлетвореніе отъ прожитой жизни. «Когда, какъ я, человѣкъ перешелъ за 80 лѣтъ, — говорилъ онъ, — то онъ почти не имѣетъ болѣе права жить; каждый день долженъ онъ быть готовымъ къ смерти и думать о приведеніи своихъ дѣлъ въ порядокъ» (*Эккерманнъ*, 15 мая 1831 г.). Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ работать и редактировать двѣ послѣднія главы второй части *Фауста*. Окончивъ это, онъ почувствовалъ себя въ высшей степени счастливымъ. «Я смотрю на дни, которые предстоитъ еще мнѣ прожить, какъ на настоящій подарокъ, — говорилъ онъ, — и по существу совершенно безразлично, создамъ ли я еще что-нибудь и каковы будутъ эти произведенія» (*Эккерманнъ*, 6 июня 1831 г.).

Гёте заставляетъ своего *Фауста* прожить сто лѣтъ. Быть можетъ, онъ и для себя рассчитывалъ на такой же предѣлъ. Хотя онъ и не достигъ этого возраста, но очень приблизился къ нему послѣ крайне дѣятельной жизни, которая можетъ служить драгоцѣннымъ поученіемъ для потомства.

IV.

Фаустъ есть автобіографія *Гёте*. — Три монолога первой части. — Пессимизмъ *Фауста*. — Мозговое переутомленіе ищетъ лѣкарства въ любви. — Романъ съ *Маргаритой* и его несчастная развязка.

«*Гёте* былъ *Фаустъ* и *Фаустъ* былъ *Гёте*», говоритъ біографъ великаго поэта (*Бельшовскій*, II, 645). По общепринятому мнѣнію, въ *Фаустѣ Гёте* изобразилъ себя самого гораздо подробнѣе и полнѣе, чѣмъ въ *Вертерѣ*.

Если это такъ, то можно задать себѣ вопросъ: къ чему изучать Фауста послѣ основаннаго на точныхъ данныхъ изученія *Гёте*? Я дѣлаю это на томъ основаніи, что въ этомъ великомъ произведеніи рядомъ съ дѣйствіями, соотвѣтствующими жизни *Гёте*, мы находимъ много размышленій, способныхъ освѣтить его общее міровоззрѣніе. Жизнь *Гёте* объясняетъ Фауста точно такъ же, какъ *Фаустъ* помогаетъ понять душу его автора.

Какъ мы видѣли выше, такая выдающаяся личность представляетъ большой интересъ для изученія человѣческой природы.

Обѣ части Фауста соотвѣтствуютъ двумъ крупнымъ отдѣламъ жизни *Гёте*. Въ первой части Фаустъ — пессимистъ, во второй — онъ склоняется къ оптимизму. Хотя въ обѣихъ частяхъ затронуты и разобраны нѣкоторые возвышенные вопросы, занимающіе человечество, тѣмъ не менѣе центръ, вокругъ котораго вращается все остальное, есть любовь.

Первая часть была задумана и почти цѣликомъ выполнена въ молодости. Главная тема — любовь юноши и красивой, обворожительной дѣвушки, по отношенію къ которой поведеніе героя не соотвѣтствуетъ его нравственнымъ понятіямъ. Какъ и во всѣхъ произведеніяхъ *Гёте*, главная тема первой части *Фауста* заимствована изъ эпизода въ жизни самого *Гёте*, когда ему было 22 года. Это — извѣстная исторія дочери пастора, Фредерики, внушившей любовь блестящему юношѣ, которому она отвѣчала болѣе сильной и глубокой привязанностью. *Гёте* испугала мысль навсегда связать свою жизнь, и онъ покидаетъ бѣдную, любящую дѣвушку при крайне тяжелыхъ для нея обстоятельствахъ. Впослѣдствіи онъ сознался г-жѣ фонъ-Штейнъ, что покинулъ Фредерику въ такую минуту, когда разлука эта едва не стоила жизни бѣдной дѣвушкѣ. «Я глубоко оскорбилъ наилучшее сердце, — говоритъ онъ; — это вызвало во мнѣ періодъ тяжелаго, нестерпимаго раскаянія» (*Бельшовскій*, I, 135). Чтобы до нѣкоторой степени загладить свою вину, онъ сдѣлалъ изъ Фредерики героиню *Гётца* и *Клавии*; но, находя это недостаточно достойнымъ ея, онъ увѣковѣчилъ ее въ Маргаритѣ *Фауста*.

Ученый докторъ, изучивъ всѣ человѣческія знанія, не получаетъ никакого удовлетворенія отъ нихъ и находитъ утѣшеніе въ красотѣ и прелести молодой дѣвушки, въ которую страстно влюбляется.

Было бы крайне интересно опредѣлить внутренній психологическій механизмъ этого перехода отъ лабораторныхъ научныхъ занятій къ жизненной обстановкѣ, гдѣ находится Маргарита.

Хотя Фаустъ вначалѣ изображенъ въ видѣ стараго ученаго, успѣвшаго воспринять всѣ знанія своей эпохи, тѣмъ не менѣе онъ

носить явную печать крайней молодости. Онъ не удовлетворяется всей своей наукой и хотѣлъ бы,

Чтобы позналъ я, чѣмъ вполне
Міръ связанъ въ тайной глубинѣ,
Чтобы силы мнѣ предстали сами
И принципъ жизни я позналъ ¹⁾).

Въ этомъ проглядываетъ требовательность юноши, начинающего изучать науку и убѣжденнаго, что онъ сразу въ состояніи будетъ разрѣшить труднѣйшія задачи. И дѣйствительно, монологъ этотъ былъ созданъ въ періодъ Вертера, когда *Гёте* не было еще 25 лѣтъ ²⁾. Вотъ почему онъ и не производитъ глубокаго впечатлѣнія. Второй монологъ, заканчивающійся попыткой отравленія, — позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ отсутствуетъ въ изданіи 1790 года (Отрывки). Онъ относится ко времени, когда *Гёте* было уже за пятьдесятъ лѣтъ, и потому носитъ отпечатокъ гораздо большей зрѣлости. Несмотря на отсутствіе достаточной опредѣленности, онъ тѣмъ не менѣе интересенъ своими изображеніями жизненныхъ бѣдствій.

...Ахъ! наши дѣйствія, равно какъ и страданья,
Ходъ нашей жизни тормозятъ:
Къ высокому, что въ духѣ обрѣтаемъ,
Все чуждое по-малу пристаётъ.
Когда земного блага достигаемъ,
Все лучшее мечтой у насъ сливетъ;
Святыя чувства жизненныхъ стремленій
Коснѣютъ средь житейскихъ тревоженій.
Хотя сперва, въ порывѣ молодомъ,
Мечта рвалась взлетѣть надъ сферой звѣздной,
Теперь ей кругъ очерченъ небольшой,
Когда за счастьемъ счастье взято бездной.
Забота тотчасъ въ сердце западаетъ,
Въ немъ тайныя страданья порождаетъ
И, разрушая радость и покой,
Все маской прикрывается другой:
Домъ, дворъ, жена и дѣти насъ дурачатъ,
Вода, огонь, кинжалъ и ядъ,
Что не грозитъ, — предъ тѣмъ дрожатъ
И то, чего не потерять, — оплачутъ! ³⁾

Страхъ ожидающихъ насъ бѣдствій, которыхъ мы не можемъ избѣжать, дѣлаетъ жизнь невыносимой. Такое душевное состояніе

¹⁾ Переводъ *Фета*, часть I, стр. 36. Последняя строчка у *Фета* не передаетъ точнаго смысла и потому была видоизмѣнена согласно этому смыслу.

²⁾ *Erich Schmidt. Goethe's Faust in ursprünglicher Gestalt*, 6-ое изданіе. Weimar, 1905 г., стр. 1.

³⁾ Переводъ *Фета*, часть I, стр. 49—50.

Фауста очень напоминает вѣчный страхъ передъ чѣмъ-нибудь у *Шопенауэра*: то онъ боялся воровъ, то болѣзней. Онъ никогда не рѣшался бриться у цирюльника и всегда имѣлъ при себѣ кожаный складной стаканчикъ, чтобы пить изъ него.

«Не лучше ли покончить съ такимъ существованіемъ и лишитъ себя жизни, рискуя даже впасть въ небытіе?» спрашиваетъ себя Фаустъ. Онъ схватываетъ отравленный кубокъ и уже приближаетъ его къ губамъ, когда долетающее пѣніе и звукъ колоколовъ останавливаютъ его и удерживаютъ отъ самоубійства. Не религіозное чувство останавливаетъ Фауста, а дѣтскія воспоминанія:

Мірѣ дѣтскихъ игръ, не знающихъ искусства,
Пѣлъ въ этихъ звукахъ, вѣющихъ весной ¹⁾.

Онъ выходитъ на улицу, смѣшивается съ толпой, старается разсѣяться среди людей, любитъ возрожденіемъ весны, но все это не въ состояніи дать ему забвенія бѣдствій жизни. Онъ встрѣчаетъ ученика и вступаетъ съ нимъ въ разговоръ, въ которомъ вновь обнаруживается свой пессимизмъ.

О, счастливъ, кто еще въ надеждѣ самъ,
Что выплывемъ изъ моря лжи мы дружно!
Чего не знаемъ, — было бъ нужно намъ,
Того, что знаемъ, — намъ не нужно ²⁾.

Здѣсь Фаустъ произноситъ свой знаменитый монологъ, надъ которымъ ломали себѣ голову и потратили море чернилъ его комментаторы.

Ахъ! двѣ души вмѣщать мнѣ суждено,
И грудь ихъ разобщить готова.
Одной хвататься грубо суждено
За этотъ міръ, съ его любовнымъ тѣломъ;
Въ другой же все горѣ вознесено
Высокихъ праотцевъ къ предѣламъ ³⁾.

По этому поводу создана была цѣлая «теорія двойственности души», въ которую воплощался дуализмъ манихеевъ, — два естества Христа и Богъ знаетъ что еще ⁴⁾.

Во всемірной литературѣ нѣтъ лучшаго поэтическаго выраженія человѣческой дисгармоніи, чѣмъ въ этомъ монолѣ о душевной двойственности. Онъ изображаетъ столь часто встрѣчающуюся въ юности неуравновѣшенность и обнаруживаетъ молодость Фауста первой части.

¹⁾ Переводъ *Фета*, часть I, стр. 56.

²⁾ Переводъ *Фета*, часть I, стр. 73.

³⁾ *Id.*, стр. 75 и 76.

⁴⁾ Подробности можно найти у *Кюно Фишера*, *Goethe's Faust*, стр. 328 — 330.

Вернувшись въ свою рабочую комнату, Фаустъ вновь предаётся пессимистическимъ размышленіямъ:

Но, ахъ! я чувствую, въ противность доброй воли,
Довольства грудь моя не источаетъ боли.
Но отчего жъ потокъ подобный сякнетъ вдругъ
И жаждою опять томится грудь?
Я испыталъ всё эти превращенья!

(Id., стр. 81.)

Фаустъ доходитъ до такого состоянія, что обращается къ «духу стриганія», къ тому, котораго называютъ «грѣховнымъ» и «злымъ». Духъ этотъ вызываетъ въ глазахъ его «рядъ прелестнѣйшихъ видѣній» во образѣ красавицы. Фаустъ находитъ, что онъ

...Слишкомъ старъ игрушками прельщаться
И слишкомъ молодъ — не желать.

Преслѣдуемый желаніями, онъ говоритъ:

Я принужденъ и въ тишинѣ ночной,
Ложась на постель, бояться;
И тутъ мнѣ не сужденъ покой,
И сны ужасные толпятся.

Вслѣдствіе этого прибавляетъ онъ:

Мила мнѣ смерть, посылала жизнь моя.

(Стр. 101.)

О! счастливъ тотъ, кого она вѣнчаетъ
Кровавымъ лавромъ въ битвѣ съ вражьей силой,
Иль кто ее, окончивъ пиръ, встрѣчаетъ
Нежданную въ объятіяхъ дѣвы милой.

(Стр. 101.)

Фаустъ постепенно приходитъ въ любовный экстазъ. Вскорѣ послѣ этого онъ видитъ въ зеркалѣ «ликъ небесный» и восклицаетъ:

О! дай, любовь, мнѣ твой полетъ чудесный,
Чтобъ унести за ней, въ ея края!..
...Прелестной женщины видѣнье!
Какъ ей воздать достойную хвалу?
Не познаю ли всѣхъ небесъ я отраженье
По распростертому здѣсь тѣлу одному?
Возможно ль на землѣ ее сыскать?

(Стр. 160 и 161.)

Недовольство жизнью, неудовлетворенность знаніемъ, доступнымъ человѣчеству, и мрачнѣйшій пессимизмъ приводятъ Фауста къ страстной любви, которая, послѣ различныхъ приключеній, кидаетъ его въ объятія Маргариты.

Романъ этотъ всёмъ извѣстенъ, какъ одно изъ величайшихъ произведеній творчества. Фаустъ прибѣгаетъ къ одному изъ совѣтовъ *Броунъ-Секара*. Мозговое переутомленіе, вызванное усиленными занятіями, препятствуетъ продолженію ихъ. Состояніе это отлично выражено въ слѣдующихъ словахъ Фауста:

Нить мысли порвалась больно;
Отъ знанья тошно мнѣ невольно.
Упьемся чувственности дымомъ,
Страстей задушимъ въ немъ напоръ!

(Стр. 111.)

Мозгъ отказывается работать, а слѣпой инстинктъ, въ формѣ мечты, подсказываетъ, что организмъ обладаетъ чѣмъ-то, могущимъ усилить умственную дѣятельность. Только это «нѣчто» считается грѣховнымъ, и нужна большая отвага, чтобы отрѣшиться отъ всякихъ колебаній. Но жизнь не въ жизнь безъ этого грѣха; поэтому остается одинъ выборъ: смерть или любовь. И Фаустъ останавливается на послѣдней.

Точно такъ же, какъ романъ *Гёте* съ Фредерикой, такъ и романъ Фауста съ Маргаритой кончается печально, даже болѣе чѣмъ печально. Поэтъ выбралъ для послѣдняго самыя мрачныя краски. Маргарита убиваетъ своего ребенка, отравляетъ мать, ее осуждаютъ на казнь, она сходитъ съ ума.

Горе Фауста безгранично.

Онъ недоволенъ своимъ злымъ духомъ, старается спасти бѣдную женщину и въ отчаяніи восклицаетъ:

О! лучше бы я не родился!

Итакъ, въ первой части Фаустъ является молодымъ ученымъ, слишкомъ требовательнымъ къ наукѣ и къ жизни; для генія его необходима любовь; онъ неуравновѣшенъ и поэтому неизбежно становится пессимистомъ. При этихъ условіяхъ неудивительно, что жизнь его принимаетъ дурное теченіе и что поведеніе его внушаетъ ему тяжелое раскаяніе.

Но въ то время какъ прежде было достаточно общей неудовлетворенности, чтобы вызвать въ немъ желаніе самоубійства, позднѣе безконечное зло, сдѣланное имъ глубоко любимому несчастному существу, повергло его только въ большое, но не смертельное горе. Такимъ образомъ, Фаустъ въ своемъ душевномъ развитіи сдѣлалъ уже шагъ впередъ къ оптимизму. Кризисъ хотя и серьезенъ, но оканчивается возвратомъ къ жизни дѣятельной и очень широкой.

V.

Вторая часть Фауста посвящена, главнымъ образомъ, описанію старческой любви.—Любовная страсть старика.—Смирненіе стараго Фауста.—Платоническая любовь его къ Еленѣ.—Міровоззрѣніе стараго Фауста.—Его оптимизмъ.—Общая мысль всего произведенія.

Въ то время какъ первая часть Фауста тотчасъ послѣ своего появленія вызвала всеобщій восторгъ, вторая, наоборотъ, встрѣчена была крайне холодно.

Всѣ читали и знаютъ первую часть; вторую часть читали только немногіе и то, главнымъ образомъ, среди литераторовъ. На сценѣ часть эта производитъ большее впечатлѣніе, чѣмъ при чтеніи, благодаря разнымъ второстепеннымъ прикрасамъ, какъ въ красивыхъ балетахъ.

Что же касается ея внутренняго смысла, то онъ, по общему мнѣнію, неясенъ, сложенъ и неудобопонятенъ. Поэтому многіе литературные критики ломали себѣ голову, чтобы схватить руководящую мысль автора.

Когда *Эккерманнъ*, уговаривавшій *Гёте* закончить и напечатать вторую часть, просилъ его объяснить значеніе нѣкоторыхъ сценъ, то *Гёте* устранился отъ этого и прикрывался маской сфинкса. Такъ, напримѣръ, относительно знаменитыхъ «матерей» *Гёте* принялъ загадочный видъ и отвѣтилъ: «я даю вамъ рукопись; изучите ее у себя и посмотрите, что можете вывести изъ нея» (10 января 1813 г.).

Лююисъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поклонниковъ *Гёте*, несмотря на это, останавливается передъ невозможностью понять смыслъ второй части Фауста. «Годы странствій и вторая часть Фауста,—говоритъ онъ,—настоящій арсеналъ символовъ. Старому поэту пріятно было видѣть, какъ глубокомысленные критики наперерывъ старались выказать свое ясновидѣніе и проницательность въ разъясненіи второй части Фауста и Мейстера, между тѣмъ какъ самъ онъ хитро отмалчивался, не приходя имъ на помощь». «Онъ не только не обнаруживалъ ни малѣйшаго желанія разъяснять накопляющіяся недоразумѣнія, но, какъ кажется, ему доставляло удовольствіе ставить новыя задачи для проницательности своихъ критиковъ» (I. с., II, 382).

Лююисъ находитъ, что вторая часть совершенно неудачна ни по замыслу, ни по выполненію. «Я дѣлалъ всѣ усилія,—говоритъ онъ,—чтобы понять это произведеніе, чтобы стать на вѣрную точку зрѣнія, которая позволила бы мнѣ постигнуть его красоты, но всѣ мои попытки остались безплодными» (id., 351). Для ознакомленія читателей съ драмой ему пришлось сдѣлать простое изложеніе ея, не выдвигая ничего преимущественно передъ другимъ.

Вторая часть, давно задуманная въ общихъ чертахъ, была вы-

полнена въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ послѣдняго періода жизни поэта; цѣннымъ указаніемъ служить то, что текстъ былъ составленъ не послѣдовательно, въ порядкѣ дѣйствій и спелъ, а сначала былъ написанъ третій актъ, потомъ—вторая часть пятаго акта, затѣмъ—первый и часть второго акта; классическая Вальпургіева ночь была написана въ 1830 г., а четвертое дѣйствіе—въ 1831 г., и, наконецъ,—начало пятаго акта.

Такъ какъ во второй части мѣстами говорится о многихъ самыхъ разнообразныхъ вещахъ, между прочимъ о вулканическомъ происхожденіи земли, о бумажныхъ деньгахъ, что, понятно, играетъ въ ней совершенно второстепенную и случайную роль, то ключъ надо искать въ сценахъ, написанныхъ сначала. А мы видимъ, что третій актъ включаетъ исторію Елены, а вторая часть пятаго — дѣятельность Фауста, направленную къ общему благу людей.

Руководствуясь тѣмъ, что произведенія *Гёте* отражаютъ поступки и событія его собственной жизни, приходится именно въ ней искать объясненія наиболѣе трудно постижимаго его произведенія.

Мы уже знаемъ, что какъ въ молодости, такъ и въ старости любовь была возбудителемъ дѣятельности *Гёте*. Красной нитью проходить это во всей или почти во всей его жизни.

Никакихъ препятствій не представлялось къ описанію любви его къ *Фредерикъ*: всѣмъ должна была казаться совершенно естественной любовь молодого человѣка къ молодой дѣвушкѣ. Другое дѣло—страсть старика къ юной красавицѣ.

Говорятъ, что одной изъ причинъ, помѣшавшихъ ему жениться на *Ульрихъ фонъ-Леветцовой*, была, быть можетъ, боязнъ насмѣшекъ (*Льюисъ*, II, 345),—боязнъ, являющаяся однимъ изъ самыхъ сильныхъ двигателей въ жизни человѣка. Понятно, до чего должно было быть щекотливымъ чувство поэта при желаніи изложить свою старческую любовь.

Въ любви Фауста къ Еленѣ дѣло касается не мнимаго старца, которому стоитъ снять бороду и переменить беретъ, чтобы стать молодымъ, а настоящаго старика, о возвращеніи къ молодости котораго не можетъ быть и рѣчи, несмотря на всѣ таинственные и волшебныя приправы. Любовь же стараго Фауста есть настоящая страсть, и строки, посвященные ей, относятся къ лучшимъ изъ всѣхъ написанныхъ *Гёте*.

Въ началѣ второй части мы видимъ Фауста послѣ тяжелаго кризиса, пережитаго имъ въ первой. Тревожный и усталый, онъ рѣшается на новую жизнь.

Трепещутъ пульсы жизни вожделѣнно,
Встрѣчая часть, когда заря блеснула;

И въ эту ночь, земля, ты несомнѣнно,
У ногъ моихъ почивъ, опять вздохнула;
Ты принесла мнѣ снова наслажденья,
Ты мощно пробудила и вдохнула
Къ высокой жизни вѣчныя стремленья!

(2-ая часть, стр. 388.)

Потребность любви проявляется въ необузданной страсти при видѣ вызваннаго образа самой красивой изъ всѣхъ женщинъ. Фаустъ восклицаетъ:

Глазами ль вижу? Иль въ душѣ живой
Я красоты разливомъ весь встревоженъ?
Съ какой добычей вышелъ поискъ мой!
До сей поры мнѣ міръ былъ пустъ, ничтоженъ!
Чѣмъ онъ теперь, съ тѣхъ поръ, какъ я жрецомъ?
Онъ твердъ, окрѣпъ, я жить желаю въ немъ!
Пусть не вздохну ни разу я потомъ,
Какъ измѣню подобному влеченью!
Та, что меня когда-то восхищала,
Въ волшебномъ зеркалѣ плѣняла,
Такой красы была лишь легкой тѣнью!
Лишь ты одна, смущая мой покой,
Всю силу страсти роковой,
Любовь, восторгъ, безумство мнѣ внушаешь!

(Стр. 491.)

Фауста, обуреваемого такою страстью, терзаетъ ревность при видѣ красавицы, впивающей дыханіе юноши и цѣлующей его. Онъ хочетъ обладать ею во что бы то ни стало.

Какъ, похищенье! Мнѣ ль стоять безстрастно?
А ключъ-то мой? Его онъ сбавить спешъ!
Меня онъ вель по ужасамъ всечасно
Уединенья—къ твердой почвѣ здѣсь!
Здѣсь я стою въ дѣйствительности твердо,
Тутъ съ духами мой духъ сразится гордо,
Въ двойной побѣдѣ міръ объемля весь!
Была вдали, теперь близка вполне.
Спасу! И будь моей она вдвойнѣ!
О, матери! Вашъ тронъ мнѣ да поможетъ!
Кто съ ней знакомъ, разстаться съ ней не можетъ!

(Стр. 496—497.)

Исчезновеніе красавицы до такой степени потрясаетъ Фауста, что онъ лишается сознанія и впадаетъ въ продолжительное забытіе. Очнувшись, онъ тотчасъ спрашиваетъ: «гдѣ она?», и пускается въ поиски за нею. Узнавъ, что Хиронъ въ былое время переносилъ Елену, онъ восклицаетъ:

Ты несъ ее?
 Хиронъ. Да, на спинѣ же.
 Фаустъ. И такъ сходить съ ума пришлось!
 И вдругъ сижу теперь. И гдѣ же?..
 Хиронъ. За волосы мои она,
 Какъ ты, держалась.
 Фаустъ. Какъ полна
 Восторгомъ грудь! Скажи мнѣ все!
 Лечу желаньемъ ей навстрѣчу!
 Куда, откуда несъ ее?..
 ...Ее видалъ ты; нынче видѣлъ я
 Прекрасную въ расцвѣтѣ бытія!
 Теперь мой умъ, мой духъ окованъ ею;
 И мнѣ не жить, коль ей не овладѣю!

(Стр. 549—552.)

Хиронъ находитъ эту страсть такой необыкновенной, что совѣтуетъ Фаусту лѣчиться отъ нея.

Послѣ различныхъ приключеній и препятствій Фаустъ, наконецъ, находитъ желанную красавицу и говоритъ ей:

...Осталось мнѣ себя и все мое—
 Мое ль оно?—повергнуть предъ тобой?
 Такъ отъ души позволь у ногъ твоихъ
 Тебя признать владычицей; ты власть
 И тронъ, едва вступивъ, пріобрѣла!

(Стр. 658.)

Какъ мало похожа такая рѣчь на тѣ слова, которыя говорилъ Фаустъ Маргаритѣ? Она гораздо болѣе соответствуетъ отношенію влюбленнаго старика къ обожаемой молодой красавицѣ. Когда Елена предлагаетъ Фаусту сѣсть на тронъ рядомъ съ нею, онъ отвѣчаетъ:

Сперва позволь склонить колѣни мнѣ,
 Высокая жена; позволь сперва
 Ты руку, что взведетъ меня, поцѣловать.
 Ты соправителемъ признай меня
 Владѣній безграничныхъ и прими
 Поклонника, слугу и стража все того жъ!

(Стр. 663.)

Страстно влюбленный, до потери разсудка, старикъ не смѣетъ обращаться къ возлюбленной иначе, какъ въ выраженіяхъ, полныхъ смиренія. Елена не дѣлаетъ никакого признанія въ любви, но относится къ нему благосклонно. Фаустъ предлагаетъ ей «вѣчно юную Аркадію для счастливаго житья», и Елена соглашается слѣдовать за нимъ въ таинственный гротъ, весь заросшій растительностью. Тамъ они остаются одни и только старой служанкѣ позволяютъ изрѣдка приближаться къ нимъ.

Плодомъ ихъ связи является ребенокъ, вовсе не похожій на ребенка Маргариты, убитого ею. Это—особенное, чудесное существо: только что родившись, мальчикъ этотъ начинаетъ прыгать и своими быстрыми движеніями приводить въ ужасъ родителей.

Въ то время какъ *Гёте* упорно отмалчивался, когда его просили объяснить нѣкоторыя сцены второй части *Фауста*, онъ безъ всякаго затрудненія говоритъ о значеніи этого удивительнаго ребенка. Онъ—«простая аллегорія, а не человѣческое существо. Въ немъ олицетворена поэзія, не зависящая ни отъ времени, ни отъ мѣста, ни отъ личности» (*Эккermannъ*, 20 дек. 1829).

Пораженный трагической судьбой *Байрона*, *Гёте* въ сынѣ *Фауста* и *Елены* символизируетъ англійскаго поэта.

Исходя изъ категорическаго объясненія *Гёте*, литературные критики заявляютъ, что связь *Фауста* и *Елены* означаетъ синтезъ романтизма и классицизма,—синтезъ, плодомъ котораго является современная поэзія, олицетворенная въ ея лучшемъ представителѣ—*Байронъ*. Это не должно бы соответствовать мыслямъ *Гёте*, который вовсе не придавалъ никакого значенія классицизму и романтизму.

«Съ какой стати поднимаютъ такой шумъ по поводу классическаго и романтическаго?—говорилъ онъ.—Существенно, чтобы произведеніе было вполнѣ прекраснымъ и серьезнымъ; тогда оно и будетъ классическимъ!» (*Эккermannъ*, 17 окт. 1828).

Гораздо правдоподобнѣе, что *Гёте* хотѣлъ выразить ту мысль, что плодъ связи *Фауста* и его прелестной подружки есть поэзія. Связь ихъ входитъ въ категорію такъ называемой платонической любви.

Такая любовь вдохновляетъ для созиданія совершенныхъ произведеній даже старика-поэта, когда вдохновительница—прекрасная женщина.

Фаустъ и *Елена* выходятъ съ сыномъ изъ грота, и *Елена* говорить:

Счастье людямъ дать прямое,
Сводить ихъ любовь вдвоемъ,
Но блаженство неземное
Мы веушаемъ лишь втроемъ!
(Стр. 682.)

На это *Фаустъ* отвѣчаетъ:

Смыслъ тогда отысканъ точный:
Ты моя, а я самъ твой;
Мы стоимъ четою прочной—
Можно ль жизнью жить иной!

(Стр. 682.)

Послѣ смерти сына Елена покидаетъ Фауста, оставляя ему свою одежду.

Сбылись на мнѣ — увѣ! — старинныя слова,
 Что счастье долго съ красотой не можетъ жить.
 Разорвана вся жизньъ, какъ и союзъ любви;
 Оплакавъ ихъ, прощаюсь горько съ ними я!
 И вновь бросаюсь я въ объятія твои.

(Стр. 696.)

Послѣ этого удара старикъ Фаустъ ищетъ утѣшенія въ природѣ. Уже разъ, послѣ ужасной катастрофы съ Маргаритой, созерцаніе природы дало ему силу жить.

На этотъ разъ онъ останавливается на вершинѣ высокой горы, откуда слѣдитъ за воздушнымъ контуромъ облака въ очертаніи прекрасной женщины. Но Фаустъ старъ и живетъ одними воспоминаніями любви. Онъ восклицаетъ:

...Да, глаза мои не лгутъ!
 На озаренномъ ложѣ чудно распростертъ,
 Хоть исполинскій, ликъ божественной жены,
 Съ Юноной сходный, съ Ледою, съ Еленой;
 Какъ царственно онъ на моихъ глазахъ плыветъ!
 Ахъ! сдвинулось! Безформенно нагромоздясь,
 Все поплыло къ востоку снѣжной цѣнью горъ,
 Какъ яркій образъ смысла мимолетныхъ дней.
 Но въ свѣтлой, нѣжной пряди обдастъ туманъ
 Живой прохладой мнѣ еще чело и грудь.
 Вотъ медленно возносится все выше онъ;
 Вотъ слился. — Или это ликъ обманчивый
 Первоначальныхъ и давно минувшихъ благъ?
 Сердечныхъ всѣхъ богатствъ забили вновь ключи.
 ...Какъ красота душевная, прелестный ликъ
 Не разлѣшаясь все подымается въ эфиръ
 И лучшее души моей уносить вдаль!

(Стр. 705.)

Это душевное настроеніе напоминаетъ пережитое Гёте послѣ разрыва съ Ульрикой.

Конецъ любви, конецъ поэзіи! Но стремленіе къ высшей жизни этимъ еще не уничтожено. У старика Фауста желаніе жить еще очень сильно. Но онъ уже не мечтаетъ, какъ въ дни юности, о невыполнимомъ идеалѣ. Когда Мефистофель задаетъ ему ироническій вопросъ:

Какъ отгадать, къ чему ты устремился?
 Къ высокому чему-нибудь?
 Къ лунѣ ты ближе возносился,
 Знать, къ ней пошло тебя тянуть?

Фаустъ отвѣчаетъ ему:

Нисколько. На землѣ найду
Я, гдѣ за подвигъ взяться смѣло.
Великое свершится дѣло, —
Я силы чувствую къ труду.

(Стр. 711, 712.)

Со временемъ еще болѣе усиливается оптимизмъ его рѣчей, столь несходныхъ съ жалобами Фауста первой части.

Окончательно состарѣвшись, достигнувъ почти ста лѣтъ, онъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ свое міровоззрѣніе:

Я свѣтъ-то только пробѣжалъ,
За волосы всѣ похоти хваталъ я,
Что было не по мнѣ, — бросалъ я,
Что ускользало, — не ловилъ;
Я лишь хотѣлъ да исполнять
И вновь желалъ, и такъ пробушевалъ
Всю жизнь; сначала мощно, шумно,
Теперь иду обдуманно, разумно.
Земля давно извѣстна мнѣ;
А взгляды *туда* намъ прегражденъ вполне.
Глупецъ, кто ищетъ слабыми глазами
Подобья своего надъ облаками!
Здѣсь утвердись, да оглянись; межъ тѣмъ
Предъ доблестнымъ міръ видимый — не нѣмъ.
Зачѣмъ ему по вѣчности носиться?
Что онъ позналъ, тѣмъ можетъ насладиться!

(Стр. 786.)

Достигнувъ высшей мудрости, Фаустъ организуетъ работы по осушенію болотъ для увеличенія поверхности почвы, необходимой для нуждъ людей.

Вотъ этимъ бы мы подвигъ завершили:
Мы бъ дали мѣсто многимъ миллионамъ
Зажить трудомъ, хоть плохо огражденнымъ!
Стадамъ и людямъ по зеленымъ нивамъ
На цѣлинѣ придется жить счастливымъ;
Сейчасъ пойдутъ селиться по холмамъ,
Что трудовой народъ насыплетъ самъ.
Среди страны здѣсь будетъ свѣтлый рай...
Да, этотъ смыслъ мной подлинно усвоенъ,
Вся мудрость въ томъ, чтобы познать,
Что тотъ свободы съ жизнью лишь достоинъ,
Кто ежедневно долженъ ихъ стяжать.
Такъ проживетъ здѣсь, побѣждая страхъ,
Ребенокъ, мужъ и старецъ — вѣкъ въ трудахъ.
При видѣ этой суеты

Сбылись бы всѣ мои мечты,
Тогда бъ я могъ сказать мгновенно:
Остановись! Прекрасно ты!
И не исчезнуть безъ значенья
Земные здѣсь мои слѣды.
Въ предчувствіи такого счастья я
Достигъ теперь вершины бытія!!!

(Стр. 793, 794.)

Это были послѣднія слова мудраго столѣтняго старца. Часто думаютъ, что они сосредоточиваютъ въ себѣ сущность нравственной философіи *Гёте* и проповѣдуютъ жертву личности обществу.

Люисъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ задачу *Фауста*: «его страстная душа, испытавъ тщетность личныхъ вожделѣній и наслажденій, познать, наконецъ, ту великую истину, что человѣкъ долженъ жить для другихъ людей и не можетъ найти прочнаго счастья внѣ работы для общаго блага» (1. с., II, 361).

Судя по *Фаусту Гёте*, я думаю скорѣе, что человѣкъ долженъ посвятить значительную часть своего существованія на полное развитіе собственной личности и что, только достигнувъ второй половины жизни, умудренный опытомъ и удовлетворенный личной жизнью, долженъ онъ посвятить свою дѣятельность на благо людей. Проповѣдь самопожертвованія личности не соотвѣтствовала ни идеямъ *Гёте*, ни характеру его произведеній.

Въ *Фаустѣ Гёте* хотѣлъ также рѣшить задачу столкновенія нѣкоторыхъ человѣческихъ дѣйствій съ руководящими принципами. Проступки, совершенные его героями въ первой части жизни, должны были быть уравнивлены искупленіемъ. *Гёте* говорилъ *Эккерманну*, что «ключъ спасенія *Фауста*» находится въ хорѣ ангеловъ:

Часть благородную отъ зла
Спасъ нынѣ міръ духовный:
Чья жизнь стремленіемъ была,
Тотъ чуждъ среды грѣховной.

(Стр. 812.)

Но то, о чемъ *Гёте* не говорилъ и что между тѣмъ играло самую важную роль какъ у него, такъ и у *Фауста*, — это дѣйствіе любви, возбуждающее къ художественному творчеству. Вѣроятно, именно на это намекаетъ онъ въ концѣ трагедіи. Анахореты въ религіозномъ и эротическомъ экстазѣ произносятъ молитвы, а мистическій хоръ поетъ:

Неописуемое
Здѣсь совершенно;
Женственно-нѣжное
Къ небу взвело! ¹⁾

¹⁾ Мѣсто это видоизмѣнено, такъ какъ у *Фета* смыслъ не точенъ.

Стихамъ этимъ придавали значеніе «самопожертвованной любви» и даже «Божьей благодати» (*Бодэ*, стр. 149); но слѣдуетъ скорѣе полагать, что рѣчь идетъ о любви къ женской красотѣ, возбуждающей къ подвигамъ.

Объясненіе это вяжется съ тѣмъ, что стихи произнесены мистическимъ хоромъ, который, резюмируя положеніе, говоритъ о *неопи-суемомъ*. Въ послѣднемъ нужно видѣть любовную страсть старика.

Во всякомъ случаѣ весь *Фаустъ*, особенно вторая часть его, служить краснорѣчивымъ доводомъ въ пользу той роли, которую играетъ любовь къ проявленіямъ высшей дѣятельности человѣка.

Соотвѣтствуя закону человѣческой природы, это оправдываетъ поведеніе *Гёте* гораздо болѣе всѣхъ изощреній его критиковъ и почитателей.

Вопреки часто выражаемому мнѣнію, будто обѣ части *Фауста* составляютъ два совершенно независимыхъ произведенія, онѣ, наоборотъ, только пополняютъ одна другую.

Въ первой части молодой пессимистъ, полный страсти и требовательности, готовъ на самоубійство и ни передъ чѣмъ не останавливается для удовлетворенія своей жажды любви.

Во второй части зрѣлый и старый человѣкъ продолжаетъ любить женщинъ, хотя и инымъ образомъ; онъ умудренъ опытомъ и сталъ оптимистомъ; удовлетворивъ стремленія личной жизни, онъ посвящаетъ остатокъ дней своихъ на благо человѣческое; достигнувъ столѣтняго возраста, онъ умираетъ съ чувствомъ высшаго блаженства, и даже почти можно сказать, что онъ обнаруживаетъ при этомъ инстинктъ естественной смерти.

Наука и нравственность.

I.

Сложность нравственных задач. — Вивисекція и антививисекціонисты. — Изысканія относительно возможности рациональной нравственности. — Утилитарная и интуитивная теорія нравственности. — Неудовлетворительность обѣихъ.

Въ этой книгѣ намъ приходилось нѣсколько разъ касаться вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ задачей нравственности. Такъ, въ вопросѣ о продленіи человѣческой жизни надо было доказать, что принципы высшей нравственности нисколько не противорѣчатъ тому, чтобы человѣкъ жилъ значительно дольше своего воспроизводительнаго періода, хотя и существуютъ народы, нравственные понятія которыхъ допускаютъ принесеніе въ жертву стариковъ.

Экспериментальная біологія, на которой основаны многія теоріи, изложенныя въ этой книгѣ, зиждется на вивисекціи животныхъ. Между тѣмъ немало людей считаютъ безнравственнымъ дѣлать опыты надъ живыми существами безъ непосредственной пользы для послѣднихъ.

Во Франціи и въ Германіи попытки помѣшать или ограничить вивисекцію въ лабораторіяхъ не удались. Въ Англіи же существуетъ строгій законъ, требующій стѣснительнаго контроля надъ опытами съ животными, что вызываетъ серьезныя жалобы англійскихъ ученыхъ.

Еще гораздо сложнее вопросъ объ опытахъ надъ человѣкомъ. Какъ прежде приходилось прятаться для вскрытія человѣческаго трупа, такъ теперь надо прибѣгать къ разнымъ ухищреніямъ при малѣйшемъ опытѣ на человѣкѣ. Тѣ самые люди, которые нисколько не возмущаются безчисленными несчастными случаями, производимыми автомобилями и другими способами передвиженія или охотой, громко возстаютъ противъ попытокъ испробовать на человѣкѣ дѣйствительность какого-нибудь новаго лѣчебнаго средства.

Многіе люди, даже среди ученыхъ, считаютъ безнравственной всякую попытку помѣшать развитію венерическихъ болѣзней. Не-

давно нѣкоторые профессора парижскаго медицинскаго факультета высказали свое возмущеніе по поводу изслѣдованій относительно предохранительнаго дѣйствія ртутныхъ мазей противъ сифилиса. Они утверждали, что «безнравственно давать право думать, будто можно безнаказанно удалаться въ Цитеру», и что «неприлично давать въ руки людямъ средство погружаться въ развратъ» ¹⁾.

Между тѣмъ другіе, столь же авторитетные, ученые убѣждены, что дѣйствуютъ вполне нравственно, пытаясь найти средство противъ сифилиса, для того, чтобы предохранить множество людей, между прочимъ дѣтей и другія невинныя жертвы, которыя, за неимѣніемъ предупредительныхъ средствъ, платятъ дань ужасной болѣзни.

Этихъ нѣсколькихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какая путаница царствуетъ въ нравственныхъ понятіяхъ. Человѣку ежечасно приходится сообразовать свои поступки и поведеніе съ законами нравственности, а между тѣмъ относительно нихъ даже самые авторитетные люди далеко не согласны между собой.

Восемь лѣтъ тому назадъ парижскій періодическій журналъ *La Revue* ²⁾ обратился къ наиболѣе авторитетнымъ писателямъ съ запросомъ относительно ихъ мнѣнія по поводу раціональной нравственности. Дѣло шло о томъ, возможно ли въ наше время основывать нравственное поведеніе не на религіозныхъ догматахъ, обязательныхъ для однихъ вѣрующихъ, а на началахъ чистаго разума. Отвѣты оказались крайне разнорѣчивыми. Одни отрицали возможность раціональной нравственности, другіе утверждали ее, но на самыхъ противоположныхъ основаніяхъ.

Въ то время какъ философъ *Бутру* утверждаетъ, что «нравственность основана на чистомъ разумѣ и не можетъ имѣть другого основанія», поэтъ *Сюлли-Прюдомъ* основой нравственности считаетъ, главнымъ образомъ, чувство, совѣсть. По его мнѣнію, «въ преподаваніи нравственности сердце, а не умъ является одновременно учителемъ и ученикомъ».

Въ противорѣчіяхъ, упомянутыхъ въ началѣ этой главы, отражены оба эти мнѣнія. Антививисекціонисты протестуютъ противъ опытовъ надъ живыми существами изъ чувства жалости къ бѣднымъ, беззащитнымъ животнымъ. Совѣсть подсказываетъ, что всякое страданіе, причиненное другому существу на пользу человѣка или иного животнаго, безнравственно. Я знаю выдающихся физиологовъ, которые рѣшаются дѣлать опыты лишь надъ мало чувствительными животными, какъ лягушки. Но большинство ученыхъ ни-

¹⁾ Tribune médicale, 1906 г., стр. 449.

²⁾ La Revue, № 15 ноября и 1 декабря 1905 г.

давно нѣкоторые профессора парижскаго медицинскаго факультета высказали свое возмущеніе по поводу изслѣдованій относительно предохранительнаго дѣйствія ртутныхъ мазей противъ сифилиса. Они утверждали, что «безнравственно давать право думать, будто можно безнаказанно удаляться въ Цитеру», и что «неприлично давать въ руки людямъ средство погружаться въ развратъ» ¹⁾.

Между тѣмъ другіе, столь же авторитетные, ученые убѣждены, что дѣйствуютъ вполне нравственно, пытаясь найти средство противъ сифилиса, для того, чтобы предохранить множество людей, между прочимъ дѣтей и другія невинныя жертвы, которыя, за неимѣніемъ предупредительныхъ средствъ, платятъ дань ужасной болѣзни.

Этихъ нѣсколькихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какая путаница царствуетъ въ нравственныхъ понятіяхъ. Человѣку ежечасно приходится сообразовать свои поступки и поведеніе съ законами нравственности, а между тѣмъ относительно нихъ даже самыя авторитетныя люди далеко не согласны между собой.

Восемь лѣтъ тому назадъ парижскій періодическій журналъ *La Revue* ²⁾ обратился къ наиболѣе авторитетнымъ писателямъ съ запросомъ относительно ихъ мнѣнія по поводу раціональной нравственности. Дѣло шло о томъ, возможно ли въ наше время основывать нравственное поведеніе не на религіозныхъ догматахъ, обязательныхъ для однихъ вѣрующихъ, а на началахъ чистаго разума. Отвѣты оказались крайне разнорѣчивыми. Одни отрицали возможность раціональной нравственности, другіе утверждали ее, но на самыхъ противоположныхъ основаніяхъ.

Въ то время какъ философъ *Бутру* утверждаетъ, что «нравственность основана на чистомъ разумѣ и не можетъ имѣть другого основанія», поэтъ *Сюлли-Прюдомъ* основой нравственности считаетъ, главнымъ образомъ, чувство, совѣсть. По его мнѣнію, «въ преподаваніи нравственности сердце, а не умъ является одновременно учителемъ и ученикомъ».

Въ противорѣчіяхъ, упомянутыхъ въ началѣ этой главы, отражены оба эти мнѣнія. Антививисекціонисты протестуютъ противъ опытовъ надъ живыми существами изъ чувства жалости къ бѣднымъ, беззащитнымъ животнымъ. Совѣсть подсказываетъ, что всякое страданіе, причиненное другому существу на пользу человѣка или иного животнаго, безнравственно. Я знаю выдающихся физиологовъ, которые рѣшаются дѣлать опыты лишь надъ мало чувствительными животными, какъ лягушки. Но большинство ученыхъ ни-

¹⁾ Tribune médicale, 1906 г., стр. 449.

²⁾ La Revue, № 15 ноября и 1 декабря 1905 г.

сколько не стѣсняются вскрывать животныхъ и доставлять имъ жесточайшія страданія съ цѣлью выясненія какой-нибудь научной задачи, которая со временемъ можетъ увеличить счастье людей или полезныхъ человѣку животныхъ.

Большіе законы, управляющіе инфекціонными болѣзнями, и цѣнные средства борьбы съ ними никогда не были бы найдены безъ vivisection или даже при одномъ ограниченіи ея.

Для того, чтобы оправдать vivisection, ученые становятся на точку зрѣнія теоріи утилитарной нравственности, оправдывающей всякое средство, полезное человѣчеству.

Антиvivisectionисты, наоборотъ, опираются на интуитивную теорію, сообразующую поведеніе съ непосредственными указаніями нашей совѣсти.

Въ приведенномъ примѣрѣ задача легко разрѣшима. Совершенно ясно, что vivisection вполне допустима при изученіи жизненныхъ процессовъ, такъ какъ она одна позволяетъ наукѣ дѣлать серьезные шаги впередъ. А между тѣмъ, несмотря на это, постоянно встрѣчаются люди, не допускающіе vivisection на основаніи своей сильно развитой любви къ животнымъ.

Еще проще задача нравственности въ вопросѣ о предохраненіи противъ сифилиса.

Въ то время какъ при vivisection мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительнымъ страданіемъ, причиняемымъ животнымъ, въ предупрежденіи сифилиса дѣло сводится къ болѣе или менѣе непрямому и очень проблематическому злу. Выбравъ сношенія облегчаются возможностью предохраненія отъ заразы. Но если сравнить вытекающее отсюда зло съ огромнымъ благодѣяніемъ отъ избавленія множества невинныхъ существъ отъ сифилиса, то легко понять, въ какую сторону склонится чаша вѣсовъ! Поэтому возмущеніе людей, протестующихъ противъ изысканія предохранительныхъ средствъ, никогда не будетъ въ состояніи ни остановить рвенія изслѣдователей, ни помѣшать употребленію этихъ средствъ.

Примѣръ этотъ еще разъ показываетъ, какъ необходимо разсужденіе въ большинствѣ нравственныхъ вопросовъ.

Однако въ дѣйствительной жизни болѣею частью приходится имѣть дѣло съ гораздо болѣе сложными задачами, чѣмъ оба примѣра, выбранные нами для начала. Легко доказать пользу дѣятельности vivisectionистовъ и изслѣдователей предохранительныхъ средствъ противъ сифилиса; противники же ихъ основываютъ свое мнѣніе исключительно на непосредственномъ чувствѣ.

Но положеніе совершенно мѣняется во множествѣ вопросовъ, касающихся нравственности. Половая жизнь кишитъ въ высшей

степени щепетильными задачами, въ которыхъ очень трудно установить нравственную оцѣнку.

Стоить только вспомнить всѣ перипетіи жизни *Гёте*, великій гений котораго такъ часто становился въ разладъ съ правилами нравственности его времени.

Поступилъ ли онъ нравственно, покинувъ Фредерику и Лили изъ страха связать себя навсегда и погубить свою поэтическую производительность?

А какъ отнестись съ нравственной стороны къ бракамъ сифилитиковъ или другихъ больныхъ, могущихъ передать свою болѣзнь потомству?

Воздержаніе молодыхъ людей до брака, проституція, устраненіе дѣторожденія при половыхъ сношеніяхъ — все это крайне важные вопросы, рѣшеніе которыхъ очень сложно съ нравственной точки зрѣнія. То же самое можно сказать почти относительно всего, касающагося наказуемости. Вопросъ о смертной казни — въ высшей степени спорный и требуетъ многочисленныхъ и разнообразныхъ изслѣдованій. Для опредѣленія пользы или безполезности ея прибѣгаютъ къ статистическимъ даннымъ. По мнѣнію однихъ, такого рода наказаніе нисколько не уменьшаетъ числа преступленій; другіе же думаютъ, что оно дѣйствительно служитъ запугивающей мѣрой. Недавнія пренія о смертной казни во французской палатѣ депутатовъ, въ которыхъ приняли участіе очень талантливые ораторы противоположныхъ мнѣній, служатъ особенно яркой иллюстраціей затрудненій для правильнаго рѣшенія этого вопроса общественной нравственности. Почти такъ же затруднителенъ вопросъ относительно менѣ серьезныхъ наказаній, чѣмъ смертная казнь, и особенно относительно наказаній дѣтей. Педагогамъ очень трудно распутать всѣ эти затрудненія.

Итакъ, утилитарная нравственность часто бессильна установить благо, которое должно вытекать изъ предписываемаго ею поведенія, тѣмъ болѣе, что часто не точно извѣстно, кто собственно долженъ воспользоваться этимъ благомъ. Должна ли польза даннаго поступка быть направлена на родителей, единовѣрцевъ, единоплеменниковъ, людей одной расы, или на все разнообразное человѣчество?

Въ виду столькихъ затрудненій многіе теоретики нравственности признали непримѣнимость утилитарной теоріи и перешли на сторону интуитивной. По ней основа нравственности заключается во врожденномъ чувствѣ каждаго человѣка, въ извѣстнаго рода социальномъ инстинктѣ, заставляющемъ дѣлать добро ближнему и подталкиваемомъ внутреннимъ голосомъ совѣсти, какъ слѣдуетъ поступить, гораздо лучше, чѣмъ всякая утилитарная оцѣнка поведенія.

Дѣйствительно, безспорно, что человѣкъ живетъ въ обществѣ въ силу потребности соединяться съ другими людьми.

Но въ то время какъ въ животномъ мірѣ общественные виды въ своемъ поведеніи обнаруживаютъ обыкновенно хорошо регулированный слѣпой инстинктъ, у человѣка мы видимъ совершенно обратное. Общественный инстинктъ у него безконечно измѣнчивъ.

У нѣкоторыхъ людей крайне развита любовь къ ближнему. Въ этомъ случаѣ человѣкъ видитъ счастье только въ одномъ самопожертвованіи для общаго блага; онъ раздаетъ все свое имущество бѣднымъ и часто кончаетъ тѣмъ, что умираетъ изъ-за какой-нибудь идеальной — конечно, альтруистической — цѣли. Такіе примѣры довольно рѣдки.

Гораздо чаще встрѣчаются люди, привязанные только къ нѣкоторымъ изъ себѣ подобныхъ; они преданы родителямъ, друзьямъ и соотечественникамъ, но остаются болѣе или менѣе равнодушными ко всѣмъ чужимъ.

Не рѣдки также люди, привязанности которыхъ очень ограничены и которые постоянно извлекаютъ пользу изъ другихъ или для себя самихъ, или для своей семьи.

Рѣже встрѣчаются настоящіе злые люди, любящіе только себя самихъ и дѣлающіе одно зло вокругъ себя.

Несмотря на такое различіе въ развитіи общественнаго инстинкта, всѣмъ людямъ приходится жить вмѣстѣ.

Если бы была возможность знать внутреннія побужденія людей, можно было бы руководствоваться ими для классифицированія ихъ поступковъ. Къ нравственнымъ поступкамъ относили бы внушенные любовью къ ближнему, а къ безнравственнымъ — вызванные эгоистическими мотивами. Но внутреннія побужденія только въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ быть точно опредѣлены. Гораздо чаще они кроются такъ глубоко въ душѣ, что иногда самъ человѣкъ не способенъ отдать себѣ отчета въ нихъ. Почти всегда находятъ онъ возможность согласовать свои поступки съ голосомъ совѣсти и оправдать приносимое ближнему зло. Исключительныя же натуры имѣютъ, наоборотъ, такую утонченную совѣсть, что терзаются даже тогда, когда дѣлаютъ одно добро вокругъ себя.

Въ обыденной жизни поступкамъ противника обыкновенно приписываютъ дурныя намѣренія. Это облегчаетъ критику и позволяетъ высказать сужденіе относительно поведенія людей, что удовлетворяетъ врожденной потребности многихъ людей злословить ближняго.

Этотъ способъ весьма распространенъ среди журналистовъ и политиковъ, но долженъ быть вполне исключенъ изъ серьезнаго изученія нравственныхъ вопросовъ.

Поэтому намѣренія и совѣсть, какъ ускользающіе отъ насъ элементы, не могутъ служить для оцѣнки людскаго поведенія. Для этого приходится обратиться къ результатамъ поступковъ. Между тѣмъ легко убѣдиться въ томъ, что добро часто идетъ въ разрѣзъ съ интересами общества. Очень часто добрый человѣкъ приноситъ больше зла, чѣмъ добра.

Шопенгауэръ давно уже высказалъ, что нравственность, исключительно подчиняющаяся чувству, есть не что иное, какъ карикатура на настоящую нравственность.

Влекомый потребностью къ альтруизму, человѣкъ необдуманно разсыпаетъ свои щедроты, и это приводитъ только ко злу какъ для ближнихъ, такъ и для него самого.

Въ «Тимонѣ Аѳинскомъ» *Шекспиръ* изобразилъ прекраснаго человѣка, рожденнаго, по его словамъ, «для благотворительности», раздающаго свое имущество направо и налево и создающаго вокругъ себя толпу паразитовъ. Въ концѣ концовъ онъ разоряется и становится неизлѣчимымъ мизантропомъ.

По этому поводу *Шекспиръ* говоритъ устами Флавія: «Какая странная судьба, что мы всего болѣе грѣшимъ именно тогда, когда слишкомъ благодѣтельствуемъ другимъ!»

Походъ противъ вивисекціи внушенъ подобной же нравственностью, основанной исключительно на чувствѣ. Результатъ этого — безсознательное распространеніе одного зла.

Удивительно, что, въ виду огромной сложности жизненныхъ явленій, случается, что дурные поступки иногда приносятъ обществу больше пользы, чѣмъ поступки, внушенные самыми благородными чувствами.

Такъ, мѣры большой строгости часто полезнѣе полумѣръ, принимаемыхъ администраторомъ, преисполненнымъ мягкостью и добротой.

Изъ этого видно, что интуитивная теорія нравственности не дѣйствительнѣе утилитарной. Хотя чувство общественности и служить побужденіемъ для нравственной дѣятельности, оно, однако, недостаточно для того, чтобы на немъ основать поведеніе людскихъ обществъ. Съ другой стороны, хотя польза, дѣйствительно, и служить цѣлью всякаго нравственнаго поступка, но такъ какъ въ большинствѣ случаевъ пользу трудно установить и опредѣлить, то и ее невозможно признать основой рacionales нравственности.

Въ виду этого приходится искать другихъ началъ, способныхъ освѣтить задачу нравственнаго поведенія.

II.

Попытки основать нравственность на законахъ человѣческой природы. — Теорія нравственной принудительности *Канта*. — Нѣкоторые возраженія противъ кантовской теоріи. — Нравственность должна быть подъ руководствомъ разума.

Уже въ древности были очень озабочены отысканіемъ иной основы нравственности, чѣмъ предписанія религіи, основанныя на откровеніи. Но теоріи, созданныя въ виду этого, давно признаны недостаточными.

Какъ было изложено въ «Этюдахъ о природѣ человѣка» (гл. I), полагали, что знакомство съ этой природой способно дать намъ искомый принципъ. Эпикурейцы, какъ и стоики, думали, что ихъ столь различныя ученія могутъ опираться на общую основу человѣческой природы. Принципъ этотъ оказался слишкомъ эластичнымъ для примѣненія на практикѣ, такъ какъ природа человѣческая поддается слишкомъ разнообразнымъ толкованіямъ.

Послѣ неудачи нѣсколькихъ попытокъ основанія раціональной нравственности *Кантъ* высказалъ теорію, которую многіе мыслители признали крупнымъ шагомъ впередъ. Но тѣмъ не менѣе она никогда не была принята въ широкихъ размѣрахъ и служить лишь доказательствомъ того, что чистый разумъ не въ силахъ разрѣшить великой задачи нравственности.

Я не стану долго останавливаться на этой теоріи, но считаю не лишнимъ охарактеризовать ее въ нѣсколькихъ строкахъ.

По *Канту* нравственность не вытекаетъ изъ чувства симпатіи, и цѣль ея не есть общее благо. Природа плохо бы распорядилась, если бы поставила счастье цѣлью человѣческой жизни, потому что низшія существа вообще счастливѣе самыхъ совершенныхъ людей. Нравственно дѣйствовать заставляетъ насъ внутренняя потребность, при чемъ мы не всегда въ состояніи объяснить наше поведение стремленіемъ къ благу, которое должно изъ него воспослѣдовать.

Ученіе *Канта* сводится къ интуитивной теоріи нравственности. Оно основано не на чувствѣ симпатіи и доброты, влекущемъ насъ дѣлать добро ближнимъ, а исключительно на чувствѣ долга. *Кантъ* не видитъ никакой заслуги въ поступкахъ человѣка, находящаго удовольствіе въ служеніи ближнему.

Поступокъ становится нравственнымъ только тогда, когда побужденіемъ къ нему служить одно чувство долга.

Эта сторона теоріи великаго философа была очень хорошо обрисована эпиграммой *Шиллера*: «Мнѣ пріятно дѣлать добро своимъ друзьямъ; это меня смущаетъ: я чувствую, что не вполне добродѣтеленъ! Попытаюсь возненавидѣть ихъ и потомъ съ отвращеніемъ дѣлать для нихъ то, что велитъ мнѣ долгъ».

Въ своей критикѣ нравственной теоріи *Канта* *Гербертъ Спенсеръ* ¹⁾ рисуетъ себѣ міръ, населенный людьми безъ всякой взаимной симпатіи, дѣлающими до ро наперекоръ своимъ естественнымъ инстинктамъ, по одному чувству долга.

Англійскій философъ думаетъ, что при этихъ условіяхъ «міръ былъ бы неудобобитаемъ».

Понятно, что нравственному ученію *Канта* могли бы слѣдовать только люди, составляющіе исключеніе изъ общаго правила, такъ какъ большинство человечества подчиняется скорѣе своимъ склонностямъ, чѣмъ чувству долга. Кромѣ того, только мало развитой человѣкъ можетъ принимать добро отъ всякаго, не задаваясь вопросомъ о томъ, дѣлается ли это добро подъ вліяніемъ симпатіи или изъ чувства долга. Но человѣкъ болѣе высокой культуры не приметъ услугъ, сдѣланныхъ не отъ добраго сердца, а по одному чувству долга. Часто даже приходится скрывать свои внутреннія побужденія, для того, чтобы не покоробить щепетильности того, для котораго совершается нравственный поступокъ. Эти примѣры сокрытія внутреннихъ побужденій, кромѣ того, показываютъ, что на практикѣ невозможно судить о поступкахъ на основаніи намѣреній, вызвавшихъ ихъ.

Въ виду того, что такъ часто невозможно бываетъ рѣшить, зависитъ ли альтруистическій поступокъ отъ добраго чувства или отъ чувства долга, всего лучше совершенно отказаться отъ оцѣнки внутренняго побужденія нравственныхъ поступковъ.

Кантъ и самъ чувствовалъ потребность найти какое-нибудь другое средство для опредѣленія достоинства человѣческаго поведения.

Какъ всѣмъ извѣстно, онъ остановился на слѣдующей формулѣ: «*Дѣйствуй такъ, чтобы принципъ твоей воли всегда могъ служить одновременно основаніемъ всемірнаго законодательства*» ²⁾.

Приведу нѣсколько наглядныхъ примѣровъ для того, чтобы сдѣлать это положеніе болѣе удобопонятнымъ.

Человѣкъ, не имѣющій денегъ и возможности заплатить свой долгъ, спрашиваетъ себя, слѣдуетъ ли ему, несмотря на это, обѣщать заимодавцу вернуть занятое. Примѣняя теорію *Канта*, онъ долженъ такъ поставить вопросъ: къ чему бы привело такое обѣщаніе, если бы всѣ постоянно дѣлали его? Ясно, что если бы такія ложныя обѣщанія стали общераспространенными, никто больше не довѣрялъ бы имъ и они сдѣлались бы, слѣдовательно, непримѣнимыми въ практической жизни. Итакъ, формула *Канта* даетъ раціональную основу для обозначенія этихъ поступковъ безнравствен-

¹⁾ Revue philosophique, 1888 г., № 7, стр. 1.

²⁾ Grundlegung zur Metaphysik der Sitten.

ными. То же касается и кражи. Если бы стало общепринятымъ, чтобы всѣ брали себѣ все, что вздумается, собственность исчезла бы и кража вмѣстѣ съ нею.

Самоубійство по *Канту* — также безнравственный поступокъ, потому что если бы оно стало общераспространеннымъ, то родъ человѣческій пресѣкся бы.

Но *Кантъ* имѣетъ въ виду только одну сторону задачи. Нравственное поведеніе очень часто должно быть ограничено и не можетъ распространяться на все человѣчество.

Такъ, напримѣръ, если бы кто-нибудь, жаждущій принести себя въ жертву для блага ближнихъ, захотѣлъ оцѣнить свой поступокъ на основаніи формулы *Канта*, онъ долженъ былъ бы вывести то же заключеніе, какъ и относительно самоубійства: если бы всѣ жертвовали жизнью для другихъ, то въ концѣ-концовъ никто не остался бы въ живыхъ. Слѣдовательно, принесеніе жизни въ жертву другихъ — безнравственный поступокъ, и т. п.

Ясно, что *Кантъ* въ поискахъ за раціональной основой нравственности нашелъ только ея внѣшнюю форму, въ которой отсутствуетъ внутреннее содержаніе нравственности.

Для нравственного человѣка недостаточно руководствоваться однимъ сознаніемъ чувства долга, — ему необходимо еще и знать, къ какому результату привести его поступки.

Если безнравственно дѣлать ложныя обещанія, то это потому, что никто не будетъ болѣе довѣрять имъ. А между тѣмъ довѣріе необходимо для блага людей.

По формулѣ *Канта* воровство порицаемо, потому что, ставши общераспространеннымъ, оно сдѣлаетъ собственность невозможной. Послѣдняя же, вообще говоря, составляетъ благо для людей.

Самоубійство противорѣчитъ принципамъ *Канта*, потому что оно привело бы къ пресѣченію рода человѣческаго. Жизнь же есть благо, котораго не слѣдуетъ растрачивать.

Несмотря на всѣ старанія *Канта* обосновать свою теорію раціональной нравственности помимо понятія объ общемъ благѣ, ему не удалось устранить послѣдняго. Возводя въ принципъ сознаніе долга, «практическій разумъ» долженъ указать цѣль, къ которой слѣдуетъ направлять нравственную дѣятельность.

Представленія *Канта* на этотъ счетъ весьма неопредѣленны, но тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ очень интересны и о нихъ слѣдуетъ упомянуть. Сознаніе долга составляетъ волю нравственного поведенія. Воля эта не должна быть ограничена данными условіями. *Кантъ* выражается на этотъ счетъ въ слѣдующей обычной для него туманной формѣ: «посредствомъ разума мы сознаемъ законъ,

которому подчинены всё наши принципы, какъ будто наша воля должна породить естественный порядокъ вещей».

Итакъ, разница между законами природы, которой *подчинена воля*, и законами природы, *подчиненной воли*, заключается въ слѣдующемъ: въ первомъ случаѣ объекты вызываютъ представленія, которыя опредѣляютъ волю; во второмъ же — воля вызываетъ объекты; опредѣляющее начало причинности воли заключается исключительно въ свойствѣ чистаго разума. Поэтому послѣдній можетъ быть также обозначенъ, какъ практическій чистый разумъ (*Kritik d. praktischen Vernunft*).

Насколько я могу понять мысль *Канта*, онъ полагаетъ, что раціональная этика не должна сообразоваться съ человѣческой природой въ ея настоящемъ видѣ. Быть можетъ, дозвоительно даже истолковать мысль *Канта* въ такомъ смыслѣ, будто онъ предугадалъ, что нравственная воля въ состояніи видоизмѣнить природу, подчинивъ ее своимъ собственнымъ законамъ.

Въ противоположность этой мысли нѣкоторые критики *Канта* захотѣли усовершенствовать его теорію нравственности, согласуя ее съ человѣческой природой въ ея настоящемъ видѣ. Мысль эта была очень ясно выражена *Ваширô*¹⁾. Онъ прежде всего настаиваетъ на томъ, что *Кантъ* «не понималъ существеннаго значенія... объекта нравственнаго закона. Задачѣ этой, исключительно занимавшей всё школы древности подъ именемъ *высшаго блага*, отведено только случайное мѣсто въ теоріи *Канта*. Онъ все-таки признаетъ, что не вся цѣль человѣка въ одномъ долгѣ и что слѣдуетъ включить сюда и счастье» (стр. 316).

Но что такое счастье, служащее мѣриломъ дѣятельности людской? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, *Ваширô* становится на точку зрѣнія философовъ древности, о которыхъ было подробно говорено въ «Этюдахъ о природѣ человѣка». Только онъ выражается точнѣе ихъ.

«Въ чемъ заключается благо для какого бы то ни было существа?» спрашиваетъ онъ. Въ исполненіи его цѣли. Въ чемъ же цѣль существа? Просто въ развитіи его природы. «Примѣните этотъ методъ къ человѣку и къ нравственности. Познакомившись съ человѣческой природой посредствомъ наблюденія и анализа, можно вывести отсюда его цѣль; добро, слѣдовательно, — законъ человѣческій. Понятіе о добрѣ неизбѣжно влечетъ за собой понятіе обязательности, долга и закона, которому должна подчиниться воля. Все, слѣдовательно, сводится къ познанію человѣка, но къ полному познанію

¹⁾ *Vacherot. Essais de philosophie critique. Paris, 1864 г.*

его, особенно къ знакомству съ его свойствами, чувствами, наклонностями, присущими ему и отличающими его отъ животныхъ»... (стр. 319).

Выводъ этого ученія слѣдующій: «Развивать всѣ свойства нашей природы, подчиняя всегда тѣ, которыя служатъ только средствами, органами, тѣмъ, совокупность которыхъ составляетъ настоящую цѣль человѣка; таковъ настоящій порядокъ маленькаго мірка, называемаго жизнью человѣческой! Такова ея цѣль и законъ. Эта формула выражаетъ въ наиболѣе научной и наименѣе спорной формѣ уже старую истину, основу всей нравственности и руководство ко всѣмъ ея примѣненіямъ. При поискахъ за опредѣленіемъ справедливости, долга, добродѣтели надо вглядываться въ этотъ міръ, а не подыматься выше и не спускаться ниже его» (*Vacherot*, стр. 301).

Къ такому же заключенію приходитъ болѣе поздній критикъ *Канта*, проф. *Паульсенъ* ¹⁾. Онъ думаетъ, что *Канту* слѣдовало слѣдующимъ образомъ видоизмѣнить свою формулу: «Этические законы должны быть такими правилами, которыя могутъ служить естественнымъ законодательствомъ человѣческой жизни. Другими словами, это—правила, которыя, управляя поведеніемъ какъ законъ природы, имѣли бы въ результатъ сохраненіе и высшее развитіе человѣческой жизни».

Итакъ, съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣли на задачу нравственности, мыслители всегда приходятъ къ подчиненію поведенія законамъ человѣческой природы.

Современный намъ авторъ *Сутерландъ* ²⁾ примѣняетъ къ задачамъ нравственности научный методъ и опредѣляетъ ее, какъ поведеніе, руководимое разумной симпатіей. Эта симпатія не должна приносить въ жертву большее благо другихъ въ пользу менѣе важнаго, хотя и болѣе непосредственнаго блага. Такъ, мать можетъ сочувствовать своему ребенку, когда онъ принужденъ принять невкусное лѣкарство; но если симпатія ея разумна, она не удовлетворяетъ ея во вредъ здоровью ребенка (стр. 499).

Въ этомъ примѣрѣ симпатія должна быть подчинена требованію медицины. Вообще нравственное поведеніе всегда должно быть руководимо разумомъ, на чемъ бы ни было основано это поведеніе: будь то симпатія или чувство долга. Вотъ почему нравственность слѣдуетъ основывать на научныхъ данныхъ.

¹⁾ System der Ethik, 7 и 8-ое изданіе, т. I, стр. 199. Берлинъ, 1906 г.

²⁾ Происхожденіе и развитіе нравственности (рус. перев. 1899 г.).

III.

Личная нравственность.—Исторія двухъ братьевъ, воспитанныхъ при одинаковыхъ условіяхъ, но поведеніе которыхъ было совершенно различно.—Позднее развитіе чувства жизни.—Развитіе симпатіи.—Роль эгоизма въ нравственномъ поведеніи.—Христіанская нравственность.—Нравственность *Герберта Спенсера* — Опасность преувеличенія альтруизма.

Хотя нравственное поведеніе относится, главнымъ образомъ, къ взаимному отношенію людей, тѣмъ не менѣе существуетъ и личная нравственность. Такъ какъ послѣдняя всего проще, то съ нея и слѣдуетъ начать изученіе раціональной этики.

Когда человѣкъ, въ погонѣ за личнымъ счастьемъ, безконтрольно предается своимъ склонностямъ, это поведеніе его часто становится, по общепринятому понятію, безнравственнымъ. Слѣдуя своей природѣ, человѣкъ можетъ стать лѣнтяемъ и пьяницей. Лѣнь его, быть можетъ, зависитъ отъ какихъ-нибудь неправильностей кровообращенія мозга и кажется такой же естественной, какъ и потребность предаваться пьянству для человѣка, которому спиртные напитки доставляютъ удовольствіе и веселье. Почему же безнравственны лѣнь и пьянство? Потому ли, что они мѣшаютъ «полной и широкой жизни» по формулѣ *Герберта Спенсера*? Но именно ею оправдываютъ сторонники этой теоріи всякія излишества, безъ которыхъ полнота и широта жизни имъ кажутся невозможными.

Несмотря на то, что такіе пороки, какъ лѣнь и пьянство, тѣсно связаны со свойствами человѣческой природы, они безнравственны, потому что мѣшаютъ завершенію цикла идеальнаго человѣческаго существованія.

Я очень близко зналъ двухъ братьевъ, почти однихъ лѣтъ, воспитанныхъ подъ одинаковыми вліяніями и въ одной и той же средѣ. Тѣмъ не менѣе ихъ вкусы и поведеніе были очень различны. Старшій братъ, несмотря на очень большой умъ, будучи въ гимназіи, главнымъ образомъ любилъ упражнять свою мускульную силу и развивать свои склонности ко всевозможнымъ удовольствіямъ.

Такъ какъ цѣль жизни въ счастіи, говорилъ онъ, то слѣдуетъ какъ можно болѣе идти ему навстрѣчу.

Поэтому онъ безустанно посѣщалъ такія мѣста, гдѣ можно было всего лучше веселиться. Источниками наслажденія служили ему карты, вкусная їда и женщины.

Благодаря необыкновеннымъ способностямъ, онъ выдерживалъ экзамены, почти не работая.

Его нисколько не соблазнялъ примѣръ младшаго брата, вѣчно погруженнаго въ книги.

«Ты находишь счастье въ ученіи,—говорилъ онъ;—это твое

дѣло. Я же терпѣть не могу книгъ и счастливъ лишь тогда, когда веселюсь. Всякій долженъ идти по своей собственной дорогѣ для достиженія цѣли жизни». Въ результатѣ поведения старшаго брата здоровье его сильно пошатнулось.

Онъ умеръ 56-ти лѣтъ отъ болѣзни сосудистой системы, вполне сознавая себя погибшимъ.

Онъ былъ очень несчастенъ въ послѣдніе годы, такъ какъ у него въ высшей степени сильно развилось чувство жизни. Онъ погибъ жертвой своего невѣдѣнія, потому что въ юности не подозревалъ, что настоящее чувство жизни развивается поздно и въ старости становится гораздо сильнѣе, чѣмъ въ молодости.

Братъ его точно такъ же не зналъ этой истины; но, поглощенный научными занятіями, онъ держался въ сторонѣ отъ обычныхъ юношескихъ развлеченій и велъ умѣренный образъ жизни.

Благодаря такому поведенію, онъ оставался полнымъ силъ и бодрости въ то время, когда его бѣдный старшій братъ сталъ уже развалиной.

Я привожу этотъ примѣръ не для того, чтобы лишній разъ повторить всѣмъ извѣстную истину, что умѣренность приводитъ къ лучшей старости, чѣмъ неумѣренность, а для того, чтобы отмѣтить значеніе знанія эволюціи жизненнаго инстинкта въ теченіе индивидуальнаго развитія. Дѣйствительно, понятіе это еще очень мало распространено.

Я присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ жизни моего старшаго брата. Сорокапятилѣтній братъ мой, чувствуя приближеніе смерти отъ гнойнаго зараженія, сохранилъ полную ясность своего большого ума. Пока я сидѣлъ у его изголовья, онъ сообщалъ мнѣ свои размышленія, преисполненныя величайшимъ позитивизмомъ. Мысль о смерти долго страшила его. «Но такъ какъ всѣ мы должны умереть», то онъ кончилъ тѣмъ, что «примирился, говоря себѣ, что въ сущности между смертью въ 45 лѣтъ или позднѣе—лишь одна количественная разница».

Это размышленіе, облегчившее страданіе моего брата, не соответствуетъ, однако, дѣйствительности. Чувство жизни очень различно въ разные возрасты, и человѣкъ, продолжающій жить нормально послѣ 45 лѣтъ, испытываетъ много ощущеній, раньше неизвѣстныхъ ему.

Душевная эволюція въ старости совершаетъ значительный шагъ впередъ.

Даже не принимая гипотезы инстинкта естественной смерти, завершающаго нормальную жизнь, нельзя отрицать того, что молодость—только подготовительная ступень и что лишь въ извѣстномъ

возрастѣ душа достигаетъ своего полнаго развитія. Признаніе это должно составлять основной принципъ науки жизни и руководить педагогіей и практической философій.

Итакъ, личная нравственность заключается въ такомъ поведеніи, при которомъ можетъ совершиться нормальный циклъ жизни, приводящій къ возможно полному чувству удовлетворенія, которое достижимо только въ преклонномъ возрастѣ. Вотъ почему мы въ правѣ назвать безнравственнымъ человѣка, который въ молодости растрачиваетъ здоровье и силы и этимъ лишаетъ себя возможности ощутить величайшее удовлетвореніе жизнью.

Человѣкъ не можетъ существовать вполне изолированнымъ въ природѣ. Рождается онъ слабымъ и безпомощнымъ и поэтому долженъ быть связаннымъ съ существомъ, питающимъ и защищающимъ его. Хотя ребенокъ эгоистиченъ, но онъ привязывается къ своему покровителю, и такимъ образомъ возникаетъ чувство симпатіи. Подъ руководствомъ послѣдняго, а также вслѣдствіе сознанія собственного интереса, ребенокъ рано начинаетъ упражнять свою волю для обузданія нѣкоторыхъ, однако вполне естественныхъ, инстинктовъ. Такъ, боязнь лишиться пищи заставляетъ его слушаться своихъ покровителей. Слѣдовательно, даже ребенокъ не можетъ совершить своего нормальнаго цикла, не придерживаясь извѣстнаго нравственнаго поведенія.

Достигнувъ молодости и половой зрѣлости, человѣкъ ощущаетъ потребность сближенія съ лицомъ другого пола. Потребность эта налагаетъ на него извѣстныя обязанности. Несмотря на то, что любовь юноши менѣе эгоистична, чѣмъ привязанность ребенка, она тѣмъ не менѣе далеко не носитъ характера самоотверженности и самопожертвованія.

Молодая женщина, пройдя школу жизни совмѣстно съ матерью и мужемъ, въ свою очередь становится матерью. Материнскій инстинктъ подсказываетъ ей нѣкоторыя правила поведенія, но этого естественнаго инстинкта недостаточно для достиженія цѣли, т.-е. для воспитанія ребенка до поры, когда онъ сдѣлается самостоятельнымъ. Руководимая чувствомъ симпатіи къ своимъ дѣтямъ, молодая мать слѣдуетъ совѣтамъ болѣе опытныхъ женщинъ, чтобы оградить своихъ дѣтей отъ грозившихъ опасностей. Въ теченіе первыхъ годовъ жизни нравственное поведеніе матери почти исключительно сводится къ физическому уходу за ребенкомъ. Для этого она должна пріобрѣтать многочисленныя и разнообразныя свѣдѣнія. Если она этого не дѣлаетъ, то мы въ правѣ обозначить ея поведеніе безнравственнымъ.

Нравственная задача сравнительно проста, когда дѣло идетъ о

воспитаніи маленькаго ребенка: всѣ сходятся на томъ, что главнымъ образомъ при этомъ слѣдуетъ стремиться вырастить его и сохранить ему сколь возможно хорошее здоровье. Если ребенокъ рано обнаруживаетъ привычки, идущія въ разрѣзъ съ этой цѣлью, какъ, напримѣръ, онанизмъ, то слѣдуетъ всячески бороться съ этимъ, не останавливаясь передъ теоріей, по которой счастье состоитъ въ удовлетвореніи всѣхъ потребностей нашей природы.

Но когда ребенокъ прошелъ первый, столь опасный возрастъ, то передъ матерью возникаетъ вопросъ о цѣли дальнѣйшаго воспитанія. Она естественно желаетъ, чтобы ребенокъ ея былъ сколь возможно счастливъ. Здѣсь-то и будетъ ей полезно понятіе объ *ортобіозѣ*. Оно научитъ ее, что величайшее счастье заключается въ нормальной эволюціи чувства жизни, приводящаго къ спокойной старости и, наконецъ, къ чувству насыщенія жизнью.

Проходя науку жизни съ самаго рожденія, сначала совмѣстно со своими покровителями, а затѣмъ съ лицомъ другого пола, человѣкъ этимъ самымъ пріобрѣтаетъ уже нѣкоторые элементы, необходимые для общественной жизни. Убѣжденіе въ неизбѣжности помощи себѣ подобныхъ для достиженія цѣлей личной жизни заставляетъ его сначала въ виду собственнаго интереса сдерживать свои противообщественные инстинкты. Въ доказательство этого приведу нѣсколько примѣровъ.

При извѣстной степени культурности человѣку всего чаще становится невозможнымъ удовлетворять всѣмъ своимъ матеріальнымъ нуждамъ, не прибѣгая къ помощи людей, менѣе его развитыхъ въ умственномъ отношеніи. Онъ беретъ одну или нѣсколько прислугъ, съ которыми входитъ въ болѣе или менѣе тѣсныя сношенія. Онъ желаетъ для себя и своихъ близкихъ нормальной жизни, охарактеризованной нами въ «Этюдахъ о природѣ человѣка». Въ виду этого, въ интересахъ его самого и семьи, необходимо особенно гуманное отношеніе къ прислугѣ. Здоровье господъ очень часто связано съ поведеніемъ прислуги. Она должна жить въ хорошихъ условіяхъ для того, чтобы имѣть возможность добросовѣстно слѣдовать предписаніямъ гігіены. Обыкновенно хозяева занимаютъ роскошныя помѣщенія, предоставляя прислугѣ терпѣть неудобства въ верхнихъ этажахъ большихъ домовъ. Это безнравственно съ точки зрѣнія блага самихъ хозяевъ. Верхніе этажи, въ которыхъ помѣщается прислуга, — очагъ всякихъ инфекцій, распространяющихся отсюда въ квартиры хозяевъ.

Часто лица, повидимому, слѣдующія утонченной гігіенѣ, схватываютъ болѣзни, не подозревая, что онѣ исходятъ отъ собственной прислуги.

Возьмемъ другой примѣръ, а именно — гнѣвъ. Онъ безспорно вреденъ для здоровья и поэтому долженъ быть обуздываемъ въ интересахъ лица, имѣющаго склонность приходить въ гнѣвное состояніе. Сильный гнѣвъ часто вызываетъ разрывъ сосудовъ, сахарную болѣзнь, а иногда даже развитіе катаракты.

Какъ воѣмъ извѣстно, привычки роскоши часто вредны для здоровья. Пресыщающіе обѣды, безсонныя ночи, проведенныя въ театрѣ, на балахъ и т. д., способны глубоко нарушить правильную дѣятельность органовъ. Съ другой стороны, роскошь однихъ часто основана на нищетѣ другихъ.

Увѣренность въ томъ, что роскошная жизнь укорачиваетъ существованіе и мѣшаетъ человѣку достигъ величайшаго удовлетворенія, будетъ гораздо дѣйствительнѣе противъ роскоши, чѣмъ призывъ къ чувствамъ симпатіи.

Въ виду того, что громадное большинство людей въ жизни руководствуется, главнымъ образомъ, эгоизмомъ, всякая нравственная теорія, имѣющая претензію примѣненія на практикѣ, должна очень считаться съ этимъ обстоятельствомъ. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что другія нравственныя системы также всегда прибѣгали къ этому двигателю. Въ нагорной проповѣди, резюмирующей христіанскую нравственность, всякій этический поступокъ имѣетъ въ виду награду или избѣжаніе наказанія.

«Радуйтесь и веселитесь, — сказалъ *Иисусъ Христосъ* (Мат., V, 12), — ибо мзда ваша велика на небесахъ». «Не творите милостыню передъ людьми, дабы они не видѣли васъ: не получите бо награды отъ отца вашего небеснаго» (id., VI, 1). «Пусть милостыня твоя будетъ тайной. И отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно» (id., VI, 4). «Не судите, да не судимы будете» (VII, 1). «Если не прощаете врагамъ своимъ, то и прощены не будете» (VI, 15). Изъ этого видно, что *Иисусъ Христосъ* не былъ высокаго мнѣнія о человѣческомъ альтруизмѣ.

Въ своемъ сочиненіи о нравственности *Гербертъ Спенсеръ* (*The Data of Ethics*) настаиваетъ на томъ, что для практическаго примѣненія правила нравственности мы не должны требовать слишкомъ многого отъ человѣка; иначе даже наилучшее ученіе останется мертвой буквой. Онъ, однако, полагаетъ, что въ будущемъ человѣчество настолько усовершенствуется, что поведеніе станетъ, безъ всякаго принужденія, такъ сказать, инстинктивно, нравственнымъ. Англійскій философъ представляетъ себѣ будущее человѣчество совершенно обратно идеалу *Канта*. Онъ полагаетъ, что міръ будетъ населенъ вовсе не людьми, переполненными чувствомъ долга, противнаго эгоистическимъ наклонностямъ человѣка, а людьми, которые

будутъ нравственны по «склонности», что составитъ истинную прелесть жизни.

Идеаль этотъ такъ далекъ отъ дѣйствительности, что трудно составить себѣ понятіе о порядкѣ вещей при его исполненіи. Весьма вѣроятно, что міръ вовсе не былъ бы такъ прелестенъ, если бы былъ населенъ одними людьми со слишкомъ развитыми чувствами симпатіи. Послѣдняя большею частью является реакціей противъ какого-нибудь великаго зла. Когда же само зло исчезнетъ, то она можетъ стать не только бесполезной, но даже стѣснительной и вредной.

Джорджъ Элиотъ въ одномъ изъ своихъ лучшихъ романовъ, *Миддлмарчъ*, описываетъ душевное состояніе молодой женщины, восторженно стремящейся дѣлать добро ближнимъ. Собираясь поселиться въ деревнѣ, она мечтаетъ помогать тамъ бѣднымъ. Ея огорченіе и разочарованіе велики, когда оказывается, что жители деревни вполне обеспечены и нисколько не нуждаются въ ея благотворительности.

Д. С. Милль ¹⁾ рассказываетъ въ своихъ «воспоминаніяхъ», что въ молодости онъ мечталъ преобразовать общество съ цѣлью достиженія всеобщаго блага. Но когда онъ спросилъ себя, будетъ ли онъ самъ счастливъ выполненіемъ своихъ прекрасныхъ проектовъ, то внутренній голосъ явно отвѣтилъ ему: «нѣтъ». Отвѣтъ этотъ погрузилъ молодого философа въ самое печальное душевное состояніе, которое онъ описывалъ слѣдующимъ образомъ: «Я обмеръ, рушилось все, что поддерживало меня въ жизни. Все мое счастье должно было заключаться въ непрерывномъ преслѣдованіи этой цѣли. Очарованіе было нарушено; какъ могъ я интересоваться средствами, ставши равнодушнымъ къ цѣли? Мнѣ больше нечему было посвятить свою жизнь» (стр. 128).

Такъ такъ несомнѣнно, что съ прогрессомъ цивилизаціи великія бѣдствія челоуѣчества должны будутъ уменьшиться, а, быть можетъ, даже и вовсе исчезнуть, то и жертвы, направленные противъ нихъ, также должны будутъ уменьшиться. Такъ, героизмъ врачей, въ былое время шедшихъ ухаживать за чумными, сдѣлалось теперь гораздо болѣе рѣдкимъ, съ тѣхъ поръ какъ въ противочумной сывороткѣ мы имѣемъ вѣрное предохранительное средство отъ этого бича. Еще недавно врачи рисковали жизнью, осматривая горло дифтеритныхъ больныхъ. Помню печальный примѣръ этому: выдающійся молодой врачъ, полный будущности, при этихъ условіяхъ схватилъ дифтеритъ и умеръ отъ него. Онъ съ благороднѣйшимъ героизмомъ

¹⁾ Mes mémoires, франц. перев., 1903 г.

выполнять свою обязанность и умереть въ полномъ сознаніи, изолированный отъ близкихъ ему людей, чтобы не заразить ихъ.

Со времени открытія противодифтеритной сыворотки такому героизму нѣтъ больше мѣста. Успѣхъ, достигнутый наукою, въ то же время устранилъ надобность въ подобныхъ жертвахъ.

Самопожертвованіе при тушеніи пожаровъ сдѣлалось болѣе рѣдкимъ съ тѣхъ поръ, какъ стали строить болѣе огнеупорныя зданія и усовершенствовали способъ борьбы противъ огня.

Изобрѣтеніе безпроводнаго телеграфа, уменьшивъ опасность отъ кораблекрушеній, тѣмъ самымъ устранило необходимость самопожертвованія при спасаніи рискующихъ утонуть. Можно надѣяться, что примѣръ необыкновеннаго геройства, обнаруженнаго нѣкоторыми пассажирами при гибели парохода «Titanic», не возобновится болѣе въ виду усовершенствованій кораблестроенія и мореплаванія, сдѣланныхъ послѣ этой ужасной катастрофы.

Давно ужъ сталъ излишнимъ героизмъ, поднявшій руку Авраама для жертвоприношенія единственнаго сына во имя вѣры. Человѣческія жертвы, требовавшія проявленія высочайшей нравственности, становятся все рѣже и, вѣроятно, въ концѣ-концовъ совсѣмъ исчезнутъ.

Рациональная нравственность, преклоняясь передъ такимъ поведеніемъ, можетъ, однако, болѣе не считаться съ нимъ. Она въ правѣ даже предвидѣть время, когда люди достигнутъ такой степени совершенства, что вмѣсто удовольствія отъ пользованія симпатіей ближняго они будутъ положительно отвергать ее.

Итакъ, въ будущемъ осуществится не *кантовскій* идеаль добродѣтельныхъ людей, дѣлающихъ добро по чувству долга, и не *спенсеровскій* идеаль людей, ощущающихъ инстинктивную потребность помогать ближнимъ. Будущее человѣчество скорѣе осуществитъ идеаль самопомощи, когда люди не станутъ болѣе допускать, чтобы ихъ благодѣтельствовали.

IV.

Человѣческая природа должна быть видоизмѣнена сообразно извѣстному идеалу.—Сравненіе съ измѣненіемъ въ природѣ растений и животныхъ.—Шлашtedтская роза.—Растенія, культивированныя *Бербанкомъ*.—Идеаль ортобіоза.—Безнравственность невѣжества.—Роль гигиены въ общественной жизни.—Мѣсто альтруизма въ нравственномъ поведеніи.—Отсутствіе метафизическихъ воззрѣній въ теоріи ортобіоза.

Какъ было изложено въ «Этюдахъ о природѣ человѣка», рациональная нравственность не можетъ быть основана на человѣческой природѣ въ ея настоящемъ видѣ, который есть результатъ

долгой эволюціи, гдѣ животная сторона занимаетъ значительное мѣсто. Человѣчество не должно болѣе считать идеаломъ гармоническое функционированіе всѣхъ органовъ, этотъ идеалъ древности, переданный нашимъ временамъ. Не зачѣмъ вызывать къ дѣятельности такіе органы, которые находятся на пути къ атрофіи, и многіе естественные признаки, быть можетъ, полезные животному, должны исчезнуть у человѣка.

Человѣческая природа, способная къ измѣненіямъ точно такъ же, какъ и природа организмовъ вообще, должна быть видоизмѣнена сообразно опредѣленному идеалу.

Садовникъ или скотоводъ не останавливаются передъ данной природой занимающихъ ихъ растений или животныхъ, но видоизмѣняютъ ее сообразно надобности. Точно такъ же и ученый философъ не долженъ смотрѣть на современную человѣческую природу какъ на нѣчто неизбѣжное, а долженъ стремиться измѣнить ее ко благу людей.

Въ виду того, что хлѣбъ составляетъ главную пищу человѣка, давно уже стараются усовершенствовать природу злаковъ. *Римпай* (*Rimpai*) достигъ большого успѣха въ этомъ направленіи введеніемъ въ употребленіе разновидности ржи, извѣстной подъ именемъ «Шланштедтской», которая довольно распространена во Франціи и Германіи.

Римпай задался цѣлью произвести такую разновидность, колосъ которой были бы сколь возможно длинными и толстыми, съ многочисленными крупными и тяжелыми зернами. Намѣтивъ себѣ эту цѣль, онъ сталъ среди очень большого количества ржи выискивать колосъ, всего ближе подходящій къ его идеалу. Благодаря терпѣливому и продолжительному труду, при помощи разумнаго подбора и скрещиванія, ему удалось создать новую разновидность и этимъ принести большую пользу человѣку.

Современный американскій агрономъ *Бѣрбанкъ* ¹⁾ (*Burbank*) приобрѣлъ большую извѣстность усовершенствованіемъ породъ полезныхъ растений. Онъ создалъ новый видъ картофеля, увеличившій въ Соединенныхъ Штатахъ доходы съ этого клубня на 85 милліоновъ франковъ въ годъ.

Въ обширномъ имѣніи *Бѣрбанкъ* культивируетъ множество фруктовыхъ деревьевъ, цвѣтовъ и разныхъ растений съ цѣлью увеличенія ихъ пользы для человѣка. Онъ ставитъ себѣ идеаломъ воспитать растенія, выносящія засуху, усиленно размножающіяся и представляющія всякія другія выгоды. Онъ настолько видоизмѣ-

¹⁾ *De Vries*. „Biologisches Centralblatt“, 1906 г., I, стр. 609.

няетъ природу растеній, что у него кактусъ и ежевика растутъ безъ шиповъ. Сочные листья перваго становятся отличной пищею для скота, а вторая приноситъ вкусныя ягоды, которыя можно безъ уколовъ легко срывать.

Бёрбанкъ усовершенствовалъ культуру сливъ безъ косточекъ и такъ увеличилъ урожай клубней гладиолуса и амариллиса, что эти красивыя растенія стали доступными для людей съ самыми скромными средствами.

Результаты эти потребовали глубокихъ знаній и очень продолжительнаго времени. Чтобы видоизмѣнить природу растеній, надо было прежде хорошо узнать ее. Для того, чтобы установить идеаль видоизмѣннаго растенія, надо не только опредѣлить цѣль этого, но, кромѣ того, выяснитъ себѣ вопросъ о томъ, позволятъ ли особенности растенія осуществить предположенный идеаль.

Методы, пригодныя для растеній и животныхъ, должны быть вполне измѣнены въ приложеніи къ человѣку. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о подборѣ и скрещиваніяхъ, примѣнимыхъ ко ржи и сливамъ. Но мы все же въ правѣ составить себѣ идеаль человеческой природы, къ которому человечеству слѣдовало бы стремиться.

Я думаю, что идеаль этотъ заключается въ *ортобіозѣ*, т.-е. въ развитіи человѣка съ цѣлью достигъ долгой, дѣятельной и бодрой старости, приводящей, въ конечномъ періодѣ, къ развитію чувства насыщенія жизнью и къ желанію смерти.

Дѣло вовсе не только въ томъ, чтобы какъ можно болѣе продлить жизнь, какъ думаетъ *Гербертъ Спенсеръ*.

Когда инстинктъ смерти наступаетъ не въ очень преклонномъ возрастѣ, какъ это случилось, напримѣръ, у тетюшки *Брилла Саварэна* (*Brillat Savarin*) на 93 году, то никто не мѣшаетъ сократить жизнь, если смерть медлитъ наступить послѣ появленія этого инстинкта.

Это, быть можетъ, единственный примѣръ самоубійства, оправдываемый идеаломъ ортобіоза.

Такой поступокъ былъ бы сообразенъ съ идеаломъ, хотя шелъ бы наперекоръ сложившейся человеческой природѣ.

Другой примѣръ такого противорѣчія представляетъ намъ размноженіе. Человѣкъ произошелъ отъ животныхъ, для которыхъ сколь возможно безграничное воспроизведеніе въ высшей степени важно въ виду сохраненія вида. Имъ возмѣщаются всякія вредныя вліянія, какъ болѣзни, борьба, преслѣдованіе врагами, перемѣна климата и т. д.

Хотя по законамъ природы человѣкъ въ состояніи очень сильно

размножаться, однако идеаль его благоденствія требуетъ ограниченія плодovitости. Поэтому ортобіозъ, основанный на знаніи чело-вѣческой природы, предписываетъ ограниченіе этого вполне есте-ственного отравленія.

Мѣра эта, неизбѣжная уже и теперь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, должна будетъ распространиться по мѣрѣ новыхъ усилій борьбы противъ болѣзней, а также по мѣрѣ удлиненія жизни и сокраще-нія войнъ. Она будетъ однимъ изъ главныхъ средствъ уменьшенія грубыхъ приемовъ борьбы за существованіе и развитія нравствен-наго поведенія людей.

Полобно тому, какъ для осуществленія своего идеала *Римпау* и *Бёрбанкъ* прежде всего должны были хорошо ознакомиться съ природой растений, такъ точно идеаль нравственного поведенія прежде всего требуетъ разнообразнаго и глубокаго знанія.

Для этого недостаточно знать строеніе и функціи чело-вѣческой машины: надо еще имѣть точныя свѣдѣнія объ общественной жизни чело-вѣка.

Научное образованіе такъ необходимо для нравственного пове-денія, что невѣжество слѣдуетъ отнести къ наиболѣе безнравствен-нымъ явленіямъ.

Мать, по невѣжеству воспитывающая своего ребенка противъ правилъ гигіены, ведетъ себя безнравственно относительно своего потомства, несмотря на свои чувства симпатіи.

То же самое можно сказать и относительно правительства, игнорирующаго законы, которые управляютъ жизнью чело-вѣка и общества.

Понятно, дѣло здѣсь идетъ не объ одной доктринальной наукѣ, заключенной въ руководствахъ и въ книгахъ. Не въ учебникахъ ботаники почерпнули *Римпау* и *Бёрбанкъ* всѣ свои знанія.

Помимо книгъ, для хорошаго управленія поведеніемъ людей необходимы широкія познанія о практической жизни чело-вѣка. Врачъ, только что окончившій медицинскій факультетъ, несмотря на всю свою науку, еще недостаточно подготовленъ для врачебной практики. Для этого ему необходима многолѣтняя привычка лѣчить больныхъ.

То же самое относится и къ практическому примѣненію нрав-ственныхъ принциповъ. Управленіе поведеніемъ требуетъ глубокихъ теоретическихъ и практическихъ знаній. Вотъ почему люди, выбран-ные для выработки и примѣненія такихъ правилъ, должны соответ-ствовать этому требованію.

Если бы когда-нибудь люди стали жить по правиламъ орто-біоза, то пришлось бы ввести значительныя видоизмѣненія въ дѣя-тельность людей различныхъ возрастовъ.

Старость была бы настолько отодвинута, что шестидесяти и семидесятилѣтніе люди сохранили бы еще полнѣйшую бодрость и не были бы вынуждены прибѣгать къ чужой помощи, какъ мы это видимъ теперь во многихъ странахъ.

Съ другой стороны, молодые люди, достигшіе двадцати одного года, не считались бы зрѣлыми и способными принимать участие въ столь трудныхъ дѣлахъ, какъ общественныя. Мнѣніе, высказанное въ «Этюдахъ о природѣ человѣка» относительно опасности вмѣшательства слишкомъ молодыхъ людей въ политическія дѣла, съ тѣхъ поръ подтвердилось самымъ поразительнымъ образомъ.

Въ виду этого легко понять, что современные кумиры, какъ всеобщая подача голосовъ, общественное мнѣніе и референдумъ, при которыхъ невѣжественная масса призвана рѣшать вопросы, требующіе разнообразныхъ и глубокихъ знаній, удержатся не болѣе кумировъ древности.

Успѣхъ человѣческихъ знаній вызоветъ замѣну этихъ учрежденныхъ другими, гдѣ управление прикладной нравственностью перейдетъ въ руки дѣйствительно компетентныхъ лицъ. Слѣдуетъ думать, что въ тѣ времена научное образованіе будетъ болѣе распространено, чѣмъ теперь, и что оно займетъ достойное его мѣсто въ воспитаніи и въ жизни.

Вполнѣ очевидно, что мать должна получить соответственное образованіе для того, чтобы поведеніе ея было нравственнымъ по отношенію къ ребенку. Въмѣсто изученія міеологіи или ненужныхъ грамматическихъ правилъ она должна будетъ изучать гигиену и все относящееся къ воспитанію дѣтей.

То же самое можно сказать и о воспитаніи мужчины, — воспитаніи, въ которомъ изученіе точныхъ наукъ должно будетъ занять первенствующее мѣсто. Понятно, что при этомъ нравственное поведеніе и научное знаніе будутъ связаны гораздо тѣснѣе, чѣмъ теперь. Невѣжественная мать будетъ очень плохой воспитательницей, несмотря на всю свою добрую волю и любовь. Врачъ, преисполненный величайшей симпатіей къ больнымъ, но безъ необходимыхъ знаній, можетъ принести имъ огромное зло. Безупречные съ нравственной стороны политическіе дѣятели тѣмъ не менѣе, по невѣжеству, часто проводятъ вреднѣйшую политику. Съ успѣхомъ знаній нравственное поведеніе будетъ все болѣе и болѣе отождествляться съ полезнымъ поведеніемъ.

Меня укоряли въ томъ, что въ моей системѣ гигиена тѣла занимаетъ слишкомъ крупное мѣсто. Но это и не можетъ быть иначе, потому что здоровье играетъ преобладающую роль въ жизни. Несмотря на весь свой пессимизмъ, *Шопенгауэръ* былъ

убѣжденъ въ томъ, что «здоровье есть величайшее сокровище, передъ которымъ все остальное — ничто» (выписка изъ письма къ его другу).

Многія религіи однимъ изъ главныхъ своихъ правилъ ставятъ выполнение гигиеническихъ мѣръ. Нѣкоторые ученые отвергаютъ, будто предписаніе обрѣзанія имѣетъ гигиеническую цѣль; тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что въ еврейской религіи правила гигиены играютъ существенную роль.

Одно христіанство, въ связи со своимъ презрѣніемъ къ чело-вѣческому тѣлу, исключило гигиену изъ своихъ правилъ. *Иисусъ Христосъ* сказалъ: «не печитесь о томъ, что будете ѣсть и пить; ни о своемъ тѣлѣ, чѣмъ будете одѣты. Жизнь не важнѣе ли пищи и тѣло—одежды?» (Матѣ., VI, 25).

Такъ какъ очень долго гигиена находилась на весьма низкой степени развитія, то совершенно естественно, что она не могла занять должнаго мѣста въ чело-вѣческой жизни. Быть можетъ, остатку такихъ возрѣвій отчасти и обязано возраженіе моей системѣ ортобіоза, будто она отводитъ преувеличенное мѣсто гигиенѣ.

Однако въ настоящее время положеніе существенно измѣнилось. Съ тѣхъ поръ какъ основана научная гигиена, благодаря бактеріологическимъ изслѣдованіямъ, она сразу приняла значеніе точной науки.

Поэтому становится необходимымъ отвести ей преобладающее мѣсто въ прикладной нравственности, той вѣтви знанія, которая поучаетъ насъ, какъ слѣдуетъ жить людямъ.

Мнѣ возражаютъ также, что въ моей системѣ «нѣтъ мѣста для альтруизма» ¹⁾. Дѣйствительно, какъ было сказано выше, я старался обосновать нравственное поведеніе на эгоистическихъ началахъ. Я думаю, что желаніе жить по идеалу ортобіоза и устроить жизнь близкихъ нормальнымъ образомъ составляетъ могущественный двигатель, способный заставить людей жить сообща, не вредя, а, напротивъ, помогая другъ другу. Двигатель этотъ доступенъ людямъ съ не особенно развитымъ чувствомъ альтруизма и поэтому долженъ въ широкихъ размѣрахъ способствовать распространенію нравственного поведенія среди людей. Хотя я и полагаю, что въ будущемъ такія проявленія утонченной нравственности, какъ жертвованіе жизнью и здоровьемъ, станутъ почти или совсѣмъ лишними, тѣмъ не менѣе думаю, что въ настоящее время альтруизмъ и въ моей системѣ долженъ легко найти себѣ примѣненіе. Приложение къ практикѣ добытыхъ научныхъ данныхъ потребуетъ, конечно, много самопожертвованія и доброй воли. Борьба съ различными предразсудками,

¹⁾ Grasset. „Le Fin de la vie“, Revue de philosophie, 1 août 1903.

защита и разработка здравыхъ понятій,—все это требуетъ благороднѣйшаго альтруизма.

Опасенія моихъ критиковъ тѣмъ менѣе основательны, что чувства симпатіи и солидарности будутъ имѣть широкое примѣненіе въ содѣйствіи людямъ достигъ въ своей эволюціи настоящей цѣли нормальной жизни.

Хотя уже и теперешнія знанія позволяютъ установить основы рациональной нравственности, но мы въ правѣ предполагать, что съ дальнѣйшими успѣхами науки правила нравственнаго поведенія будутъ все болѣе и болѣе совершенствоваться.

Не слѣдуетъ думать, что въ этомъ выражается слѣпая вѣра во всемогущество науки.

Тотъ, кто исполняетъ свои обѣщанія, внушаетъ тѣмъ самымъ больше довѣрія, чѣмъ тотъ, кто обѣщаетъ много и ничего не даетъ. Наука уже часто оправдывала возлагаемыя на нее надежды. Она позволяетъ бороться съ самыми ужасными болѣзнями и облегчаетъ существованіе.

Итакъ, упрекъ въ проповѣдываніи слѣпой вѣры въ успѣхъ науки.—вѣры, замѣняющей религію,—несправедливъ, такъ какъ дѣло сводится къ вполне заслуженному довѣрію къ наукѣ.

Столь же несправедливо возраженіе, будто система моя построена на принципѣ конечной—слѣдовательно, метафизической—цѣли.

Пароди ¹⁾ думаетъ, что гипотезы о физиологической старости и о естественной смерти предполагаютъ мысль о естественной продолжительности жизни, до которой, по случайнымъ причинамъ, человѣкъ не вполне доживаетъ въ настоящее время. «Г-нъ М... употребляетъ и повторяетъ выраженіе «нормальный циклъ». Не виденъ ли въ этомъ неожиданный возвратъ къ прежнему воззрѣнію о конечной цѣли въ природѣ, которая вначалѣ такъ энергично отрицалась? Не вѣра ли это въ то, что видъ—необходимая реальность, которая соотвѣтствуетъ извѣстному и строго опредѣленному типу и какъ бы особому предначертанію природы, и что послѣдняя имѣла какъ бы руководящую мысль, идеаль, который могъ быть скрытъ или извращенъ вѣшними условіями, но который слѣдуетъ вполне возстановить въ цѣлости? Иначе, какое же право имѣемъ мы утверждать, что должно существовать полное и устойчивое равновѣсіе между индивидуумомъ и средой, что *существуетъ* нормальный циклъ, что дисгармоніи *должны* исчезнуть?»

Легко доказать, что все эти принципиальныя возраженія основаны на простомъ недоразумѣніи. Я никогда не упоминалъ о ка-

¹ „Morale et Biologie“, Revue philosophique, 1904 г., т. CVIII, стр. 125.

комъ бы то ни было идеалъ *природы*, ни о неизбежности превращенія дисгармоній въ гармоніи. Не имѣя понятія ни о «цѣляхъ», ни о «мотивахъ» природы, я никогда не становился на метафизическую точку зрѣнія. Я вовсе не знаю, имѣетъ ли природа какой бы то ни было идеалъ и отвѣчаетъ ли ему появленіе человѣка на землѣ.

Я говорилъ объ идеалѣ *людей*, соответствующемъ потребности избѣжать великихъ бѣдствій старости и смерти, какими мы видимъ ихъ вокругъ себя. Я говорилъ еще, что человѣческая природа, состоящая изъ очень сложной суммы слагаемыхъ весьма различнаго происхожденія, заключаетъ въ себѣ нѣкоторые элементы, которыми можно воспользоваться для видоизмѣненія ея согласно съ нашимъ, *человѣческимъ* идеаломъ.

Я поступилъ не иначе, какъ агрономъ, находящій въ природѣ растений такіе элементы, которые позволяютъ ему добиваться новыхъ усовершенствованныхъ расъ. Подобно тому, какъ природа нѣкоторыхъ сливъ заключаетъ въ себѣ элементы, позволяющіе добиться болѣе удобныхъ для ѣды сливъ безъ косточекъ, такъ и въ нашей собственной природѣ существуютъ свойства, допускающія превращеніе дисгармоничной природы этой въ гармоническую, соответствующую нашему идеалу и способную доставить намъ счастье.

Мнѣ совершенно неизвѣстны намѣренія Природы и ея идеалы по отношенію къ сливамъ; но я очень хорошо знаю, что у человѣка могутъ быть намѣренія и идеалы, могущіе служить исходной точкой для измѣненія природы этихъ фруктовъ. Для того, чтобы стать на мою точку зрѣнія, стоить на мѣсто сливы поставить человѣка.

Говоря о нормальномъ циклѣ или о физиологической старости, я употреблялъ слова эти исключительно въ смыслѣ нормальныхъ или физиологическихъ явленій по отношенію къ *нашему*, *человѣческому* идеалу. Я бы могъ точно такъ же сказать, что кактусъ безъ шиповъ есть нормальный кактусъ, при условіяхъ, когда требуется получить сочное растеніе, удобное для пищи скота. Мнѣ казалось проще сказать «нормальный» или «физиологическій», чѣмъ «соответствующій идеалу людей».

Я такъ мало убѣжденъ въ существованіи какихъ-нибудь предначертаній природы для превращенія нашихъ бѣдствій въ блага и дисгармоній въ гармоніи, что нисколько не дивился бы, если бы идеалъ этотъ никогда не былъ достигнутъ. Даже люди, не склонные къ метафизикѣ, часто говорятъ о намѣреніи природы сохранить видъ на счетъ индивидуума. При этомъ опираются на тотъ фактъ, что видъ переживаетъ индивидуумъ. Но вѣдь очень многіе виды

совершенно исчезли. Между ними были очень высоко организованные существа, какъ нѣкоторые виды человекообразныхъ обезьянъ (*Dryopithecus* и т. д.).

Природа не пощадила ихъ; почему знать, не готова ли она поступить такъ же и по отношенію къ роду человѣческому?

Мы не можемъ постичь невѣдомаго, его плановъ и намѣреній. Оставимъ же въ сторонѣ Природу и будемъ заниматься только тѣмъ, что доступно нашему уму.

Послѣдній говоритъ намъ, что человѣкъ способенъ на великія дѣла; вотъ почему слѣдуетъ желать, чтобы онъ видоизмѣнилъ человѣческую природу и превратилъ ея дисгармонію въ гармонію. Одна только воля человѣка можетъ достичь этого идеала.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе къ 3-му изданію	3
Предисловіе ко 2-му изданію	7
Предисловіе къ первому русскому изданію	15
Изъ предисловія къ французскому изданію	19

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О старости.

I.

Отношеніе къ старикамъ въ дикихъ странахъ. — Убійство стариковъ въ цивилизованныхъ странахъ. — Самоубійства стариковъ. — Помощь старикамъ. — Столѣтніе старцы. — Г-жа *Робинъ*, женщина 106 лѣтъ. — Главныя старческія черты. — Примѣръ старыхъ млекопитающихъ. — Старыя птицы и черепахи. — Гипотеза старческой дегенерации у низшихъ животныхъ 21

II.

Гипотезы о причинахъ старости. — Причину эту нельзя объяснить истощеніемъ способности размноженія кѣловокъ. — Ростъ волосъ головы, бороды и ростъ ногтей у стариковъ. — Внутренній механизмъ старчества тканей. — Несмотря на возраженія *Маринеско*, нейрофаги — настоящіе фагоциты. — Сѣдѣніе волосъ и разрушеніе нервныхъ кѣловокъ служатъ аргументами противъ той теоріи старости, которая основана на истощеніи способности кѣловокъ къ размноженію 30

III.

Роль макрофаговъ при разрушеніи благородныхъ элементовъ организма. — Старческое перерожденіе мускульныхъ волоконъ. — Атрофія скелета. — Атерома и артерioskлерозъ. — Теорія, по которой старость наступаетъ вслѣдствіе измѣненія сосудистыхъ железъ. — Ткани организма, не разрушаемыя макрофагами 37

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Продолжительность жизни животныхъ.

I.

Связь между долговѣчностью и ростомъ животныхъ. — Долговѣчность и періодъ роста. — Связь между долговѣчностью и удвоеніемъ вѣса новорожденныхъ. — Долговѣчность и плодовитость. — Предполагаемая связь между долговѣчностью и способомъ питанія 49

II.

Продолжительность жизни низшихъ животныхъ. — Примѣръ долговѣчности активной и другихъ беспозвоночныхъ. — Долговѣчность наѣкомыхъ. — Долговѣчность холоднокровныхъ позвоночныхъ. — Долговѣчность птицъ. — Долговѣчность млекопитающихъ. — Различная продолжительность жизни обоихъ половъ. — Соотношенія между долговѣчностью, плодовитостью и продуктивностью организма 55

III.

Стр.

Связь между долговѣчностью и устройствомъ пищеварительныхъ органовъ.—Слѣпая кишка у птицъ.—Толстыя кишки млекопитающихъ.—Роль толстыхъ кишокъ.—Кишечные микробы.—Ихъ роль въ самоотравленіи и въ самозараженіи организма.—Прохожденіе микробовъ сквозь стѣнки кишокъ 65

IV.

Связь между долговѣчностью и кишечной флорой.—Жвачные.—Лошадь.—Кишечная флора птицъ.—Бѣгающія птицы и ихъ кишечная флора.—Продолжительность жизни бѣгающихъ птицъ.—Летающія млекопитающія.—Кишечная флора и долговѣчность летучихъ мышей.—Нѣкоторыя исключенія изъ общаго правила.—Нечувствительность низшихъ позвоночныхъ къ нѣкоторымъ кишечнымъ ядамъ . 75

V.

Продолжительность жизни человѣка.—Теорія *Эбштейна* относительно нормальной продолжительности жизни человѣка.—Примѣры долговѣчности въ человѣческомъ родѣ.—Условія, способныя объяснить наибольшую долговѣчность человѣка. 84

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Этюдъ о естественной смерти.

I.

Естественная смерть въ мірѣ растений.

Теорія безсмертія одноклѣточныхъ организмовъ.—Примѣры особенно старыхъ деревьевъ.—Примѣры растений, живущихъ очень недолго.—Продленіе жизни нѣкоторыхъ растений.—Теорія естественной смерти растений вслѣдствіе истощенія.—Смерть растений вслѣдствіе самоотравленія 92

II.

Естественная смерть въ мірѣ животныхъ.

Различное происхожденіе естественной смерти у животныхъ.—Примѣры естественной смерти, сопровождающейся насиліемъ.—Примѣры естественной смерти животныхъ, лишенныхъ пищеварительныхъ органовъ.—Естественная смерть у различныхъ половъ.—Гипотеза о причинѣ естественной смерти животныхъ . . 103

III.

Естественная смерть въ человѣческомъ родѣ.

Естественная смерть стариковъ.—Аналогія между естественной смертью и сномъ.—Теорія сна.—Поногенныя вещества.—Истинный сна.—Истинный естественной смерти.—Отвѣтъ на возраженія.—Приятное ощущеніе при наступленіи смерти 110

IV.

Отвѣтъ нѣкоторымъ критикамъ.

Возраженія профессора *Рибберта* и его соображенія о естественной смерти.—Наличность кишечныхъ ядовъ и вѣроятность ихъ роли въ заболѣваніи артерій.—Роль макрофаговъ въ истребленіи нервныхъ клѣтокъ въ старости.—Критика теоріи *Рибберта* о значеніи пигментныхъ зеренъ въ старческомъ перерожденіи и въ естественной смерти 119

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Слѣдуетъ ли пытаться продлить человѣческую жизнь.

I.

Стр.

Жалобы на тему о краткосрочности нашей жизни.—Теорія „медицинскаго подбора“, какъ причины вырожденія человѣческаго рода.—Польза отъ продленія человѣческой жизни 131

II.

Попытки продленія человѣческой жизни въ древности.—Герокомія.—Напитокъ безсмертія таоистовъ.—Способъ *Вроунъ-Секара*.—Сперминъ *Пеля*.—Наставленіе доктора *Вебера*—Увеличеніе долговѣчности въ теченіе вѣковъ.—Гигіеническія правила, которымъ должно слѣдовать.—Уменьшеніе числа раковыхъ пораженій кожи 133

III.

Мѣры противъ заразныхъ болѣзней, какъ средство проленія жизни.—Предохранительныя мѣры противъ сифилиса.—Попытки приготовленія сыворотокъ съ цѣлью укрѣпленія благородныхъ элементовъ организма 140

IV.

Безполезность толстыхъ кишокъ для человѣка.—Примѣръ женщины, у которой толстыя кишки не совершали отправленій въ продолженіе шести мѣсяцевъ.—Другой примѣръ женщины, у которой большая часть толстыхъ кишокъ была совершенно исключена.—Попытки обеззараживанія содержимаго толстыхъ кишокъ.—Продолжительное жеваніе, какъ средство помѣшать гніенію въ кишкахъ 145

V.

Развитіе кишечной флоры у человѣка.—Безвредность обеззараженной пищи.—Вредъ отъ гнилой пищи.—Средства противъ загниванія пищевыхъ веществъ.—Молочнокислое броженіе и его противогнильное свойство.—Опыты на людяхъ и на мышахъ.—Долговѣчность народовъ, питающихся кислымъ молокомъ.—Сравнительное изслѣдованіе различныхъ сортовъ кислаго молока.—Особенности болгарской папочки.—Противодѣйствіе кишечному гніенію при помощи бактерий. 152

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Психическіе рудименты у человѣка.

I.

Отвѣтъ критикамъ, которые отрицаютъ происхожденіе человѣка отъ обезьяны.—Несомнѣнное существованіе рудиментарныхъ органовъ.—Вырожденіе у человѣка органовъ чувствъ.—Атрофія органа Якобсона и Гардеровской железы у человѣка. 171

II.

Психическія особенности человѣкообразныхъ обезьянъ.—Ихъ мышечная сила.—Проявленія страха.—Пробужденіе у человѣка скрытыхъ инстинктовъ подъ влияніемъ страха 176

III.

Боязнъ, какъ поводъ обнаруженія истеріи.—Естественный сомнамбулизмъ.—Раздвоеніе личности.—Нѣсколько примѣровъ лунатиковъ.—Сходство между дѣйствіями лунатиковъ и жизнью человѣкообразныхъ обезьянъ.—Психологія толпы.—Важность изученія истеріи для разрѣшенія вопроса о происхожденіи человѣка. 182

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Особь и общество въ животномъ мірѣ.

I.

Стр.

Вопросъ вида въ человѣческомъ родѣ. — Потеря индивидуальности въ колоніяхъ низшихъ организмовъ. — Миксомидеты и сифонофоры. — Индивидуальность у сложныхъ асцидий. — Прогрессъ въ развитіи особей, живущихъ въ обществахъ 191

II.

Общественная жизнь у насѣкомыхъ. — Развѣтленіе и сохраненіе индивидуальности у этихъ животныхъ. — Раздѣленіе труда и принесеніе въ жертву индивидуальности у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ 196

III.

Человѣческія общества. — Обособленіе группъ въ человѣческомъ родѣ. — Ученныя женщины. — Пчелы *Halictus quadricinctus*. — Теоріи коллективизма. — Критика *Герберта Спенсера* и *Ницше*. — Прогрессъ индивидуальности въ обществахъ высшихъ существъ 198

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

Пессимизмъ и оптимизмъ.

I.

Восточное происхожденіе пессимизма. — Поэты-пессимисты. — *Байронъ*. — *Леонардо*. — *Пушкинъ*. — *Лермонтовъ*. — Пессимизмъ и самоубійство 207

II.

Попытки опредѣлить причины пессимистическаго міровоззрѣнія. — Мысли *Эд. Гартманна* по этому поводу. — Критика работы *Ковалевскаго* о психологій пессимизма 211

III.

Связь между пессимизмомъ и состояніемъ здоровья. — Исторія ученаго, бывшаго пессимистомъ въ молодости и ставшаго впоследствии оптимистомъ. — Оптимизмъ *Шопенауэра* въ старости. — Развѣтленіе чувства жизни. — Развѣтленіе органовъ чувствъ у сабныхъ. — Чувство препятствія 217

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

Гёте и Фаустъ.

I.

Молодость *Гёте*. — Пессимизмъ его юности. — Вертеръ. — Наклонность къ самоубійству. — Работа и любовь. — Міровоззрѣніе *Гёте* въ зрѣломъ возрастѣ . . . 228

II.

Періодъ оптимизма у *Гёте*. — Образъ его жизни въ этомъ періодѣ. — Роль любви въ творчествѣ. — Артистическія наклонности относятся къ категоріи вторичныхъ половыхъ признаковъ. — Старческая любовь *Гёте*. — Соотношеніе между гевіемъ и половой дѣятельностью 235

III.

Стр.

Старость Гёте.—Физическая сила и умственная бодрость старика.—Оптимистическое мировоззрѣніе его.—Жизнерадостность послѣдняго періода жизни 242

IV.

Фаустъ есть автобіографія Гёте.—Три монолога первой части.—Пессимизмъ Фауста.—Мозговое переутомленіе ищетъ лѣкарства въ любви.—Романъ съ Маргаритой и его несчастная развязка 244

V.

Вторая часть Фауста посвящена, главнымъ образомъ, описанію старческой любви.—Любовная страсть старика.—Смирненіе стараго Фауста.—Платоническая любовь его къ Еленѣ.—Мировоззрѣніе стараго Фауста.—Его оптимизмъ.—Общая мысль всего произведенія 250

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

Наука и нравственность.

I.

Сложность нравственныхъ задачъ.—Вивисекція и антививисекціонисты.—Изысканія относительно возможности рacionales нравственности.—Утилитарная и интуитивная теорія нравственности.—Неудовлетворительность обѣихъ 259

II.

Попытки основать нравственность на законахъ человѣческой природы.—Теорія нравственной принудительности *Канта*.—Нѣкоторые возраженія противъ кантовской теоріи.—Нравственность должна быть подъ руководствомъ разума . . . 265

III.

Личная нравственность.—Исторія двухъ братьевъ, воспитанныхъ при одинаковыхъ условіяхъ, но поведеніе которыхъ было совершенно различно.—Позднее развитіе чувства жизни.—Развитіе симпатій.—Роль эгоизма въ нравственномъ поведеніи.—Христіанская нравственность.—Нравственность *Герберта Спенсера*.—Опасность преувеличенія альтруизма 270

IV.

Человѣческая природа должна быть видоизмѣнена сообразно извѣстному идеалу.—Сравненіе съ измѣненіемъ въ природѣ растений и животныхъ.—Шлангтедтская рожь.—Растенія, культивированныя *Бербанкомъ*.—Идеаль ортобіоза.—Безнравственность невѣжества.—Роль гигиены въ общественной жизни. Мѣсто альтруизма въ нравственномъ поведеніи.—Отсутствіе метафизическихъ воззрѣній въ теоріи ортобіоза 276